

С ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ, или НЕПОВИНОВЕНИЕ

Михаэль Бабель и Нехама Беркинблит

Рассказ 1

Дежурный судья назначил суд на 15.9.2005.

На требование прокуратуры издать постановление о моём невыезде за границу, он улыбался и тянул долгое "нуу".

Умница, молодой, красавец, душака и прочее – чекисты выставили его для опровержения моих домыслов о кэгэбэшном государстве – уважил мою просьбу не идти мне самому в «суд кэгэбэ». Это были мои слова, а протокол с этими словами – его, и обязал прокуратуру и полицию доставлять меня, а меня обязал быть дома двадцать четыре часа перед судом.

Но чекистское опровержение не состоялось.

За два дня до суда, в нарушение постановления дежурного судьи, появились у меня в квартире полицейские с новым постановлением: самому явиться в суд. Копию постановления обещают дать, а пока подписывай или мы забираем тебя до суда.

Подписываю. Дают мне копию бумаги с моей подписью. И из-за этого забываю про обещанную копию нового постановления.

А за день до суда звонит старший следователь из полиции на «Русском подворье»:

- Бабель, зайдите.
- Что вдруг?
- Есть вопросы к вам.
- Какие ещё вопросы? Завтра суд.
- Зайдите.
- Пришлите письмо.
- Это срочно.
- Нет и нет. – Прекращаю разговор.

Чувствую, что чекисты надули меня с новым постановлением.

Еду к дежурному судье. Оказывается, он в отпуске и будет через месяц.

Иду к Захаве, она печатает эти постановления. Говорит, что ничего нового по моей теме не печатала. Смотрит в компьютер и там ничего не находит. Я ей рассказываю, что были у меня полицейские с новым постановлением. Она шумит, что я к ней пристал. Посылает в полицию принести это постановление и показать ей.

Иду в полицию. А там объявляют, что я задержан – нарушил постановление о домашнем аресте на сутки до суда.

Снова: «сиди здесь», «стой там», «иди».

Прошу дать попить. Обещают, но не дают.

Прошу дать новое постановление. Не отвечают.

Два раза обыскивают. Пишут бумаги. Сменяются комнаты.

Приводят к старшему следователю, который звонил и звал зайти.

Вот и зашёл.

У него на столе моя книга «Суд». Листает моё дело.

Прошу дать попить. Обещает, но не даёт.

Прошу дать новое постановление. Не отвечает.

Оказывается, кроме всех прежних дел, на меня вешают ещё два: первое – угроза судье, что послал ей книгу, и второе – вышел из-под домашнего ареста.

- А кто решает, кому можно послать, а кому нельзя? – спрашиваю.

- Не мы решаем, – скромничает следователь и показывает головой на толстую чёрную книгу, единственную на полке.

- Всё это уже было в другой кэгэбэшине, – говорю я следователю. – Она обвалилась через семьдесят лет. И эта обвалится через семьдесят лет.

- Это кто обвалился и когда? – вмешивается другой полицейский.

Он тоже был в комнате, но до этого молчал. Он русскоговорящий и как-то раз бахвалился, что по моему делу знает всё. В любом месте полицейского отделения, где оказываюсь я, появляется он, как бы невзначай. При подаче жалобы, что били стёкла в моей квартире, он тоже появился. Делать ничего не делает, маячит. «Ведёт» мою тему.

- В 1988 году обвалилась, – переключаюсь на него.

- В 1988 году никто не обвалился, Горбачёв был на своём месте, – опровергает меня защитник той и этой кэгэбэшны.

- Но "процесс уже пошёл", – цитирую ему Горбачёва.

Старший следователь просит русскоговорящего замолчать.

Он передаёт меня с папкой по моему делу и с моей книгой следователю в другую комнату.

И этот... в кипе?

Прошу дать попить. Обещает, но не даёт.

Прошу дать новое постановление. Не отвечает.

Листает досье.

Нет, так не пойдёт. Придётся дать совет чекистам – подавать стакан воды. Но лучше чай с пакетиком сахара, чтобы без ненужного вопроса: вам с сахаром или без? Только пусть чекисты не подумают, что это делают для меня, ради предотвращения обвала. Обвал не от меня зависит, правда, я его приход ускорю.

Пытаюсь вспомнить одного человека. Он подал мне стакан воды, а я не просил, но, чтобы не обидеть, взял. А он говорит: «Мама меня научила подавать стакан воды. Это единственное, что осталось у меня от еврейства». Как жаль, что не могу вспомнить.

- Значит, угрожаете судье, – начинает следователь, ехидно улыбаясь.

Острый нос, острое лицо, острые глаза – полная противоположность начальству с плоским круглым лицом, плоским носом, плоскими глазами.

Найдёт ли специалист общие внешние черты людей этой профессии в тоталитарных режимах?

- А что, нельзя посылать книги? – спрашиваю.

- Нельзя, – отвечает следователь и набирает наш разговор в компьютер.

- И в кнессет народным избранникам нельзя? – удивляюсь я.

- А зачем тебе это? – смотрит на меня.

Он меняет тему. Но культурный человек сначала заканчивает предыдущую.

- Но я послал книгу всем верхам этой кэгэбэшни, – возмущаюсь я его ложью. – Я угрожаю многим. Я угрожаю всей кэгэбэшне.

- Какая это угроза? – наостряется он весь.

- Будет обвал в 2018 году. Хафец Хаим дал семьдесят лет тем большевикам. Они и обвалились. И эти большевики обвалятся через семьдесят лет.

- А что будет? – вопрос его звучит натурально, видно побаивается.

Что будет? – я не знаю, я не пророк.

- А будет еврейское государство, – говорю, потому что так мне хочется. Это его успокаивает. Знает про настоящих евреев, что они не мстительны. Следователь делает распечатку беседы, даёт подписать.

Старший следователь ведёт меня для сдачи в предварительное заключение с вонючими одеялами. Его бы на денёк завернуть в провонявшие мочой, затоптанные одеяла. Неужели нельзя выдавать это солдатское одеяло постиранным?

Перед дверью в предварилку говорю ему, что они помогают мне писать новую книгу. Он что-то хмыкает в ответ.

В предбаннике он оформляет передачу меня в заключение. А я стою на приличном расстоянии от него, где мне велел стоять уже другой приказатель.

Как всегда, занялся своими мыслями. Но вдруг вспомнил, быстренько подошёл к старшему следователю записать его личный номер на полосочке, висящей у плеча, но не нашёл полосочку, а он показал на серебристую пластинку на груди – для его важной должности без номера у плеча, а с именем на груди. Записал и вернулся, где приказано стоять.

И снова за свои мысли. Но вдруг чувствую, что ко мне обращаются. Ищу – кто? Издалека старший следователь громко прощается со мной. Какая честь для меня в предбаннике, полном чекистов! В знак признательности наклонил голову. Он улыбнулся.

Не простил себя сразу, но прощу, потому что, в отличие от той кэгэбэшни и от здешнего русского чекиста, мы с ним знаем, что мы – евреи.

Повторяется долгое и нудное оформление задержания. Снова обыск, запись отбираемых на хранение денег, документов, мобильного телефона, ключей. Снова матрас и одеяла. Снова гремят замки.

Та же камера, но лица новые, взрослые парни и один пожилой. Один парень лезет наверх освободить мне место, другой забрасывает туда мой матрас.

Парень, голый по пояс и в модных штанах до колен, держит бутылку минеральной и разовый стаканчик. Улыбается дружески и говорит:

- Ты у меня будешь пить, пока весь не наполнишься водой.

Слёзы потекли во мне по всем чутким каналам, а на лице благодарная улыбка. Я забыл, что хочу пить. А откуда он знает?

Присаживаюсь пить, решил, что второй стакан наливать не буду – ведь минеральная, обойдусь водой из крана, поэтому медленно пью, а парень с бутылкой отходит к играющим в карты. Отвечаю на первый обязательный вопрос «за что?»: за кэгэбэ. Встречают ответ с пониманием, хихикают, смакуют слово «кэгэбэ», объясняют одному из них непонятливому.

Снова забыв о желании пить, лезу на койку поспать. Просыпаюсь иссушенный.

Карты кончились. Парни внимательно слушают пожилого, который читает по несколько слов в мудрой книге и поясняет прочитанное.

Очень хочу пить. Только слез, как пожилой отрывается от книги и спрашивает, хочу ли сладенькой, холодненькой. Очень хочу, говорю правду. Один из парней достаёт бутылку с красным напитком из ведра, в нём еще несколько бутылок, а между ними ледяные шарики, и всё накрыто одеялами. Другой парень даёт большую пластмассовую кружку, которую наполняют доверху. Присаживаюсь пить на край свободной постели. Первый глоток останется в моей памяти вместе с добрыми лицами наблюдателей. Пока пью, висит надо мной бутылка, готовая излиться, радуется и утешает. Подставляю опорожненную кружку. Парень наливает до края, пустую бутылку ставит к стене. Пью медленно, прикидываю, сколько ещё кружек выпью. Начинаю прислушиваться к уроку, а пустую кружку держу. Один парень, чтобы не мешать уроку, приглушённо спрашивает, хочу ли сладкие печенья. И я, чтобы не мешать уроку, чуть запрокинув голову назад, опрокидываю пустую кружку в рот. И сразу парень, который ближе к ведру, снимает с него одеяла и даёт мне полную бутылку.

Потом была вечерняя молитва. Все одиннадцать, что были в камере, встали на молитву. Кто был в кипе – в кипе, кто без кипы – надели кипу, три кипы сделали из газеты.

Потом пели допоздна.

Я пошёл спать первым – завтра утром суд.

А перед сном пошёл за перегородочку побрызгать. Нехитрое устройство – дырка в полу и два следа ног. Потом смотрю на ручки кранов – не как дома. А думаю своё. Повернул верхнюю. И тихо хихикнул. Оказалось, там, где стоишь и брызгаешь, там и душ. Тогда повернул нижнюю – шумно зажурчала вода в дырке. Не слышно, что в камере. Тихо хихикал и вытирал бумагой лицо и голову. Люблю посмеяться над собой, иногда до упаду. Вытер глаза от слез. Потом вышел. Все сидят притихшие.

Один парень спрашивает сочувственно:

- Плакал?

- Нет, – говорю, – открыл верхний кран.

Было только мгновение перед взрывом смеха, которого эта тюрьма никогда не слышала.

Дольше всех смеялся я.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 2

Вертухай привёл меня и усадил на лавке у входа напротив судьи. По прямой линии между нами стоял здоровяк на случай моего нападения на судью. Другой здоровяк стоял у двери – не дать мне уйти после нападения. На столе у прокуроров увидел мою книгу «Суд».

В комнате, кроме судьи и здоровяков, ещё девять мужчин и женщин со стороны кэгэбэ, все в белых рубашках. Не слабо.

Я закрыл глаза.

Немногочисленных пришедших меня поддержать не пустили, сидят в коридоре напротив двери, бродят по зданию в поисках меня. Среди них один чекист, он стоял «свидетелем», когда ногами били меня по яйцам возле кнессета. Тщетно ожидал – я не ответил. Рассказывают, он обижен на меня, что описал его.

Остальные чекисты тоже будут играть роль обиженных? А что чекистскому руководству делать с описанными чекистами? Скрыть в далёкой Австралии? Не слишком ли накладно – этакая орава!

Если так пойдёт дальше, то чекисты ещё будут носить мне передачи. И укоризненно качать пальцем: ша-лишь, баловник!

Не отвертись, товарищ кэгэбэ. Не сострять на меня ещё одно обвинение? О клевете на хороших людей. Да ещё иск на пару миллиончиков.

А вместе с чекистом пришёл один мудака, для объективности, мол, и таким недостойным, вроде меня, надо помогать. Это для него «причесал» такую мысль: *Его предупредили, что общается со стукачом, но он продолжал, чтобы не быть на подозрении у тайной полиции.*

Я ещё расшевелю его к показаниям против меня, для объективности, мол, таким недостойным, вроде меня, причитается.

А для всех мудаков причесал такую мысль: *Не говори, что не был мудаком там, если уже дважды мудака здесь.*

А для не русскоговорящих мудаков причесал такую: *Скажи мне, кто твой мудака, и я скажу, кто ты.*

Судья говорила издали, прокурорша говорила в противоположную от меня сторону, говорили очень интеллигентно, тихо. Я их не слышал и не хотел слышать. Но вопрос судьбы ко мне услышал: «Вы Михаэль Бабель?» Я молчал с закрытыми глазами. Потом услышал ещё вопрос: «У вас есть адвокат?»

Наверное, уснул. Чувствую, меня тянут за руку. Тянуть мог только мой вертухай. Шепчет мне радостно, что сегодняшнее дело оказалось пустым.

Не раз было со мной и от других слышал, что вертухайи под грохот замков и дверей говорят тихо: «Мы вас любим». От страха за свою вертухайскую жизнь? Но говорят так только те, у кого еврейские глаза.

Вертухай ведёт в отдел, где требуется моя подпись о явке в суд, назначенный через месяц, и о гарантии в тысячу пятьсот шекелей. Крысopodobная швыряет мне бумагу на подпись. Я читаю и подумываю, но она уже кричит: «Ты подписываешь или нет?» И тянет руки забрать бумагу. Она спешит загнать меня на месяц в заключение до суда. Её крысиные глазки полны желания рвать меня крысиным ртом. «Ну!» – кричит она. И я подписываю.

Получаю протокол суда. Не заглянув в бумаги, засовываю их в карман.

Долгая процедура выхода.

Прошу дать новое постановление, то самое. Отвечают, что оно у прокурора.

Первое ощущение после отсидки дня или года – одно: идёшь арестантом среди людей. Я ещё не как все – подальше от них, в конец автобуса.

Так какой ход записал товарищ кэгэбэ?

Стиль и грамматика на совести суда. Хотел продолжить: «а враньё на совести кэгэбэшных прокуроров». Смешно стало.

Протокол

Прокуратура: <...> судья решил, что обвиняемый будет приведён по постановлению о приводе 24 часа перед заседанием. <...> обвиняемый не был готов внести любую сумму денег, которые будут гарантировать его явку, и тоже осветил, что он не готов прибыть в суд сам, а только в сопровождении полиции. <...> Я предлагаю суду тетрадь, которая написана обвиняемым, и жалобу охраны суда, не избежать назначения общественного защитника обвиняемому, говорится о проступке, который налицо, не обязывает классификации защитника, и также послать обвиняемого, на проверку у районного психиатра, я попрошу, чтобы суд осветил обвиняемому последствия неявки в суд.

Суд: Суд объясняет обвиняемому его обязанность прибыть в суд на заседания, и если не придёт сам, не будет выхода, как задержать его и доставить с помощью полиции.

Обвиняемый сидит и его глаза закрыты и не реагирует.

Постановление: В свете вышесказанных обстоятельств, общественной защите назначить защитника обвиняемому. На этой стадии, так как состояние обвиняемого неизвестно, и видно, что он не намерен участвовать в психиатрической проверке, я не указываю на эту проверку. Вопрос способности обвиняемого быть судимым, вторично поднимется после назначения ему защитника. Заседание откладывается на 9.10.05. в 10.00.

Суд: Разъяснено обвиняемому в дополнительный раз, что ему явиться на заседание.

Обвиняемый не реагирует на вопрос суда, есть ли у него что-нибудь сказать по вопросу условий его освобождения от ареста.

Постановление: Обвиняемый будет освобождён от ареста, за подписью о собственной гарантии в 1500 шекелей, и обязательстве явиться на следующее заседание. Дано сегодня 15.9.2005 в присутствии сторон. Судья <>.

(Так!)

Отдел государственного контролёра в ответ на мою жалобу, что «шьют» мне дела, известил, что обсудит жалобу с теми, на кого жалуюсь. Только прежде я должен составить письмо по-другому, потом оказалось, должен дослать ещё какую-то бумагу, потом выяснилось, должен сообщить ещё какой-то номер. А время идёт и идёт. Я жду и жду. Наконец, звоню:

- Моё последнее письмо получили?
- Да, да, – как-то рассеянно отвечает женщина.
- А почему не извещаете о получении? – немножко возмущаюсь я.

Растерянно что-то мямлит и говорит:

- Обязательно пришлём.

И присылают ответ: так как уже есть обвинение, госконтролёр не может в это дело вмешиваться.

Согласованность полная в кэзэбэ.

А люди знают то, что нужно знать.

Один из них знает, что я угрожал оружием, и теперь ему понятно, что было покушение на меня. Он немолод, держится солидно, говорит вполголоса и его не повышает, возглавляет конференции, еженедельники, присуждение художественных премий, визиты за границу. Мелкоте я не позвонил бы, но такому!

Поздравил его с Новым годом и сказал:

- Я веду расследование по моему делу, а вы знаете обо мне то, чего даже я не знаю, – угроза оружием.

- Я этого не говорил, – ответил он в своей приятной манере, – о несдаче оружия сказал.

- А кто вам это сказал?

- Не помню, – резко и несолидно отрезал он.

- Но разве можно говорить то, чего не знаете? – задал риторический вопрос излишне горячо не потому, что это коснулось меня.

Огорчает, когда о человеке, заведомо думают не хорошее, а о государстве – хорошее. В кэгэбэшнях государство – идол. Мнение гомососной общественности в кэгэбэшнях: покушение – это разборки между нехорошими людьми.

Я не ждал ответа.

- Всего хорошего, – сказал я вежливо.

- Всего хорошего, – сказал он вежливо...

Прочёл мои книги тихий человек, которому грустно, что творится в государстве, и при встрече честно сказал:

- Просто не верится, – он искал слова, но не искал моих глаз, – чтобы ни за что? Но ведь что-то было?

- Как же! – отвечаю с сожалением за милейшего человека – угрозы полицейским, прокурорам, гражданам.

- Были угрозы? – спросил он как бы невзначай.

- Конечно, нет! – я рассмеялся не вполне естественно.

А он грустно улыбнулся...

Я решил больше так не отвечать, ведь человек всё равно останется при своём, если подумал такое даже после прочитанного.

И только так решил, как тут же звонит один из крайних справа, заслуженный человек. Давно знал его мнение, что здесь не кэгэбэшняя, а что-то другое нехорошее, но что здесь не убивают. Поговорили вокруг да около меня, и когда в разговоре дошло до заветного «за что», я ответил: «Морду хотел набить одному». Он помолчал, оценивая серьёзность преступления и свою позицию относительно меня. А я подумал о том, что он подумал...

Другой крайне правый, тоже заслуженный человек, которого кэгэбэшняя даже охраняет, чтобы он долго жил и всегда оставался крайне правым, чтобы никто не вылезал правее его, узнал от меня о покушении, возмутился ласково: «Да кто ты такой?! Кому ты нужен?!» Возмутился, что кто-то хочет незаслуженно оказаться правее его.

А я не виноват – покушаются не на меня, а на моё писательство, до которого мне ещё расти и расти.

Суд – это один из инструментов в арсенале кэгэбэ от убийства до оболванивания.

В кэгэбэшнях открытие суда говорит всем: это не писатель, а нехороший человек.

Сфера оболванивания кэгэбэ расширилась до космоса, из которого чекисты-космонавты ещё до кэгэбэшнего суда разьясняют, что место писаки в психушке.

В той кэгэбэшне была похвала "хороший человек".

Хорошие хотели быть хорошими. Многие были готовы умереть, покончить с собой, лишь бы не попасть в нехорошие.

Но уничтожалось еврейство, и у евреев появились тоже нееврейские идеалы быть хорошим человеком.

И я написал рассказ «Я буду хорошим человеком».

Я окончил школу, и папа сказал:

- Кем ты ни станешь, главное – быть хорошим человеком!

- Хорошо, – сказал я.

- Так кем ты хочешь стать?

- Хорошим человеком.

- Молодец! А всё-таки?

- Что «всё-таки»?

- Кем ты всё-таки хочешь стать?

- Хорошим человеком.

- Но как?

- Как все.

- А-а, хочешь дальше учиться?

- Конечно.

- На кого?

- На хорошего человека.

- Но такого нет института... и этому не учат...

- Не учат?

- Нет, учат, учат, конечно, но не в этом дело.

- Не в этом? Ты же сам сказал: главное – быть хорошим человеком!

И ещё столько и полстолько для последних страниц молодёжного журнала, предназначенных для юмора.

Но кэгэбэшная требовала, чтобы человек был гомососом, а не каким-то там хорошим. Рассказ зарубили.

В этой кэгэбэшине тысячи были отторгнуты от большевистской кормушки или от кибуцной столовки. Ещё тысячи не хотели пробовать ни от кормушки, ни от столовки. И попадали в «нехорошие».

В кэгэбэшнях, чтобы быть хорошим, надо быть нехорошим.

Я буду нехорошим человеком.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 3

Хороший актёр играет для одного зрителя. Хороший писатель пишет для узкого круга знатоков. Для широкого круга есть детективы и газеты, в которых что ни строчка – то детектив.

Но как быть хорошим писателем бывшему троечнику с плюсом за сочинения в советской школе?!

Одна надежда на Любимую, которая стоит надо мной, которому надо заниматься домом, а не ненужными книжками.

- Ты когда будешь мыть окна? – грозно спрашивает.

Она не знает, что больше некому быть хорошим писателем. Ну, был бы хоть какой-нибудь завалящий. А ведь нет. Или я – или никто. У меня просто нет другого варианта, как быть хорошим писателем.

Сегодня день суда. Я сижу в полном неведении даже о следующей минуте. Только что позвонила адвокатша из конторы, которой суд поручил и так далее. И в услугах которой, как известно суду, я не нуждаюсь и так далее. Рассказала, что судья постановила задержать меня до дня суда.

Несколькими днями раньше она позвонила, что им поручено меня защищать. Я, как можно вежливее, отказался от помощи. Через день позвонила вторично и разговор повторился. И вот опять звонит.

Я не обижаю людей и ответил:

- Значит, буду сидеть до дня суда. В кэгэбэшне всё одно, что дома, что в тюрьме.

- Зачем это тебе? – с сожалением спросила.

- Чем больше будет таких ходов в этой партии, тем больше будет видно, что это суд кэгэбэ. Я доказываю, что это кэгэбэшняя, – объяснил я.

- Ну, зачем кэгэбэ? – она подчеркнула это слово лёгким недовольством.

- Да, да, кэгэбэ. Я это описал в моих книгах. И покушение на меня, и преследования, и этот суд кэгэбэ.

- А где это можно прочесть? – она сразу уцепилась за какую-то возможность.

- На моём сайте в интернете, – ответил, – на трёх языках.

Эта похвальба была явным приглашением «зайти». А говорил ведь, что в их помощи не нуждаешься! Не нуждаешься – так молчи. Но почему от неё скрыть, а на весь космос рассказывать?

В кэгэбэшнях не только суд, но и защита кэгэбэшная. Разыграют представление без моего участия. Защите для её маленькой роли подскажут несколько слов из суфлёрской будки. А я дал на большую роль. В надежде валяться на вонючих одеялах не месяц, а только день.

Читатели меня не балуют, а уж на иврите – тем более. Но вечером, посмотрев статистику за день, обнаружил необычный читательский интерес на иврите.

Значит, «зашла».

Вот я и сообщил Любимой новость о задержании на месяц.

А она возмутилась:

- И окна будут немыты ещё месяц?

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 4

И начал собирать вещи в большой мешок от рыночных покупок. Нижнее тёплое бельё – будет холодать; брюки – которые не жаль; набор цицит – будет время починить старые и сделать новые. Собираю мешок на видном месте в салоне, вспоминаю, что нужно, и докладываю.

А Любимая смотрит на мои сборы.

- Нет, – говорит, – я пойду и им скажу...

- Только попробуй! – оставляю суровое завещание: – Чтобы ни одного слова! И детям скажу: ни одного слова! А внуков поцелую.

- Ты это серьёзно? – спрашивает испуганно. И похорошела в испуге.

А у меня созревает план:

- Если сегодня нагрянут, то лучше уже сейчас идти спать и дверь не открывать.

Согласно кивает...

Утром чищу зубы, пасту и щетку возвращаю в мешок. Вернулся с молитвы – всё возвращаю в мешок. Но если возьмут на улице, в дом не дадут зайти – пропали усилия со сборами.

А осенние праздники в самом разгаре. Интересно, какую сукку предложит тюрьма? И чтобы решёточки не было до самого неба!

Праздники отняли много сил. Начал отсыпаться. Иногда даже забываю вернуть в мешок вынутое.

За пять дней до суда звонит адвокатша. Снова предлагает помощь её конторы, даже говорит неслыханное, что она меня поддерживает. Из-за этого долго извиняюсь, чтобы не обидеть.

- Ты помнишь, что шестого числа суд? – спрашивает она после того, как выяснили отношения, что нет никаких отношений.

- Помню, – говорю, – могут меня брать. Но я молчу с закрытыми глазами и не отвечаю.

- А ты знаешь, что будет, если не отвечаешь? – но мягко так говорит.

- Я знаю, о чём ты, – отвечаю, – что дома лучше, чем в тюрьме и так далее. Мне всё равно.

Распрощались дружески.

В кэгэбэшне всё кэгэбэ.

Смотрю на подзабытый мешок на видном месте в салоне. Любимая рядом со мной с понурой головой.

Оцениваю ситуацию:

- В любой момент могут нагрянуть. Надо захватить что-то, чтобы положить там на матрас и что-то как пододеяльник.

- Тебе с резиночками загибать под матрас? – спрашивает испуганно. И помолодела в испуге.

А у меня созревает план:

- Если сегодня нагрянут, то лучше уже сейчас идти спать и дверь не открывать.

Согласно кивает...

Друзья передавали мне, что чекисты там высоко ценили мои скромные способности.

И с ехидной улыбкой отправили хороший подарочек своим подельникам здесь.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 5

Чекисты нагрянули ночью, накануне суда, в 23:35. Я не ложился, обычно работаю допоздна. Все окна были прикрыты трисами, свет горел слабый, обычное для позднего часа. Тишина в подъезде и во дворе. Сначала звонок, потом удар в дверь.

Ждал их, но в столь поздний час?

Мой дом – моя крепость. Такое понятие не для кэгэбэшни.

Потом двойной звонок и двойной удар, потом длинный звонок и множество ударов, потом сплошной звонок и удары рукояткой пистолета по двери.

Дверь не открывать – оказалось не просто. За жену не тревожился, она спит без слухового аппарата. Дочь вышла из своей комнаты на цыпочках. В грохоте по двери, передала мне свою радость: пальцем к уху и на мамину дверь, что мама спит без слухового аппарата. Порадовала меня – теперь не тревожился и за дочь.

За дверь не переживал – голым останусь, только бы видеть кэгэбэ в гробу.

Когда чекисты украла пистолет, обратился в суд и пришлось довольствоваться решением кэгэбэшного суда: продадут пистолет и вернут деньги. Пистолет не продали – он ещё будет вещественным доказательством, что угрожающе выпирает из-под пиджака. Деньги не вернули.

И за дверь деньги не вернут, а будет доказательством оказанного сопротивления.

Звонка не было слышно среди грохота в дверь. Заглянул к дочери, она сидела на кровати, улыбалась мне и бесшумно аплодировала. Я любовался моей праведницей. Куда мне до неё!

Вышла, шатаясь, Любимая, на неё было тяжело смотреть. Спросила: «Ты сказал им, что я больна?» Она говорила громко, не слышала себя. Показал рукой на рот – молчать, потому что грохот прекратился.

За дверью кричали: «Бабель! Бабель! Твоя бронированная дверь кончилась! Сейчас привезём прибор для вскрытия дверей!»

В это время на нашу стоянку подъехал сын с семьёй после субботы, проведённой у родителей жены. Увидел полицейскую машину и быстренько с маленькими детьми и женой не к себе домой, а к нашему дому, встали в тенёчке.

Вышли полицейские с одним из соседей. Сказали ему показать наши окна. Показал. Спросили, есть ли решётки на окнах. Ответил что-то. Посветили фонарём. И уехали. Было 23:55.

Во всём доме тихо и спокойно.

И какой это нехороший человек сказал, что тут кэгэбэшня?

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

6.11.2005

Разослал по адресам кэгэбэшни.

Рассказ 6

Возле почтовых ящиков на почте, после того как разослал всей кэгэбэшне последнюю книгу «Суд», столкнулся с «правозащитником», знакомым по той кэгэбэшне. По сдержанности, с которой он доверительно поведал новость, вы-

глядывая налево и направо и не очень задерживаясь, я должен был понять, что это потрясательно – приезжает знаменитый дальневосточный узник совести.

Я не расспрашиваю, чтобы своей серостью не обидеть международное правозащитное движение, которое в государстве он представляет. В моих глазах два вопросительных знака, и он доволен произведённым эффектом. Но мои вопросы о другом: спросить ли номер его почтового ящика?

Давно это было, в той кэгэбэшине отказники собрались небольшими группами по своим квартирам затеять массовую голодовку. По этой теме я заскочил к нему, а он показал своё отношение к голодовке: запустил руку в содержимое какого-то блюда на столе и забросил в поднятый кверху рот. «Пусть голодают они!» – он показал пальцем в потолок.

А я ради нескольких этих строк решил взять номер его почтового ящика. И послал «Покушение» и «Суд». А вот начало этой книги, тоже разосланное всей кэгэбэшине, уже не послал «правозащитнику» в двух кэгэбэшнях.

Правозащитным организациям из телефонной книги, которым давным-давно пожаловался о покушении и преследовании за книги и так далее, им тоже не послал.

После ночного вламывания чекистов в мою квартиру и неявки в суд большое гистадрутовское предприятие дало заказ на три недели работы. С моими потребностями этого хватит на три месяца.

Но когда заберут? Из-за этого вопроса, первым делом, разослал начало этой книги – пусть увидит свет. А с работой – как получится. Работал по десять-пятнадцать часов, чтобы закончить быстрее. Но если заберут, а работа не закончена, тогда ведь обнаружится, какой я гад, – гистадрут с такими не работает. Плакали три обеспеченных месяца. Да и заказчик уплыл. Был уже опыт...

Сохнутовское поселение, которое начали две семьи и несколько одиночек, разрасталось, и чем больше в нём становилось ближних своих, тем труднее было их любить, – вот такое сохнутовско-советское поселение. Я оказался больше всех «не свой». По крайней мере, выглядело так, потому что никто не видел результатов тайного голосования, устроенного Сохнутом для чистки своих рядов. Но турнули меня.

Какое это счастье не приходится ни к какому скотскому двору! А Любимая плакала, слушая товарищеские объяснения руководителей поселенческого движения, которые с понурыми головами сидели с нами в нашем «караване». Чтобы никакой обиды не осталось между нами. Так требует партия! – мы это уже проходили в другой кэгэбэшине.

Мне пришлось оставить не нормальное сохнутовское поселенчество и вернуться к городской жизни, не более нормальной. А Любимая вскоре даже расцвела в нашей маленькой квартире, после того как вяла в той большой коммуналке.

Сохнутовские предприятия сразу же отказались от моих услуг. А гистадрутовские – что сохнутовские. У этих большевиков всегда были расстрельные списки, с кем не работать. На заре их деятельности это означало для многих смерть от голода. Или бегство отсюда.

В мою память намертво вписан американский поселенец с бородой, не старый, с винтовкой наполеоновских времён, с которой он легко управляется од-

ной рукой, держа палец на спусковом крючке. Поселенец стоит на крыше хибары, в ночном темном небе, в свете луны. Этот поселенец не даст перейти красную черту, которую определяет он сам. И кто не видит его глаз и попробует перейти, – получит пулю по заказу в любую точку тела. А в глазах – это его земля, земля его детей.

Не сохнутовско-гистадрутовская. Которую можно дать или не дать. Или отобрать. Или отдать чужим.

Один замечательный человек привёз две семьи и несколько одиночек на место намеченного поселения. Он был из группы бунтарей, которые после войны Судного дня поднялись на поселенчество. Мы, салаги, преданно и влюблённо слушали его. А он рассказывал о месте, в котором воевал, но вдруг задохнулся, закрыл глаза, сморщился от боли за погибших здесь друзей. Мы смотрели вокруг, чтобы не видеть его слёз: камни иудейской пустыни – внизу, много неба – вверху.

Его и ещё кого-то из руководства поселенческим движением усадили в кресла. Это тоже была кэгэбэшная рука – убрать их бунтарство. Его – в городское управление. Там и встретились после многих лет. Мне не мешало, что он был среди тех, которые сидели у меня с понурой головой, когда меня турнули. Я обрадовался встрече. Спросили друг друга за жизнь. Он рассказал своё главное. Я рассказал своё главное, что пишу и действую против русской партии, против завоза гоим. Он огорчился: «Неужели нельзя писать что-то позитивное?»

Ужаленный, я постарался немедленно распрощаться. Уходил, потеряв замечательного человека. Только о потере думал.

И замечательный человек может быть гомососом.

Позднее, когда боль потери приутихла, спел себе позитивное, которое распевали в другой кэгэбэшне: «Широка страна моя родная. Много в ней лесов, полей и рек. Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек». Пел весь день. В автобусе – про себя, и на моё бормотание и хихиканье косились. Дома – под хохот своих. Наслаждался словами, мелодией. Менял голос и так и сяк. На меня уже кричали, а я пел...

Спешность, с которой работал для гистадрута, подхлестнула ещё адвокатша из конторы, в услугах которой я не нуждаюсь. Им тоже послал начало этой книги, они не хуже других, всем – так всем. Она сказала, что судья постановила задержать меня до окончания суда. Я согласился с этой неприятной участью. Спросила, почему не являюсь на суд. Ответил, что прокурор, судья и защитник, в своём семейном кругу, могут всё решить без моего участия. Даже увидел её улыбку по поводу их семьи. Она спросила, почему я не забочусь о себе, и повторила, что могла бы помочь. Я ответил, что Всевышний заботится обо всех нас. У неё произошла заминка, потому что не было предварительной заготовки на Его счёт. Потом она сказала, что слышала, что моей жене плохо. В её конторе ей дали прочесть разосланное начало этой книги, где упоминается о здоровье жены. Но я не возражал против её манеры играть, что она слышала, и подтвердил, что жене плохо.

Здесь я заслуживаю обвинение, что апеллирую к гуманному израильскому суду, который и так далее. Но предпочитаю любые обвинения, но не исказить происходящее. И вообще, жена хотела пойти и сказать им и просила меня ска-

зять им. Я не за правду, которую можно вывернуть наизнанку, а за голую правду, которая и наизнанку голая. И просьбу больной надо уважить. Вот и уважил с закрытыми глазами.

Адвокатша искренне поохала, что я вполне не допускаю. Но не мешал ей высказывать сочувствие. Далее, оказывается, она, опять это слышала, что была полиция, а мы не были дома. Про «не были дома» она сказала с чуть приметным вопросом, чтобы я подтвердил это оправдательное обстоятельство. Но я сказал то, о чём она должна была знать из книги, что время было ночное, а мой дом – моя крепость. Как у того американского поселенца с бородой и винтовкой, моего любимца. Распрощались, как всегда, дружески.

Адвокатша, хоть и получила мою книгу, играла в утайку, что она слышала. А я ни во что не играл, хоть и получил письмо из канцелярии президента.

Есть такое заведение в кэгэбэшне, которое, по задумке чекистов, должно лучиться и светиться благодатью, нисходящей на всю кэгэбэшню. И этим волшебством занимаются тщательно подобранные чекистами Золушки. Они могут всё, даже утешительное волшебство. Ведь ни одна настоящая Золушка не выдержит, чтобы не сорваться, отвечая на письма безутешных.

А со мной и того хуже. Не письмами донимал я их, а своими книгами. А это ещё хуже. Это же надо быть ненормальным в этой кэгэбэшне, чтобы читать такое! Ну, уж если только в рабочее время, да за счёт государства. Но ещё и утешать таких, как я?! Даже в утопиях Оруэлла не додумались до такого изуверства. Такое могли придумать только изошрённые чекисты.

И вот оно, утешительное письмо: «Мы отвечаем на твоё обращение к г. Президенту <...> Для твоего удобства присоединяем ответ израильской полиции по делу. Нечего нам добавить, кроме как пожелать тебе всего хорошего». Подпись Золушки. 16.11.2005.

И вот он – присоединённый ответ: «В продолжение к нашему письму (9.1.2005), сообщено нам из следственных органов иерусалимского округа, что из-за жалобы по обсуждаемому вопросу открыто следственное дело, которое в конце концов, закрыто по причине отсутствия вины. Подпись. 2.11.2005».

А через четыре дня, в ночь перед судом, устроили погром возле моей закрытой двери!

А ещё через месяц, 8.12.2005, в мою квартиру вошли двое в полицейской форме. Дочь сказала, что я у жены в больнице. Один остался у двери, чтобы я не сбежал, второй обошёл квартиру, после этого ушли, не прикрыв двери.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 7

А я, выслушав дочь и переночевав, вернулся к Любимой, чтобы в субботу не была без семьи. Слова эти про семью – поучения сына и его жены. Возразил же я совсем другое: не хочу, чтобы выглядело, что скрываюсь в больнице. Вразумил сын: какое тебе дело, что думают.

Потом слушал Любимую: зачем приехал, зачем мучаюсь, поспал бы дома. После молитвы принёс поднос с субботней едой от больницы для членов семьи больных. На её столике уже был поднос для больных. Кушаем.

- Что с полицией? – спрашивает.

- Заберут в любую минуту, – отвечаю равнодушно специально для неё. Но это не помогает, а по-другому я не умею. В её глазах слёзы.

- Не заберут! – говорит уверенно и плачет.

- Заберут, – нежно успокаиваю её.

- Не заберут! – возражает и ищет глазами от меня поддержки.

Я согласно киваю, что не заберут.

Ночь у неё была тяжёлая, но мне дала спать, утром ей плохо, днём – слабая. Я тёр ей подушечки за пальцами на ступнях. В блаженстве закрыла глаза. Вдруг протягивает руки и показывает поднять её. Придвигаюсь к ней подвести под спину руки, она охватывает мою шею, чтобы легче было поднять, я обнимаю её, тоненькую, её голова у меня на груди, так сидим. Входят врач и сестра, я смотрю им в глаза, и они уходят. Мы долго не отпускали друг друга...

Взяли меня дома, где я ночевал после субботы у Любимой.

Вернулся с утренней молитвы, ел на ходу и собирался к Любимой. Звонок в дверь. В глазок вижу – полиция. Входят двое: мужчина и женщина. Мужчина уже бывал у меня, балагурит, что же это я не являюсь в суд, называет меня праведником, налаживает дружескую атмосферу.

Еврей всегда обязан наладить связь с другим евреем. Даже перед расстрелом другого.

Женщина просит мой паспорт. Даю. Прошу постановление о задержании – нет его у них. Мужчина говорит со смехом, что «там» есть, и машет «туда» рукой.

Присаживаюсь в кухне и быстро бормочу благословение на хлеб. Ждут. Мужчина проверяет меня, заглядывает на кухонный стол, на нём хлебная доска, нож и ломти хлеба.

Говорю, что сам не пойду, пусть наденут наручники, протягиваю руки. Мужчина неохотно защёлкивает их. Дочери говорю позвонить сыну.

Выходим. От подъезда поворачиваю в сторону короткого пути к стоянке машин, но вижу, по другую сторону от подъезда, стоят трое мужчин. Меняю направление в их сторону ради нескольких этих строчек. У них на руках малютки: это время, когда отцы разносят детей по садикам, а сами спешат на учёбу. Но вот задержались, завидев полицию, знают к кому, интересно, собрались в кучку, ждали, что будет. И вот прохожу возле них, поднимаю руки, показываю наручники, улыбаюсь. Радость так и прёт из меня – первый раз в жизни наручники! Даст Б-г, не последний раз! Ни взгляда поддержки, ни приветственного взмаха рукой, ни доброго слова. Ведь это полицейские, которых они хаот за глаза! Ну, хотя бы неопасное «доброе утро». Или интереснее смотреть на идущих за мной полицейских, которые, наверное, стыдливо воротятся?

Посудачат и разойдутся.

Женщина ведёт полицейскую машину, мужчина возле меня, хочет поговорить со мной за Тору. Отнекиваюсь, я человек маленький. Но он не отстаёт. Я говорю, что мне сейчас не до этого, думаю о жене, детях, внуках. И ещё сказал:

«Вы обслуживаете кэгэбэ, вы выполнили задание, будьте довольны и спокойны».

Привозят на «Русское подворье». Как обычно, по команде или сам – сижу, стою, хожу.

Ведут в здание суда рядом. Перед судебной комнатой женщина называет мне своё имя – это адвокатша, которая звонила. С ней ещё одна женщина – они моя «защита». Адвокатша говорит, что я проигрываю из-за своего поведения, но она может помочь. Я отказываюсь. Советует мне отвечать на вопросы суда. Отказываюсь. Предупреждает, что меня задержат надолго. Соглашаюсь.

Входим в судебную комнату. Я у входа на лавке, напротив возвышения судьи. Внутри от возвышения, справа – две женщины защиты, слева – две молодухи прокуратуры. Входит судья.

Женщины защиты выглядят советскими, хотя икорки из распределителя для правящих. Молодухи прокуратуры тоже выглядят советскими, хотя принадлежать к правящим. За их возрастом скрывают, что суд кэгэбэшный, и всякую глупость тоже спишут на их молодость.

Судья выглядит вельможной райкомовской матроной долгого застойного периода перед обвалом.

Я тоже выгляжу, и там, и здесь, как в лапах кэгэбэ. Это особое выражение лица, да, пожалуй, и тела, а возможно, и тени. Знающий понаслышке о лапах кэгэбэ и видящий не понаслышке того, кто в лапах кэгэбэ, ошибается, что у него другое выражение лица. В кэгэбэшнях одно выражение на всех.

Закрываю глаза, снимаю очки...

...«Товарищ Бабель, что вы хотите сказать по делу?» – спросил судья. На суд я опоздал. Представители общественности института, в котором я работал, уже были в зале. Я поднимался по лестнице какого-то старинного особняка, в котором был суд, и видел, что они совещались на лестничной площадке – судья и прокурорша, они не предполагали о такой встрече и внимательно изучали меня. Наверное, обсуждали формулировочку моего увольнения. А я дурак, и знаю, и видел, а ответил, что не виновен...

Вдруг услышал рядом с моим лицом обращение ко мне справа от защиты: «Михаэль!» и слева от прокуратуры: «господин!».

Но больше не обращались и я ничего не слышал.

Если долго сидеть с закрытыми глазами, то потом как будто просыпаешься. Про очки забыл. Сонными глазами увидел в светлом пятне окна силуэт судьи. Наверное, ей интересно смотреть на меня – такое не каждый день. Разглядел паспорт возле себя на лавке, нащупал его забрать. Напяливал очки, долго устривал их к глазам. Медленно поднимался, опираясь на лавку. Ничего интересного – смех и только.

В коридоре тоже смех – стоял с «защитой».

Адвокатша поинтересовалась, что же я слышал.

Ничего не слышал.

Её подруга сказала, что будет психиатр.

Не пойду, хорохорился я и не показывал виду, что страшно испугался, на какую высоту меня заносит. Ведь если так пойдёт, то окажусь ближневосточным

узником совести. И буду в одном ряду со знаменитым дальневосточным узником совести, который приезжает сюда, а меня пошлют туда.

Ещё сказала, что они приведут сами, и спросила, были ли у меня психиатрические проверки раньше. Ответил, что в той кэгэбэшне у меня такого не было, а эта кэгэбэшня более изошрённая.

Вдруг дёрнулся, как сумасшедший: «Так я могу бежать к жене!» «Защита» согласно закивала. И я полетел по лестнице вниз к Любимой. Показывал неплохую спортивную подготовку и что коленки не дрожат.

В автобусе – на привычное заднее место оценить ход товарища кэгэбэ.

Протокол

Защита: Есть проблема, что обвиняемый не соучаствует с нами, он декларирует ясно, что он не заинтересован в представительстве, вопреки тому, что объяснено ему не раз, что можно сегодня закрыть дело, а без соучастия с его стороны это дело проблемное.

Предпочтительно, что обвиняемый объяснит суду, что он хочет, а если не будет выбора, попрошу освободить меня от представительства, не могу действовать против ясно выраженного желания.

Суд: Обвиняемый закрывает глаза и не отвечает на обращение к нему по имени.

Прокуратура: Я не знаю, полезно освобождение от представительства, отсрочка не на пользу, мы просим не отсрочить «дело».

Суд объясняет обвиняемому отказаться от посылания суду написанных материалов.

Защита: Я уверена, что есть проблема более того. Может быть, есть необходимость в психиатрической проверке и проверить, какое душевное состояние обвиняемого.

Суд: На вопрос суда: есть ли у обвиняемого отклик по делу рекомендации специалиста, обвиняемый закрывает глаза, не реагирует, не отвечает на вопрос.

Решение

Приглашается областной психиатр приготовить рекомендацию специалиста относительно обвиняемого. <...> Заседание назначается на 17.1.2006 в 13:30. Дано сегодня 11.12. 2005 в присутствии сторон. *Судья* <>.

(Так!)

Первая оценка:

Дело закрыто из-за отсутствия вины, устраивают погром у закрытой двери невиновного, продолжают судить невиновного, подключают защиту, на которую невиновный не давал согласия. И защита приглашает психиатра к невиновному.

Твой ход, товарищ... э-э... минуточку.

А чего это вдруг Могилевский Евгений фикстулит передо мной на велосипеде в районе тесных улочек, где никакого транспорта, даже трёхколёсного для малолеток? Выезжает из боковой улочки с крутым поворотом в мою сторону. И на транспорте не по возрасту, и тяжёл сам, и трудно держит равновесие, а уже здороваётся кивком головы. Значит, знал, кто за поворотом! Вот я не знал, кто за углом, поэтому ничего не сообщаю. Только когда он кивнул, тогда-то и

понял, что за встреча. И только смог вслед ему хохотнуть специально громко, не оборачиваясь.

Демонстрация благополучия?

Подготовка ко второму покушению?

Подставка под руку, которая чешется?

И ещё сто вариантов.

У меня вариант один – писать.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 8

Позвонил человек и сказал, что праведник из Европы прислал мне две тысячи шекелей, предложил встретиться и получить. Сказал ему, что деньги не возьму. Он настаивал, а я выключил телефон. Тогда он пришёл шумно, говорил громко о праведнике из Европы, впихнул в меня конверт с деньгами и ушёл. Месяц торчал конверт между папками сбоку от компьютера. Мы к нему не при-трагивались. Пустил эти деньги на выпуск книг. И Амиэль, который прислал, и Авив, который передал, испарились. Успел ухватить их телефон. Чтобы всю жизнь помнить.

Учил Учитель: «Помни добро, которое кто-то тебе сделал когда-то. Совсем маленькое. А теперь не может: состарился или обеднел. Всю жизнь помни».

Три рава, каждый в отдельности, позвонили мне. У них есть организация помощи попавшим в беду. Один из них знает меня и поведал, что им удалось кое-кому помочь.

Я не обрадовался, потому что не считаю, что попал в беду. Поэтому и в помощи не нуждаюсь. Но не люблю обижать людей. Не отверг предложение встретиться, а предложил им сначала прочесть, о чём пишу, чтобы знать обо мне. Передал им три комплекта книг и очень надеялся, что после прочитанного, они оставят меня. Надежда имела основание: в двух магазинах, которые действуют под наблюдением рабаним, не принимают к продаже мою трилогию. Надежда превзошла мои ожидания. Даже не позвонили.

Но, а как с «евреем в беде»? Но, а как знаменитое: «не обещай понапрасну»?

Учил Учитель: «Не обещай, а сделай».

Однажды я пожаловался Учителю на нескольких рабаним, что оставили еврея в беде, в которой уже нельзя было помочь, она разрослась в горе. Жалоба была не пустая – это был вопрос о том, как мы сегодня живём. Учитель смотрел на меня серьёзно. Он очень сожалел, что я не обратился к нему. А я не мог себе этого позволить из-за его здоровья. Учитель заверил меня, что он сделал бы то, что не сделали эти рабаним.

Одной болезнью, которую Учитель знал давно, показалось, что есть жених и для неё. Попросил Учителя благословить её. Он был плох, проводил уроки дома. Учитель поднялся со стула. Ученики уставились на него. И с дрожью в теле и голосе и со слезами в глазах сказал: «Я был счастлив, когда недавно моя внучка вышла замуж. А сегодня – счастлив больше».

Легко сказать: бояться Б-га. В моей жизни знаю лишь одного Учителя, который боялся только Б-га.

Ни одной демонстрации не запретил. Требовал одно: не задиаться с полицией.

Передал мне слова, сказанные ему тоже большим равом: «Эти могут всё – даже такое, чего ты не можешь себе представить».

Когда Учителя не стало, нашлась сразу вдруг (не вдруг!) в моих бумагах его старая записка на листке из тетради в клетку: «Дорогой Миша! Я скоро приду. Зильбер». Приклеил её за стеклом дверцы книжного шкафа. Любимая сразу увидела. Испугалась. «Как придёт?» – тихо спросила. Чтобы не пугать её, приклеил к компьютеру. Навсегда – перед глазами. Много проплакал, глядя на дорогой корявый почерк, а слёзы всё те же – горькие.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 9

Первой отказалась со мной работать машинистка, которую попросил отпечатать на иврите письмо-листовку "Советским диктаторам".

Машинистка сказала, что такое печатать не будет.

Давно это было, тогда печатали на машинках.

Последним отказался Йёэль, этот редактор моего иврита, жил недалеко от Стены плача. По этой причине я всегда спешил к нему, даже если и не опаздывал, – ноги сами несут ближе к святости. Раз он спросил, почему я не опаздываю, тогда у меня не было этого ответа о святости, так брякнул что-то о своей пунктуальности.

Сидел он четыре раза, самая долгая его отсидка была два с половиной года. Русского не знает, но идеальный для моего иврита редактор – понимает с полуслова, что я хотел сказать.

Работать с ним одно удовольствие. Он правит мой текст, поясняет исправления, которые я сразу же забываю. Иногда, по ходу текста, вспоминает из случившегося с ним, с улыбкой, со смехом.

- Откуда у тебя эти параллели, похожести? – спросил уже после относительно долгого литературного знакомства.

Ответил:

- У приехавшего из той кэгэбэшни есть потрясающе интересный опыт узнать её, как бы она ни ховалась.

Однажды попросил его проверить сделанную давно книгу "Прощай, Израиль... или Последняя утопия" о завозе неевреев и о нееврейском государстве.

Мы работали всегда вместе, и я видел, как с каждой страницей, его лицо становилось задумчивее. А он, всегда балагуривший во время работы, читал внимательнее, чем обычно, и молчал. Книга небольшая и уже проверенная ранее, поэтому закончили в несколько моих приходов.

Закончив, он сидел задумавшись. Я не мешал ему. Глядя не на меня, а в окно, которое всегда было перед нами, он сказал:

- А я думал, что каждый приехал со своими проблемами, которые постепенно утрясутся.

Мне нечего было добавить к прочитанной им книге и я молчал.

- Пока мы говорили о кэгэбэ, я был с тобой, но книга "Прощай, Израиль" о нееврейском государстве – я не с тобой.

Я ответил, что это государство фальшивое, все в нём обман и все обмануты.

Он, как и все, хотел быть обманутым, только не расстаться с мечтой. Этого я не сказал.

И я запел:

- Е-ру-ша-лаим зо-ло-той...

Самую популярную из всех песен государства, блистательной Наоми.

Пел, пародируя, с фальшивым упоением. Кто знает о двух кэгэбэшнях, тот понимает такое исполнение. Но он сомневался об этом кэгэбэ, а о том кэгэбэ только слышал, и без опыта двух кэгэбэшен не понял моего смеха.

Он впервые смотрел на меня зло – увидел надругательство над дорогим для еврейского сердца.

Я этого не ожидал. Я растерялся. Надо было, для его успокоения, пародировать любую бездарную песню о Москве из арсенала тамошнего кэгэбэ, но кто не понимает, что "Ерушалаим золотой" тоже из кэгэбэшного арсенала – гасить всякие сомнения о кэгэбэ, того не успокоить.

Оказалось, что я начал шутку, не видя её конца.

Шутка не получилась. И я ушёл огорчённый и виноватый.

А потом удачно подоспела его поездка за границу, потом переезд на другую квартиру, потом занятость из-за переезда. Всё это время отвечала на мои звонки только его жена, которую я встретил в городе через полгода, и мы раскланялись.

Ещё через полтора месяца она вошла в автобус и присела впереди меня на пару рядов.

Пронеслась мысль, что вот пропал этот текст, который уже был написан. Значит, не было сожаления, что последний редактор моего иврита не возвращается ко мне.

Уныло думал, что сейчас подойду к ней, она помнит меня, да и недавно раскланивались, скажу ей, что, если у её супруга есть время для меня, то пусть позвонит мне об этом. И тогда текст пропал.

Я встал с сиденья, приблизился к ней, наклонился к её лицу, поздоровался и сказал то, что уныло думал.

Как меня звать, спросила она. Я назвал и вернулся на своё место.

Подумал, что если бы сидел тихо, то сохранился бы текст.

Текст сохранился.

...А из глаз смертельно больной Наоми смотрела обманувшаяся душа.

Она-то понимала.

Одна из немногих.

Сказала, что если только раз победят арабы, нацисты покажутся ангелами...

Твой ход, товарищ... э-э... минуточку.

А чего это вдруг я?.. Несусь себе по Яффо. У «ведущего» меня переполох – постоянный из-за моей скорости. Вот и угол с неширокой Хавацелет. И вдруг

встал. И чего встал? Только людям мешаю переходить. Задумался. Ну и о чём? Посмотрел внутрь Хавацелет... а по другой стороне Валера Коренблит спешит к противоположному углу, на котором мы и встретились бы, если бы я перешёл. Опаздывает, но не бежит, нельзя бежать, смешно машет руками и ногами изо всех сил. Смотрит только под ноги, как велено, после моей здоровой критики. А как одет! Ну, цветной петух! Какая была великолепная задумка у чекистов! Потерял несколько интереснейших строк для книги! Ай-ай! И чего это вдруг встал? Или Всевышний спас?

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 10

Письмо получил 27.12.2005 в почтовом ящике по адресу проживания:

«Отдел областного психиатра, ул. Яффо 86. Психиатрическая проверка с целью дачи заключения для суда.

По решению суда № 004726/04 вы приглашены на психиатрическую проверку с целью дачи рекомендации.

Проверка состоится 2.1.2006 в 9 часов в нашем отделе на ул. Яффо 86.

Принести с собой паспорт.

Также принести на проверку любую медицинскую справку, которая находится у вас, или другие справки, имеющие непосредственное отношение к делу.

Прибыть вовремя.

Д-р <> Областной психиатр, Иерусалим.

Копия: судье <>, № 004726/04 с помощью секретариата по уголовным делам, Мировой суд, Иерусалим».

(Так!)

По решению суда меня задерживают не более чем за 24 часа, а потом доставляют на психиатрическую проверку.

Поэтому к 9:00 утра 1.1.2006 я был готов: помолился, поел, в карманах оставил самую малость необходимого. И сел за компьютер.

Как хотелось зажечь вечером последнюю ханукальную свечу! После зажигания хотелось сесть за праздничный семейный стол. Потом хотелось спать не в задержании.

Поздним вечером в 11:00 опустил все трисы, оставил гореть одну лампу возле компьютера. Решил, что дверь не открою. Утром молился рано, поел хлеба, вернул в карманы вынутое накануне и в полной готовности сел за компьютер. Прошёл час, наступило время психиатрической проверки. Прошёл ещё час, потом ещё, и ещё.

Около двенадцати дня раздался телефонный звонок. Я не знаю, кто звонит, а он знает, с кем говорит. Поэтому спрашивает кротко:

- Почему вы не пришли на проверку?

Теперь моя очередь. Встречная проверка на его коммуникабельность:

- Я не пришёл? – кротко удивился, – это, наверное, меня не доставили. – И тоже кротко спросил: – А кто вы будете?

- Доктор <>, – он представился по фамилии и дружески продолжил: – Нам поручено провести проверку. – Он избежал слова «суд», который поручил это, и не назвал проверку «психиатрической», чтобы не пугать.

- Очень приятно! – выразился я дружески и представился: – Михаэль.

Доктор молчал.

Теперь проверка на сообразительность:

- По решению суда, – объяснил деликатно, не упрекая, не пугаясь слов, – вы назначаете дату психиатрической проверки и сообщаете её суду. А суд постановил уже доставить меня.

Доктор молчал. Пока перед ним было два объекта – он и я – в них он ориентировался, но когда прибавился третий объект – суд, запутался в трёх соснах. Но он не виноват, что скрыли от него о неповиновении суду, чтобы крамольная зараза неповиновения не распространялась даже на психиатров.

А далее проверка на интеллигентность:

- Я не участвую в суде, молчу с закрытыми глазами. Поэтому меня доставляют туда. Когда доставят к вам, то и у вас не буду участвовать, – говорю с сожалением и виной в голосе, – но это не из-за неуважения к вам, вы не виноваты. Виноват только я – не признаю суд кэгэбэ...

Доктор молчал.

И последняя проверка – на юмор:

- А вот который прислал приглашение, – спрашиваю, – его фамилия Фляйн?

- Его фамилия Фальян, – глухо ответила трубка.

- Тогда получается созвучное «тальян» («палач» на иврите)! – и я коротко и призывно хохотнул.

Доктор не поддержал здоровый юмор.

Проверка закончилась.

Долго я смеялся потом, так долго, что совсем забыл, как распрощались.

И начал ждать.

Через неделю, 8.1.2006, вечером ко мне постучали.

Полиция. Вошли двое: мужчина с бумажками и женщина с пушкой, и приклад в боевой готовности. Без лишних слов спросил, будут ли брать. Объявили о психиатрической проверке завтра в десять утра. Успела приковылять любимая, не слышала и не поняла, что происходит. Остановил её, иначе встала бы между мной и полицией. Спросили, буду ли утром дома. Сказал, что буду. Мужчина вышел на лестницу, долго звонил, вернулся и сказал, что завтра утром они придут за мной. Я предложил в девять. И они ушли.

Пришли точно в девять. Я не предложил сесть, они стояли у двери и ждали меня. Приковыляла Любимая, присела. Когда кончил собираться, протянул к полиции руки. Они были готовы к такому повороту. Мужчина улыбался безразлично. Женщина, с сожалением на лице, неохотно защёлкивала наручники со словами, что она не хочет это делать, и пару раз спросила, не жмёт ли. Любимая заревела без остановки, пряча лицо в руках. Мужчина пошёл вперёд и я за ним, а женщина успокаивала Любимую, что вернут меня через три часа.

Утро пасмурное, серое. Обычные утренние пробки, машина продвигается медленно. Дорога длинная...

Рисовать хотелось живое.

*Как вчера, когда эти ушли.
Молча сидели двое
Возле тёмного окна.
Смотрели друг на друга.
Видели, что с ними стало.
Сравнивали с тем, что было.
Хотели сказать главное.
Но не знали, как сказать главное.
Отводили глаза к тёмному окну.
Окно давало передышку.
Но не озарение, как сказать главное.
Одна мысль сверлила:
Как они бездарно прожили между собой!
И почувствовали спасительное продолжение –
Тяжесть расставания.
Сладкую его горечь.
И обошлось без слов.
От окна возвращали глаза, полные слёз.
И смотрели в глаза напротив, полные слёз.
И опять отводили к тёмному окну...*

Стук в окно машины. Она стоит в пробке у большого перекрёстка. За окном знакомый – Шмариягу с моей улицы. Он наклоняется к окну, хочет говорить со мной. Полицейский охотно открывает окно. Знакомый спрашивает, нужно ли сообщить кому-то. Благодарю его. Знакомый уходит, пробираясь между машинами. «Вот это уровень! – думаю благодарно. – Поступил бы я так по отношению к нему?"»

Психиатр принял точно в десять. Сидел за столом, нервничал после устроенной мною недавней проверки. Его руки дёргались над раскрытым блокнотом, одна – свободная, вторая – с ручкой, готовая писать. Выше не смотрел, чтобы не перегружать себя карательным образом, который будет всплывать, когда не надо.

В двери сказал полицейскому, что если снимут наручники, то я уйду отсюда. Он передал мои слова психиатру. Руки его снова задёргались над блокнотом, и он что-то промышчал.

Полицейский показал мне на стул. Я молча стоял. Психиатр предложил сесть, потом предложил отвечать, потом предложил отвечать письменно, потом беспомощно заявил полицейскому, что так он продолжать не может. Полицейский спросил, есть ли другие виды проверки? Психиатр развёл руками. Полицейские и я вышли в коридор.

В отделении областного психиатра беготня. И вот подходят к нам проверенный мной психиатр и ещё не проверенный мной его начальник с развёрнутым моим делом, и начинает приветственную речь. Проверяю время по телефону. Любезно не затянутые наручники позволяют. На табло – 10:15.

Приветственная речь проходит в уважительной тишине.

Второй дополняет: «Вас положат в больницу!»

Не министерство здоровья – сумасшедший дом карательной медицины.

Происходит суматоха. В кабинетах звонят телефоны. Полицейская куда-то исчезла. Со мной в коридоре полицейский. Долго молчим. Наконец появляется полицейская, которая обещала моей любимой вернуть меня. Полицейские говорят между собой. Долетают слова мужчины: «Тут написано, что после проверки вернуть». И трясёт бумагами, которые в его руке. Подзывает меня, держит ключ от наручников, освобождает руки и желает мне всего хорошего.

Сегодня они вытащили меня из лап карательной медицины. Могли и оставить. Им это запишется.

Я желаю им хорошего дня. Говорю, что побежал на рынок, и убежал на рынок, который в двух шагах.

Всё к лучшему, как сказали еврейские мудрецы. К списку кэгэбэшных адресов для рассылки этой книги прибавились ещё два – карательная медицина и карательная психиатрия.

Как посмел забыть о них?!

Ведь не забыл карательную прокуратуру, карательный суд, карательную «защиту» и всю карательную систему, которая хочет впрыснуть маленький укольчик писателю, чтобы не писал обо всех этих гадостях.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

9.1.2006

Разослал первую часть книги по адресам кэгэбэшни.

Рассказ 11

Из отдела областного психиатра министерства здоровья на Яффо 86, как и обещал полицейским, спасшим от меня дрожащего психиатра, пошёл на рынок купить что-нибудь вкусненькое – успокоить Любимую, мол, была приятная поездка с полицией до рынка.

А оттуда прошёл к Яффо 157, к отделу пищи того же министерства здоровья.

Двадцать лет подавал проекты заводов моих клиентов, всё было тихо, а тут вдруг пришло письмо от специалистки, раньше её не примечал, что не принимает мой проект маленького завода для бедного еврея. Даже не поговорив со мной один раз. Да и письмо какое-то странное – пахнет протоколом.

Двадцать лет не было писем, бывали иногда телефонные звонки зайти что-нибудь исправить, чтобы было видно, что чиновник работает. Ведь всегда можно что-то исправить.

С трудом добился встречи. Хотел что-то исправить, что просят. Мне это ничего не стоит: с моим опытом, если только у завода есть форточка, у меня грузовики пройдут в двух направлениях.

А она – я так не умею, мне, любителю юмора, интересно, как так получается, что только черкнул линию на бумажке – это немедленно легло протоколом в дело о заводе для бедного еврея. Как в полиции у следователя с предупреждением.

Вышел от неё, тут же следом за мной вышло её второе письмо, то есть протокол про линию, которую черкнул на бумажке, и копия... правильно, в дело.

Не пил, не ел, не спал, но рано утром на её столе уже лежал шикарный эскиз исправлений. Я ещё не добрался до постели отоспаться, как добрался до меня третий протокол, а копия... ну, конечно. И его смысл – чтобы больше не совался.

А для его усиления ещё два имени – сотрудницы и начальника.

Значит, «дело» сделано.

Насчёт «специалистки» я понял не сразу, растянул такое удовольствие.

Страшный был адрес того кэгэбэ: «Россия, Москва, Лубянка».

Не менее страшен адрес: «Израиль». А далее – «езде».

Вот такой пустячок, в котором хуже всех бедному еврею, который вложил в заводик и попал под колёса кэгэбэшни.

Расцветшей Европе не было так хорошо от вложенного на её восстановление после войны всего только одного «Плана Маршалла», как худо было от двадцати таких планов, вложенных в кэгэбэшные джунгли, в которые попали евреи.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 12

Только закончил предыдущий рассказ книги, как начал новый – отправился в тот же отдел, но уже к другой специалистке, её тоже не примечал раньше, но именно ей надо было подать новый проект.

В руках эскиз для предварительного разговора. Ведь у каждого чиновника свой вкус, отличный от других и моего. И если предварительно не учесть это, придётся проделать двойную работу.

Рядом со мной другой мой клиент, взволнованный каждым шагом к первому миллиону.

Выкладываю перед ней эскиз. Она моментально швыряет его мне обратно. Лицо её становится красным, глаза злыми, кричит визгливо, что по такому эскизу не будет говорить со мной.

Спиной к нам сидит "специалистка" из предыдущего рассказа, а в этом рассказе – только её спина расслаблена в наслаждении от происходящего за ней.

Мой клиент – первые признаки сожаления, что связался со мной.

Объясняю ей, что для начального разговора эскиз вполне достаточный.

Красная, злая, кричащая хватает его и бежит – больше некуда, как к начальнику. Очень скоро зовёт к нему. Вхожу к начальнику. Рядом со мной – клиент, в страхе за первый миллион. Начальник трясёт эскизом и кричит, что он такое не позволит. Говорю ему, что буду жаловаться. Тогда он идёт на меня и выпирает из кабинета. Клиент рядом – вид потерявшего миллион из-за меня.

Насчёт и этой «специалистки» тоже понял не сразу, растянул такое удовольствие.

Двадцать лет ждать такое – не самый большой срок для серьёзного исследования. А что оно серьёзное – говорит факт покушения на меня.

Например, в другом, не в моём исследовании, есть комета, которая в десять тысяч лет один раз проскакивает возле нас. Это только выкладки на бумаге, но не прямое доказательство. В прошлый раз, пять тысяч лет тому назад – кто её

видел? Вот когда в следующий раз, через пять тысяч лет, её увидят – вот тогда только будет прямое доказательство.

Так и в моём исследовании вывод, что те же люди и те же собачьи взаимоотношения между ними, которые проявляются в кэгэбэшнях, – не выкладка на бумаге, а прямое доказательство о кэгэбэшне, увиденное не раз, а двадцать раз по двадцать.

Ещё доказательство о кэгэбэшне даже без доказательств об убийствах!

С помощью пустячка: люди и их собачьи взаимоотношения – самая лучшая характеристика места их проживания. В таком месте они убивают или с их помощью убивают, что одно и то же.

Кэгэбэшняя убивает тайно от имени государства.

Тайно – чтобы люди жили счастливо и без страха.

Такая человеческая забота о людях.

В той нечеловечной кэгэбэшне не заботились о людях.

Поэтому все знали, что убивают.

А в этой человеческой кэгэбэшне не только не верят в убийства, но ещё и не знают, хотя после каждого убийства остаются "концы", которые торчат, как бы умело их не прятали.

Тысячи торчащих концов никому ничего не говорят?

Концы от убийств великих евреев, неугодных лидеров, знающих слишком много.

Бесконечный список.

Весь мир осудил не человеческую кэгэбэшню там.

А здесь не осуждают человеческую кэгэбэшню эту.

Здесь – воспитанные в страхе двух кэгэбэшен.

Поэтому здесь предпочитают не знать.

Иначе трудно себя уважать, если знать, но молчать.

А в кэгэбэшнях надо молчать.

Это все понимают.

Поэтому лучше не знать.

Такой пустячок.

Разослал по кэгэбэшним адресам, чтобы не говорили потом, что не знали, что живут в кэгэбэшне.

Как товарищ Вильнер, который всегда оправдывался, что его не информировали о проделках большевиков.

Сам был такой.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 13

В ночь перед судом, который назначен на 17.1.2006, звонок в дверь.

Я у компьютера. Совсем забыл об этом мире. За первым звонком немедленно второй продолжительный. Ноги опережают моё решение: немедленно открыть дверь, дать спать Любимой, её сон важнее любого моего геройства, успеть открыть до третьего звонка.

На лестничной площадке передо мной двое в форме. Не впускаю их, разговариваем. Спрашиваю:

- Зачем так рано, ведь суд днём?

- Приказано, – отвечает старший по возрасту.

А младший зачитывает записку, в которой им велено брать меня в 6:00 утра. Беру из его рук записку, разглядываю.

Старший доволен, что так славненько всё обошлось, жмёт мне руку. А я жму младшему. Уходят.

Укольчик? Больничка? Дорожная катастрофа? Сколько там ещё в арсенале кэгэбэ!

Спать осталось самая малость.

Рано утром, до их прихода, чуть приоткрыл дверь, чтобы не звонили. Любимая спала, узнает потом. Щемило от потрясения, которое ей предстояло. Но лучшего придумать не мог.

Всё было обычное: задержание и доставка меня, содержание до суда в разных участках полиции, а потом поездка в предбанник суда в пятидесяти метрах от полиции. Обязательно в компании с арабами, их много, ни одна поездка без них не обходится.

В предбаннике дожидаются суда. В нём две маленькие комнаты, в каждой вдоль стен узкий невысокий каменный выступ от пола, на который поднимаются стреноженные, чтобы вертухаю было удобно снять ножницы. На этих же выступах и сидят, но всем не хватает места, когда набивается много народу. Двери комнат выходят в малюсенький коридор, в котором можно только поворачиваться, но не ходить.

Сначала был в комнате со щелью в двери, потом меня переводят в комнату, дверь которой в верхней части решётка из толстых прутьев. А двух арабов, что были в ней, переводят в оставленную мной комнату, в которой теперь их много, а я один. Читаю псалмы по своей карманной книжке. Вдруг вижу, за решёткой стоит «моя защита», смотрят на меня. Одна половина «защиты», известная мне по имени, представилась, а её подруга спрашивает:

- Ну, и хорошо тебе в предварительном заключении?

- Не желаю с вами разговаривать, – ответил и отвернулся, ушёл в дальний угол, стоял к ним спиной, читал псалмы. Они бесшумно испарились.

Потом был суд с закрытыми глазами, получил протокол, меня вернули в предбанник, там его и читал.

Протокол

Суд: Обвиняемый закрывает глаза при входе в суд.

Защита: Отсутствие соучастия продолжается, так же и утром, когда навести обвиняемого, он отказался говорить с нами. В таком случае, когда мы не знаем версии обвиняемого об обвинении, мы не можем согласиться с рекомендацией психиатра. Если суд решит осуществить рекомендацию психиатра, то не делать это с условиями госпитализации.

Суд: На вопрос суда, если есть у него мнение, обвиняемый не отвечает.

Решение

Так как обвиняемый не соучаствует, рекомендовал заместитель областного психиатра дать постановление о наблюдении в рамках психиатрического отдела

с целью завершения рекомендации. Обвиняемый не соучаствует с судом и с защитой и не выражает мнения в этом деле и в других делах. Мне видится, что надо принять рекомендацию специалиста с целью выяснить состояние обвиняемого, потому что не ведётся суд таким образом, когда обвиняемый ничего не говорит, так же и его представитель. Поэтому, я указываю, чтобы обвиняемый находился под наблюдением в психиатрическом отделе с целью дачи рекомендации. Поскольку из опыта нет другой возможности обещать его присутствие, останется обвиняемый в заключении до завтра, 18.1.06, самое позднее в 11:00, и будет переведён с помощью сил сопровождения в психиатрическую больницу с целью наблюдения. Прокуратура объявит суду и силам сопровождения, после того как выяснит это с доктором <>, в какую больницу надо доставить обвиняемого. Назначается продолжить заседание 21.2.06 в 13:00. Секретариат переправит копию этого протокола областному психиатру. Дано сегодня 17.1.2006 в присутствии сторон. Судья <>.

(Так!)

В предбаннике меня продержали до его закрытия, вывели последним и отправили в камеру. Снова машина, потом коридоры. Завели в камеру, первую по дороге. А в ней ещё двое. Было время конца ужина. Мы начали кричать, что ещё не ели. Повели в столовую.

После ужина собрался в столовой миньян, попросились в синагогу. Люди вошли, и их закрыли на ключ. Молитва не кончилась, вошёл один вертухай и громко торопил закончить её. Бритую голову вобрал в плечи, натянул на неё полицейскую куртку. Так делают евреи без кипы, уважая святость места. Но сейчас было бы смешно, если бы не его неприятные глаза. Встречал его и раньше, но не мог понять, что в них неприятно. Он торопил и меня, тянул сзади за куртку. Я оглянулся, а он смотрел на меня своими страшными глазами. Говорился кадиш, и я противился вытолкать меня из синагоги, не хотел, чтобы распался миньян. Еврей, который как-то прикрывает голову, обязательно говорит «амен» и другим не мешает сказать, а этот только дёргал меня. Потом молившихся повели по камерам, а он что-то угрожающее проворчал мне и стрельнул отвратительными глазами.

Я ещё раньше обратил внимание, не пугает ли яркая белизна глазных белков, как у кафельных плиток. Другой раз рассматривал его голубой зрачок, похожий на колючую звёздочку на погоне. Но и у моей мамы-красавицы голубые зрачки. В ответ он спросил, из какой я камеры. Угрожающий намёк я понял.

Конечно, глаза самое важное, но вместе с жестами, движениями тела и интонацией голоса, и обязательно, чтобы рядом был еврей, – вот тогда видно, что это двуногое, которое работает на уничтожение еврея, – нацист.

Когда дверь за мной и ещё одним сокамерником захлопнулась, увидел необычное. В камерах постели двухэтажные. Нижняя – каменное возвышение над полом – начинается узкой стороной от стены; верхняя – тоже каменная и тоже начинается от стены, а второй конец опирается на две трубы, торчащие из нижней постели.

Третий сокамерник, Аси, сидел на нижней постели спиной к трубе, руки вывернуты за спину и наручниками пристёгнуты к трубе. Измученные тело и голова клонятся к протянутым ногам, подобно лебедям из балета Чайковского,

которые, присев, вытягивают одну ножку вперёд, тонкие ручки отводят за спину и склоняют головку на длинной шейке к коленке, срывая бурные овации.

Аси стонал. Я дал ему высосать вкусной сладкой воды из стакана, приставив к вытянутым губам; второй стакан он так же жадно высосал. Он искал облегчения, клонясь к ногам, но тело тянуло руки, в которые врезались наручники. На одной кисти были два кровавых следа, на другой – два вспухших бугра.

Превозмогая боль, он рассказал, что нацист и ещё трое, взятые им в помощь, скрутили его за то, что он стоял возле синагоги, не успев войти, и хотел вместе с нашим миньяном молиться рядом у двери, и не подчинился, когда нацист потащил его оттуда.

Мы тоже устроили Аси бурную овацию: стучали в дверь и кричали, чтобы его освободили. Пришёл нацист, и ему сказали и показали, что несчастный не разгибается. Нацист ответил, что пусть разогнётся. И ушёл. А мы продолжили стучать в дверь и кричать.

Пришли вертухаи и один из них перестегнул несчастного. Теперь он лежал лицом к трубе, обняв её руками, как родную. Попросил положить одеяло под лицо, чтобы было повыше, и закрыл глаза.

Неожиданно пришло избавление: эту камеру от нас освободили и нами уплотнили другую камеру, как обычно, с симпатичными людьми.

С ними читали мой протокол вслух, я комментировал, было весело.

Утром рано меня отправили в судебный предбанник. Долго ждал до того часа, когда «будет переведён с помощью сил сопровождения в психиатрическую больницу с целью наблюдения». Потом было далеко после этого часа, и меня вывели из предбанника, стоял возле лестницы в ожидании следующей команды.

А по лестнице величаво спускается подруга «защиты», одна рука выставлена вперёд, держит лист, повёрнутый в мою сторону, на листе несколько рукописных строк – заинтриговать меня. «Михаэль! – обращается ко мне, а я подался от неё, и она уже обращается к спине: – Ты не хочешь говорить со мной?» Несколько шагов от неё и ещё шаг за угол, здесь тоже можно ждать вертухая, они мне доверяют.

Что-то происходит за моей спиной, решают, пишут. И обходятся без меня. После шести часов в предбаннике меня вернули в камеру. Только вернули, зовут на выход. Объясняю человеку, который стоит в двери, что без бумаги, которую видел сейчас в суде, не выйду. Человек схватил меня за плечо куртки и вышвырнул из камеры в коридор. Там он громко крикнул:

- Он у меня не выйдет из камеры?!

- Кому кричишь? – спросил его.

- А вон тому, – махнул рукой вдоль пустого коридора. И пошёл. И мял другой рукой плечо руки, которой вышвырнул меня, крутил его и морщился.

Он был за главного в специальном рейсе в психушку.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

От Иерусалима по шоссе на Тель-Авив до Мэвасерет-Цион, там поворот налево.

И запрыгали с горки под горку, из-под горки на горку. Покатались по зеленым склонам.

Место красивое. Но что душевным до этого? В окна не смотрят. А двор для прогулок – колодец с высокими стенами, не видят даже плоского неба, вверх не смотрят.

Одна команда из трёх человек сдаёт меня. Многочисленная – принимает.

В первой комнате молодая за столом. Сжимает ладошку ладошкой, протягивает их в мою сторону и вся устремляется ко мне с улыбкой:

- Вы прибыли...

- Я не прибыл, – сожалею, что обрываю её, – первое и последнее моё вам слово – шалом.

- Он отказывается, – начинает она жаловаться кому-то из моей свиты.

А меня проводят дальше, в комнату, верхняя её часть из прозрачного пластика – наблюдательный пункт, просматривается налево и направо просторный коридор с входами в комнаты, а напротив – зала со столами и приделанными к ним стульями.

Мне предлагают сесть на стул, по его виду ясно, для кого предназначенный. Захотелось его опробовать, потому что интересно, но сидеть, полулёжа, неудобно.

Добродушная толстушка с ручкой в руке готова записывать, но я её обижаю:

- Единственное, что я вам скажу – шалом.

Она огорчённая встала, а её место быстренько захватил молодой хват в тюбетейке, заговорил:

- Я медбрат. Ваше имя, фамилия?

Я молчал.

- Может, хотите проверить давление, пульс? – спросил с восточной хитрецой.

Мне стало неприятно, почувствовалось, что приближаемся к укольчику. Но совладал с собой и заявил всем и никому:

- Я не участвую в ваших делах!

Почти вплотную ко мне встал толстопузый, наверное, надзиратель, тихо сказал:

- Вы находитесь в закрытом отделении. Надо вынуть всё из карманов.

В карманах было только то, что оставили после обыска в тюрьме.

Встал и сказал:

- Вынимайте.

Он вынимал из карманов, клал на стол, проводил руками по брючинам с двух сторон, шарил по спине. Вынутое из карманов сложил в пакет. После обыска сказал:

- Ремень надо снять.

Жаль, забыл сказать, чтобы он сам снял его.

Надзиратель скатал ремень в кружок, заклеил клейкой лентой и надписал.

Ему сказали показать мне, где спят, где едят, где туалет.

- А зачем? – удивился я.

Только сейчас понял, что меня оставляют бессрочно. Остальные догадались, что я не знал, что спланировали со мной. Мне казалось, проверка может быть однодневной. Приятный самообман сменился ощущением беспомощности. Наверное, похожим образом обманывались привозимые в лагеря, где дымили трубы.

- А впрочем, мне надо в туалет! – обрадовался я, что уколами ещё не пахло, и вдруг, как сумасшедший, закричал: – Ой! – закричал уже совсем о другом, и пояснил всем: – Мне надо сообщить домашним, где я нахожусь.

- Вы позвоните по нашему телефону, – поспешила предложить добродушная толстушка, написала его номер на бумажке, написала ещё другой номер и пояснила, – а это общественный, он в коридоре.

Я набрал домашний номер и закричал в трубку, а я кричу при любом телефонном разговоре, по-другому не умею, и Любимая всегда сердится, но на этот раз закричал тихо и равнодушно, чтобы не пугать:

- Я в сумасшедшем доме!

Потом успокаивал, но не долго, ведь телефон не мой, надо быть экономным.

Теперь я был готов начать новую жизнь с туалета.

Надзиратель вывел меня из наблюдательного пункта. Он показал, где мы спим, где мы едим, где мы писаем. Дверь я не закрыл по тюремной привычке, чтобы вертухай мог видеть. А когда повернулся, увидел надзирателя, который наблюдал за мной. Воду я не забыл спустить. И был доволен, что это хорошо говорило обо мне.

Прямо из туалета я вышел в новую жизнь.

Меня принимали хорошо – меня не видели.

Душевные, в отличие от недушевных, заняты только собой. Прогуливаются по просторному коридору из конца в конец, отдыхают в дворике, греются на солнышке, с аппетитом кушают.

В той кэзэбэшне, незадолго перед отъездом, меня «замели» на много часов. Любимая позвонила американскому корреспонденту, что меня нет уже шесть часов. В это время со мной «беседовали» за столом. Входит ещё один их человек и стыдит меня: «Михаил Шимонович, только что Голос Америки передал, что вот уже шесть часов, как вы исчезли». Наклонил голову вбок и взгляд полный иронии уставил выше меня. Я упёр локоть в стол, щекой лёг на кулак, опустил глаза. Профессионалы знают, как стыдить культурного человека, а культурный человек знает о системе Станиславского.

Если сегодня Любимая позвонит американскому корреспонденту, то после первой фразы, что мужа забрали в психушку, ей ответят, что ошиблась адресом.

Мой звонок домой дал результат – немедленно приехал сын со своим товарищем, нас заперли в комнате для встреч. Сын привёз тфилин и талит, волновался за мои молитвы.

Рассказал ему, что в тюрьме был интересный человек Биньямин, на суде стоит спиной к судье, молчит, протокол не берёт, у него взял тфилин и талит.

Рассказал, что вчера вечером был миньян в синагоге. Сын спросил: а как с миньяном здесь? Очень хотелось, но я собрал все силы, дождался сына – вот тогда-то уж мы насмеялись. Сквозь слёзы рассказал ещё смешное, увиденное

здесь. Но вдруг осёкся – о душевных или хорошо, или никак. Пусть поздно – но исправился.

Ещё сын привёз большую сумку вещей и чёрный хлеб ручной работы. Вещами, в которых мне будет тепло в психушке, он обидел меня, но я их принял, чтобы не обидеть его за смирение, что меня загнали сюда. А от хлеба отказался и объяснил, что одну еду я уже пропустил и отказ от еды – это единственный протест, что меня загнали сюда. Сказал без умысла, а получилось с умыслом. Сын долго не уходил.

Потом я читал Псалмы в тихом месте, в конце коридора, недалеко от запираемой двери – она притягивала к себе.

Никогда не читал в один день так много.

Закрытое отделение долго отходило ко сну. В столовой за столом было удобно писать. Кое-кто ещё слонялся, но мне не мешали. Работал телевизор, но зрителей, кроме моей спины, не было. Когда пригасили свет, даже стало уютно. Потом стало поздно. Появился ночной дежурный. Попросил у него матрас и одеяло. Он предложил мне кровать в безлюдной комнате. Сказал ему, что это не мой дом и лягу в коридоре. Он посочувствовал, что очень меня понимает, и выдал матрас и одеяло. Увидел, что ложусь во всём, в чём стоял, предложил пижаму. Я отказался.

Спалось хорошо. Утром поверх одеяла обнаружил пижаму и свитер. Встал, когда ещё не ходили из угла в угол. Молился в углу. Когда кончил молитву, прежде чем сделать три шага назад, предварительно оглянулся и увидел мой «миньян» – нескольких душевных, о которых или хорошо, или никак.

Появился толстопузый надзиратель, прикатили тележку с едой, начался завтрак.

Спросил толстопузого:

- Я могу получить мой пояс?

- Зачем? – сказал он равнодушно.

- Брюки сползают, – продемонстрировал приспущенные брюки, которые без пояса не держались, даже не знал, что у меня такие водятся, что по случаю было кстати.

- Почему? – сказал он равнодушно.

- Я не ем, – и показал: втянул в себя живот, оттянул брюки и всунул кулак.

- Будем кормить принудительно, – равнодушно заключил толстопузый.

Довольный скромной демонстрацией, пошёл на своё любимое место, к двери на выход. Читал псалмы.

Вошёл незнакомец, проходя возле меня, на ходу спросил: «Вы Бабель?» – «Да», – только успел ответить и чуть приподняться, а он махнул рукой и, удаляясь, сказал: «Сидите, сидите». Приподняться – это не больше как привычка культурного человека: нельзя, чтобы кто-то сидел, а кто-то стоял, когда разговаривают.

Вновь открылась дверь, и меня пригласили в комнату для встреч. Визит двух соседей из района, где проживаю. Принесли что-то из тёплой одежды, заботятся, чтобы мне было тепло в психушке. Я им это не высказал, но одежду не принял. Если от всех принимать, шкафа не хватит.

После визита вернулся к псалмам. Было время дневной еды. Один душевный поставил на стул рядом со мной полную тарелку еды. Для него такое действие было бы победой разума над тьмою, но это был луч тьмы надзирателя в светлом душевном царстве. Мне пришлось удалиться от тарелки. Через некоторое время он же принёс в ладонях куски картошки в соусе, я поблагодарил, и он унёс приношение. Я чуть не заплакал, когда смотрел на добрые руки, державшие для меня тёплую картошку. Никогда не забуду!

Когда у меня появилась телефонная карточка, данная сыном, хотел сообщить своим номера телефонов, по которым можно дозвониться в психушку. Постучал в пластик наблюдательного пункта, открылось окошко, попросил номера телефонов, дежурная написала номер общественного телефона. Я попросил другие номера, она сказала «не положено» и закрыла окошко. Один душевный стоял рядом, слушал и даёт мне список с именами начальницы заведения, докторов, их телефонами и говорит: "Знал, что нужно будет тебе, вот и приготовил". А что на это я, идиот? Говорю «спасибо». Всю жизнь буду помнить!

Обед кончился, тарелка с едой стояла на стуле. Я читал псалмы. Дверь открылась, и незнакомка объявила, что за мной приехала полиция.

В наблюдательном пункте вернули отобранное у меня, и с большой сумкой я пошёл на выход. За дверью стояли знакомые полицейские, которые сутки назад привезли меня сюда, и группа персонала, которая только что вернулась с обеда. Сытые, в тёплых по-зимнему одеждах, прохладный лес, чистый воздух, румянец на щеках, настроение приподнятое. Полицейские шутили ни о чём со знакомым им персоналом. Проводы получались тёплые. Персонал не спешил. Мне они не знакомы. Хотелось увидеть заведующую. «Это вы заведующая?» – спросил одну не молодую женщину. Не угадал и спросил другую и угадал. Увидел. Теперь надо было оправдать свой интерес, и спросил громко:

- Так я могу ехать?

За один такой вопрос надо было оставить до полного излечения.

Она улыбалась себе и, не прекращая ковыряться палочкой в зубах, посоветовала:

- Я вам советую отвечать на вопросы в суде.

И возразил я тоже громко:

- Против меня ведётся суд кэгэбэ, его я не признаю.

Всем моим слушателям эти слова не в новость: персонал состоял из «русских» и русских, которые не меньше меня знают о том и этом кэгэбэ, а полицейские больше меня знают об этом кэгэбэ и валяют дурака со мной.

Начальник рейса громко засмеялся:

- Мы не кэгэбэ, а только исполнители.

- Все тут кэгэбэ, – смеялся и я, – я тоже помогаю кэгэбэ – плачу налоги.

Из конторской комнаты вышел ещё один «русский» или русский, показывал полицейским какие-то бумаги, говорил о моём несоучастии. Полицейские слушали молча, снисходительно улыбаясь. Он ретировался.

Ведь знает, кто здесь командует парадом, а выпендривается. Вылечат.

Решения принимаются не в этом тихом лесочке.

И не в суде.

Полицейские пошли к машине, а я за ними.

Говорю начальнику:

- Эта женщина работала на кэгэбэ и там. А кто из них не работал на кэгэбэ – знают, что надо работать.

- Ты слышишь, что он говорит? – обращается начальник к водителю и весело смеётся, – она работала на кэгэбэ там!

И мы покатали.

Подпортил малость начальник, которого попросил сообщить Любимой, что из психушки меня переводят. Через окошко, разделявшей нас спинки кабины, ответил кивком головы, мол, успеешь.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 15

Из машины водитель-полицейский доставил меня прямо в суд. Сел я на лавку при входе, на своё привычное место напротив судьи, закрыл глаза. «Защита», от которой была только подруга, подскочила ко мне несколько раз – ей надо поговорить со мной в коридоре. Я отмалчивался, но всё-таки громко похвалил её: «Уважаемая, я не против тебя, не хочу обидеть тебя, но и не желаю разговаривать!» На меня зашикали, что сказано было громко. Полицейский устроился возле меня. Я стал ждать конца говорильни.

Вдруг чувствую рядом, ниже моего лица: справа – «защита», слева – прокуратуры. То ли наклонились ко мне так неприлично, то ли сидят на корточках. Но говорят одно и то же: «Михаэль, соглашайся на условное заключение, на этом кончаем и идём по домам». По несколько раз повторили и отстали.

Потом слышал взволнованный голос «защиты». Потом долго говорила судья. И вдруг рядом со мной радостный голос «защиты»: «Михаэль! Ты идёшь домой!» Потом толчок полицейского, я открыл глаза и мы пошли.

По дороге он сказал: «Через три месяца снова будем брать тебя».

Позвонил Любимой. В автобусе – на привычное заднее место: анализировать ход товарища кэгэбэ.

Протокол

Прокуратура: Мы получили обращение из больницы <>, согласно которому обвиняемый не согласен на госпитализацию. Они просят продления постановления о задержании с целью госпитализации. Мы просим отозваться на просьбу. Наше мнение очень облегчает, доказательства сильные, если обвиняемый продолжит молчать, доказательства будут более сильные. Я попрошу суд убедить его прийти к соглашению. Наше мнение, в случае окончания дела сегодня, это условное заключение только. Для его пользы предпочтительно, что госпитализация в закрытом отделе не поможет. Моё предложение закончить суд сегодня соглашением.

Защита: Задержание на этой стадии, по моему скромному мнению, не законно по причине, что суд не задержал его, а послал его на проверку и задержание будет для доставки его в больницу <>, беседовала с психиатршей, и она сказала, что он не соучаствует, не было у неё права оставить его здесь в принудительном задержании или, как альтернатива, задействовать её гражданские

полномочия. Факт того, что он прибыл в суд принудительно, требовал представления постановления о задержании, было возможно продолжить заниматься этим делом также без сегодняшнего задержания. Относительно дела, я затрудняюсь высказать мнение, нет у меня согласия клиента, и я не знаю его мнения, и я не могу согласиться с таким шагом, право суда дать постановление о принудительной госпитализации, но не задержание, на несколько дней с целью самой проверки, по статье 15 часть 3, всё это на ограниченный срок, это тоже проблемно. Если правильно поняла, это отсутствие соучастия и должны доказать суду, что существуют причины для госпитализации, всё, что написано в статье 9, и всё это, по моему скромному мнению, не осуществляется. Поэтому, попрошу освободить обвиняемого. Относительно самого дела, трудно мне вести доказательства в деле, без линии защиты.

Прокуратура: Фактически, технически существует причина для задержания.

Решение

Поведение обвиняемого, действительно, непонятное и необычное, но видно, что психиатр, который проверял обвиняемого, не убедился, что существуют исключительные обстоятельства, свидетельствующие о его невозможности предстать перед судом. Правда, не имеется положительного решения по этому делу, но формулировка рекомендации, согласно которой «невозможно исключить», что говорится о психиатрической патологии, склоняется к предположению, что не говорится о душевной болезни, которая не позволяет продолжения суда. Несмотря на то, что обвиняемый обвинён в насильственных проступках, говорится об уровне более низких насильственных действий. Также мнение прокуратуры о наказании относительно лёгкое. В этих обстоятельствах, как мне видится, указание о задержании ответчика на срок не отменяемый, не будет пропорционально обвинениям против него. Поэтому, при отсутствии соучастия со стороны обвиняемого, не будет подано на этой стадии дополнительное мнение психиатра.

Суд: Обвинение зачитано обвиняемому.

Обвиняемый не реагирует. Объяснено обвиняемому, что беда ответа способна усилить доказательства против него.

Решение

Установлено для доказательств на день 1.5.06 в 10:00. Обсуждение, установленное на день 21.2.06, отменяется. Также, установлено дело напоминания на день 25.4.06 в 9:00. Если не появится обвиняемый в этот срок, будет дано решение о его задержании с целью доставки его на данное заседание. Секретариат пригласит всех свидетелей прокуратуры. Будет ясно, что обвиняемый сейчас не находится в задержании. Рекомендовано, что вернётся в психиатрическую больницу <>, продолжить проверку, но он не обязан сделать так. Дано сегодня 19.1.2006 в присутствии сторон. *Судья* <>.

(Так!)

«Ой!» – закричал огорчённый, но и радостный.

Вот свяжись с такими, тяни их на матч столетия! А они – в кусты: предлагают сделку, которую я, конечно, отклонил. Кэгэбэшный прокурор демонстрировал силу – привёл кэгэбэшного жалобщика за ручку, усадил болезного и держал за ручку – вот, мол, какие у нас сильные доказательства! Хорошо, что у суда не

было затмения мозгов проверить его здоровье и его «дела». А то бы испортили поединок, о котором один я забочусь, чтобы сделать его великим.

Пришёл домой, а там все меня ждут и внуки смотрят на меня, ничего не понимая, но скоро начнут догадываться, что их дед всё по тюрьмам и по психушкам.

Сын спросил с улыбкой:

- Зачем тебе это? Возьми хорошего адвоката, он быстро докажет твою правоту.

- Ты не понимаешь, – начал я безнадежно объяснять то, чего невозможно объяснить тому, кто не родился в той кэгэбэшине. Но распрямил согнутую тюрьмами и психушками спину и продолжил вдохновенно: – Стрелки кремлёвских курантов приближаются к двенадцати ночи, Левитан торжественно объявляет на всё государство, в одном конце которого ещё не легли спать, а в другом давно уже встали, что экс-чемпион мира гроссмейстер Ботвинник отложил партию с чемпионом мира гроссмейстером Талем и записал свой сорок первый ход; потом гремят куранты: «бом-м!», – я честно отбомбил двенадцать раз, – и с шумом ниагарского водопада обрушиваются первые аккорды гимна, – я развёл руки и тряс дирижёрскими палочками и грянул вместе с Ниагарой: – «сою-ю-юз... не-е-еруши-и-имый...», и утром простая колхозница рассказывает простому рабочему простыми русскими словами, что в партии миттельшпиль перешёл в эндшпиль, а к вечеру всё государство приникает к радиотарелкам, – я припал ухом к стеклянной дверце книжного шкафа, – узнать, что записан ход... даже слеза во весь экран на торжествах наследия Рабина не тянет на торжество наследия записанного хода... все замирают... в радиотарелке слышно разрывание конверта... ещё несколько напряжённых секунд... гроссмейстер Левенфиш взволнованно читает: «ферзь f3-g4!!!» – такие простые русские слова радостно передаются из уст в уста...

Хохотали все, особенно внуки, глядя на своего папу, который задрал ноги выше стола и сквозь смех с трудом выговорил:

- Ни слова не понял, – и вновь закатился от смеха.

Да, с русским у него плоховато. Но я же говорил на иврите! Чтобы всем было понятно.

Вот так никому не понятно про здешнюю кэгэбэшню, в которой родились.

Опустив ноги, но, не отсмеявшись, сын тыкал в меня рукой, как в чучело огородное:

- Чего ты хочешь доказать? – он не говорил, а охал от смеха, – ты умнее Всевышнего? Ох!

Мне не было стыдно, что сын умнее отца, а стало стыдно, что не мог отказаться от увлекательного матча столетия – мои страстишки сильнее моей веры?

- Хочу помочь евреям, – жалко промямлил я.

- Ох! – стонал сын, ослабев от смеха, повалившись на бок и вытирая слёзы, – всё идёт по Его плану! Ох!

- Но мы тоже должны прилагать всевозможные усилия, – сопротивлялся я неуверенно.

- Всевышний хочет от тебя одно усилие – учиться, – сын одержал победу, и мы с ним поменялись ролями, теперь он поучал меня, но добродушно: – ты должен больше учиться.

Все были весёлые и довольные, особенно Любимая. Теперь-то мне, пристыженному и осмеянному, некуда будет деться, как ехать после тюрем и психушек на Мёртвое море. Там сыну предстояло три дня следить за кашрутом большой группы, которая сняла целый отель. Сын брал свою семью и маму, но Любимая никак не соглашалась быть без меня и винила, что не думаю о её здоровье. А мне было жаль тратить на себя. Теперь же я только поартачился немного. Но смекнул, что там будет работа над домашней заготовкой!

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 16

А пока надо записать мой ход в отложенной партии. Забрался в свой закуток, живое пространство – метр на полтора, меньше бывает только карцер и камера пыток, в которых рождается всё великое.

Слово – теории: «Ботвинник торжественно проводит языком по клейкой кромочке конверта с записанным ходом, взволнованные зрители поднимаются со своих мест, а он передаёт судье, тот – чекисту, а тот – в несгораемый шкаф, возле которого встают в почётный караул двое с выпученными по инструкции глазами».

Ещё пример: «Стейниц откладывает партию с Цукером в 1873 году в парижском кафе "Мон-ти-ша", веселит завсегдатаев кафе: бумажку с записанным ходом втыкает в наполовину съеденный торт, которым наградил соперников хозяин кафе – и он же организатор первого чемпионата мира, который сам щедро подносил им чашечки кофе. Довольные зрители разошлись, кафе опустело, Цукер задержался выпить ещё чашечку, отрезал кусок торта, в нём оказалась бумажка, чуть не съел записанный ход и снова всунул в торт. Матч Цукер всё равно проиграл, но уже под именем Цукерторт».

Теоретические размышления очень кстати прервал звонок человека из народа, который обязательно скажет весёленькое, если вернётся с собственных похорон. Слово – народу.

- Что делаешь? – с ходу смеётся он, – они оставили тебя?

- Партия отложена, – простодушно отвечаю, – сейчас думаю, какой ход записать.

Он уверен, что говорю со смехом, как и он, – только так разговаривают умные.

- Ой! – радуется он своему предложению, которое, я уже знаю, сейчас последует: – Остапа Бендера помнишь? Гаси свет и рви когти!

Вот на него не обижаюсь. Когда он однажды удивился помехам в моём телефоне, я сказал, что нас слушают, а сам себе в это время печатаю, так он смеялся над нашими слушателями, которые, по его мнению, работать не хотят и проводят итальянскую забастовку; рассказывал им, как пьют чай где-то на востоке забастовщики от рождения, подобные им, а я себе печатаю; а он показывал

им в звуковом сопровождении, как там, на востоке, тянут чай из блюдечка лодыри, подобные им, в толстых халатах на вате и в тени деревьев.

Я себе печатаю, но тоже иногда вставляю слово:

- Оставили они меня или не оставили, – они остаются со всеми вами.

- А мы из пушки по этим воробьям, – он ставит точку в одной смешной теме и начинает другую смешную тему: – Ха! Да, чуть не забыл, этот, ну, как его? Да ты его знаешь, так он считает, что тебя просто поугали. Ха-ха-ха!

- Ничего себе – поугали, – возмущаюсь я равнодушно, потому что печатаю.

- Они не карательные, – гогочет он, – а пугательные органы!

Чтобы выключить телефон, начинаю тоже тихонько гоготать, тогда это получается непринуждённо.

Последнее слово – за Любимой. Она в салоне, который примыкает к закутку, читает на диване новый детектив.

- Ты слышишь, слышишь? – делится со мной его литературными перлами, значит, не только рядом, но как бы идёт ко мне в закуток: – Ха! «Глубокие залысины выдавали недюжинный ум капитана». Ха-ха!"

Я тоже охотно иду к ней в салон. Иду сюда-туда, потом туда-сюда.

- Тебе делать нечего? – спрашивает: – Суд кончился?

- Никогда не кончится, – отвечаю.

- Хорошо тебе!

- Что хорошо?

- Хорошо ты это придумал.

- Что придумал?

- Вот это, – она кивает в сторону закутка. – Про что пишешь?

- Про кэгэбэ. А про что читаешь?

- Чтобы ни о чём не думать. У тебя больная жена, уделяй ей внимание. А он про кэгэбэ! Кому это интересно, кроме тебя?

Помню наизусть и гордо декламирую:

- Председатель кнессета от правых – «желает тебе здоровья, чтобы ты мог завершить литературное произведение»; министр от левых – «желает тебе удачного продолжения в написании книги и надеется, что заслужишь увидеть эту книгу изданной вскорости», это он сказал о предыдущей книге; председатель законодательной комиссии – «читал с большим интересом»; редактор большой газеты – «читал, даже только в первом прочтении, этот длинный материал интересный, увлекательный», правда, вот это очень давнишнее, это он сказал о другой книге.

- Они жалеют тебя. Кому ещё интересно?

- Нехамелэ. Она писатель. Жертва здешнего кэгэбэ. Она пишет мне: «Вы схватились с системой, которая так же жестока, как и советская». У меня с ней кэгэбэшный роман, который веду на стороне, на другом берегу океана, – никогда не скрывал от Любимой, что у меня нет никого кроме неё, поэтому паузой подчеркнул честное признание, которое Любимая встретила ставшими необыкновенно большими, красивыми по-прежнему глазами, только после этого закончил признание:

- Она единственная в мире прочла полное собрание сочинений Михаэля Бабеля в интернете. А я – один из её читателей.

Лицо Любимой снова стало недовольным мной, но всё равно любимым, что я, счастливый, понял по её вопросу:

- И сколько ей?

Хотел ответить сразу, потому что говорю правду и мог точно подсчитать, потому что уже много знаю о Нехамелэ, но пауза невыгодно затягивалась, а Любимая всё хорошела, так сказал примерно:

- Немного поменьше твоего.

Видно было, что поверила в серьёзность наших отношений с Нехамелэ, потому что снова стала прежней любимой и тепло пожелала:

- Передай ей привет, скоро и она тебя оставит, как остальные.

А я ещё покажу Любимой кэгэбэшный роман – увидит, что лучше меня нет. При случае, если удастся мне вклиниться между двумя её романами.

- Кто ещё?

- Нуу... народ...

Её лицо стало недовольным, но не мной, а конченным человеком. Но я продолжаю с надеждой:

- Я тоже жертва этого кэгэбэ.

- Это я – жертва! – она делает паузу, чтобы до меня дошло, и тут я, счастливый, затаиваю дыхание, что Любимая делит со мной горькую участь жертв кэгэбэ, и после того, как я хорошо всё прочувствовал, справедливо упрекает: – Между мной и ими ты выбрал кэгэбэ!

Скромно, мол, не моя эта заслуга, что мы вместе стоим плечом к плечу против кэгэбэ, отвечаю:

- Не я выбрал, это они выбрали меня.

- Нужен ты им! – удивилась она моему сомнению, – ну, было что-то...

- Меня же убивали!

- Так теперь всю жизнь заниматься этим?! Когда меня не будет, плакать будешь!

- Не буду! – заверяю с радостью и честно желаю: – Чтобы ты плакала!

Ведь всегда кто-то должен быть первым, а я согласный.

На секунду Любимая косится на меня, и я это чувствую – на любимого. Потом снова окунается в детектив, который не закрывала и палец держала на нужной строчке.

А я, благодарный, – в закуток.

И вот он – записанный ход: «За жертвы кэгэбэ, убитых и замученных, в том числе за Любимую и за Нехамелэ! "Атакой Бабеля" не по суду 1.5.2006, а по всей кэгэбэшне до 2018: насильники, извращенцы, убийцы!»

Теперь надо расслабиться. Сыграл втёмную с чемпионом мира когда-то – Алёхиным. Проиграл. В следующий раз отдам ему коня за пешку. После Стейница с Цукертортом чемпионами мира были только цукеры, а когда евреи пошли по революциям, временно появились другие фамилии, но когда часть евреев вернулась с революций, вновь чемпионами стали цукеры...

Это кратко про любимые с детства шахматы.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 17

Пришёл день, и мы поехали. Сын с семьёй уже был там, готовил место по части кашрута. Поднялись в автобус, нашли свободные места в заднем ряду, торчащем над всеми. Не успел сесть, как звонит «защита» (надо бы писать без кавычек, ведь пишу про суд и прокуратуру без кавычек).

Защита предлагает: «Я хочу подать о закрытии дела».

Но я же взял творческий отпуск! Это же просто вредительство!

Прокуратура и суд обрадовали меня, что доказательства будут крепкие. Есть у них домашние заготовки! И я еду работать над домашней заготовкой! Будет партия столетия!

И вот сдают партию после моего хода – ну настоящий цукерторт...

Защита спросила сначала по этикету, который установился между нами, о здоровье жены, потом и предложила. Ответил ей тоже по этикету, по всему списку: на меня не обижаться, не хочу обидеть, мне всё равно, что делается, это моя позиция в кэгэбэшном суде. Потом добавил не по списку: еврей всегда помогает еврею. Добавил, чтобы они не думали, что я неблагодарная свинья, а даже очень благодарный, конечно, не за кэгэбэшную работу, о которой не просил, а за человеческое восклицание радости: «Михаэль, ты идёшь домой!» Поэтому спросил, как зовут подругу защиты, которая воскликнула. Она назвала, и я успел повторить имя той только три раза, а она сказала ещё что-то, и я, чтобы это услышать, четвёртый раз не повторил и поэтому забыл. Но той запишется за восклицание радости, а этой запишется за заботу о жене, а судье запишется за вопрос с чувством: «А что с его женой?» – всем запишется. А мне, внешне неблагодарному, помнить.

Как прекрасно Всевышний устроил еврея! И как нелегко им быть. Куда проще культурно послать их куда-нибудь подальше, чтобы не портили творческий отпуск.

Любимая закрыла глаза в последней надежде на поездку на очередное лечение. А мне осталось одно – следить за хорошей творческой формой для работы над домашней заготовкой.

Немедленно принялся за первое упражнение: «Только выехали из тёмного чрева центральной станции, как передо мной с высокого сидения простёрлось голубое море, оно слепило голубизной, колыхалось, дышало силой и таяло по мере спуска из Иерусалима к Мёртвому морю и истаяло до капли, когда вышла из автобуса последняя голубая пилотка».

Мы с Любимой прильнули к окну, и я взялся за следующее упражнение: «Открылось не мёртвое, а легендарное море, огромное и грозное, бежали по нему волны с пеной на гребнях, чёрная и тяжёлая туча провалилась ниже уровня земли, застряла в самой глубинной впадине мира. А за морем – горы, с которых предки обозревали Эрец Исраэль, дарованную им и детям наших детей. Были они все пророками, праведниками. Но не за праведность свою получили страну. А я могу получить только за праведность, которой у меня нет. А у кого есть? В глазах встало по слезе, щипали так приятно, что не удержал их».

А дорожный указатель за окном, убежавший назад, указал на следующее упражнение: «И с непросохшими глазами обернулся к окну в сторону от моря. На склоне, за камнями торчали зелёные ветки и талит на палке. И с трепетом душевным запел: "Э-эйн Ге-ди! Э-эйн Ге-ди!" Что там дальше? Больше тридцати лет не знаю, но не мог прерваться, и мне этих слов хватило до следующего упражнения».

На него указал ещё один дорожный указатель, убежавший назад, – Маада: «Но на какой она находится среди одинаковых коричневых гор? Выдала блеснувшая ниточка троса от подножья до верха. Автобус ехал смиренно. Мы сидели смиренно. Команда "вольно" поступила, когда подъехали под нашу гору».

У подножия её был полуторакомнатный домик и для нас, выгрузил из автобуса сумки, стоял над ними и шлифовал очередное упражнение: «Задрал голову к вершине горы, которая закрыла половину неба, возвышалась на страже над нами, и запел, не моё, и чтобы слышно было только мне: "Ведь это наши горы. Они помогут нам. Они-и-и помогут нам". Со стороны выглядело: неприметный мужичок неприязненно косится на дома, на людей, щурится на солнце, долго трёт глаза от носа к щекам».

Вышел к автобусу встречать сын. Обрадовал, что мы не опоздали к дневному пирогу с чаем-кофе. Любимая с юмором показала, что она спешит подкрепиться, но сын удержал её – есть ещё время, и не без смеха сообщил, что вечером только мясных блюд – пять. Любимая, опять же с юмором, укоризненно посмотрела на меня, недовольного, но я уже давно исправился. Сын сказал, что сейчас для женщин – гуфритовый бассейн, а у мужчин – море с грязью для обмазывания, а через четыре часа пересменка, и так с раннего утра до позднего вечера все три дня, семьи встречаются в пересменках за кофе-чаем; а завтра поздним вечером – знаменитый фокусник, а послезавтра поздним вечером – знаменитый пантомимист, а в последний поздний вечер – знаменитый гуттаперчевый человек. Сын заспешил на кухню, а я подхватил сумки. «Есть время духовного и есть время телесного», – подумал я.

«Есть время телесного и есть время духовного, – подумал я, идя той же дорогой обратно через три дня, – скорее в мой закуток!» Прятал глаза, чтобы Любимая не придумала ничего плохого. В автобусе прижались друг к другу – после стольких дней разлуки это было единственное место, и это было первое мгновение, когда мы были рядом. Потому что на знаменитого фокусника, на знаменитого пантомимиста и на знаменитого гуттаперчевого не ходил. И уже закрыв глаза, Любимая прошептала: «Поправилась на кило!» Жаль, что не увидела по-настоящему счастливого, для которого есть что-то важнее домашней заготовки.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

24.4.2006

Разослал по адресам кэгэбэшни.

Рассказ 18

Судебное заседание назначено на 1.5.2006 в 10:00. В это время я у компьютера, но в полной готовности: пиджак на мне, в карманах ничего лишнего.

В 10:25 в двери молодой полицейский и его напарница с пушкой. Прошу зайти и говорю, что сейчас выходим. Надо зайти в туалет – когда ещё разрешат? И попить – когда ещё дадут? Теперь готов, протягиваю полицейскому руки для наручников. Он обижается:

- Зачем стыдишь меня? Ты хоть её пожалей.

Он показывает на Любимую, которая привалилась к столу, готовая заплакать. Склоняюсь над ней, говорю нежно:

- Не стыдись. Я не стесняюсь идти с наручниками.

Снова протягиваю полицейскому руки:

- Или с наручниками, или берите за руки, за ноги, сам не пойду.

Полицейский неохотно защёлкивает наручники.

По дороге к стоянке машин с одного из балконов мужской голос торжественно объявляет на два дня раньше:

- Вот День Независимости!

Не знаю кому, но машу наручниками над головой.

В машине полицейский спрашивает:

- Что у тебя?

Разговаривать не хочется. Но я читаю Псалмы, которые вытащил из кармана благодаря тому, что он слабо затянул наручники, поэтому отвечаю:

- Шьют дела.

- Шьют одежду, – возражает он. И я не спорю.

В коридоре возле судебного зала – прокурорши и защитницы. Меня ждут. Вхожу, сажусь на лавке на своё место, полицейский снимает наручники, садится рядом. Закрываю глаза. Сразу же входит судья, все встают. Первым свидетелем выступил прокурор, закруглился быстро. Я не прислушивался, но до меня дошло, что он уже не работает в Иерусалиме. Свидетельство полицейских тоже проходило быстро, кто-то из них тоже уже не работает на прежнем месте. Меня пытались приобщить к суду, мои защитницы хотели выйти со мной в коридор. Повторил пройденное, что не хочу их обидеть и не хочу вообще никого затронуть. Эти последние слова попадут в протокол в качестве моего заявления суду. Вот и поучаствовал. Потом подводила итоги прокуратура. За ней – защита. Судья говорила дольше всех.

Полицейский толкнул меня в бок, и я вышел с ним, а он ушёл. И я оказался без протокола. Вернуться в зал не хотел, сел напротив приоткрытой двери. А защита уже на стороне прокуратуры, весело щебечут. Прокурорши показывают ей на меня, она оглядывается на дверь, видит меня и спешит, решила, что я её жду. Мы стоим напротив, лицо её радостное, глаза ждут благодарности. А я молчу.

- Ты мне делаешь проблемы, – говорит, не глядя на меня.

- Ничего не слышал, – оправдываюсь, – не знаю, что произошло, но чувствовал, как ты хорошо говорила обо мне.

В коридор выходят молодые прокурорши, смотрят на нас, улыбаются. Защитница замечает их и пытается сказать серьёзно:

- Но защиты ты не хочешь, – серьёзно у неё не получается, а я молчу, тогда она снова пытается сказать серьёзно, а получается просительно: – Придешь на следующее заседание?

Прокуратура улыбается, а я со смехом мотаю головой в их сторону:

- Вот они меня доставят.

...И снова последнее сидение в автобусе. И снова протокол.

Из протокола

Суд: Я думаю, исходя из материала, который был представлен, что нет у суда данных, обвиняемый странный, есть у него страх от советского режима, и также формы выражения, которыми он пользуется <...> Это прокурор позвонил ему сказать что-то про удостоверение. Если бы он не позвонил ему и не возбудил его, дело не существовало бы. Я не знаю позиции обвиняемого, но согласно его заявлению и согласно его поведению в суде, есть ощущение удрученности и боли, и я не знаю, что полиция сделала с его жалобами <...> В свете всего этого, я не считаю, что есть общественный интерес судить обвиняемого.

Решение

На основании уведомления, которое было дано сторонам из канцелярии генерального прокурора, ответ на просьбу о прекращении процесса должен быть дан в ближайшие дни, устанавливается вынесение решения на 17.5.2006. Дано сегодня 1.5.2006 в присутствии сторон. *Судья* <>.

(Так!)

За день до суда звонит защита:

- Завтра суд. Ты придешь?

- Нет. Возьмут меня.

- Тебе нравится валяться целый день в задержании?

- Зачем целый день? В прошлый раз брали к началу заседания.

- Ты не знаешь полиции?

- А что я могу поделаться?

- Не упрямиться.

- Нет. Сам не приду. И обязательно с наручниками.

- Ну, зачем тебе всё это?

- Это не мой суд.

Наш традиционный разговор стал скучным. Я его чуть оживил, забыв наскучившее извинение, что не хочу обижать.

Назавтра суда не было.

Наверное, никогда не будет скучно ждать.

Через день после намеченного суда уже не ждал полиции.

Ещё через день не ждал защиты.

А ещё через день не ждал письма из суда.

Чтоб они пропали, гады. И без восклицательного знака.

Задерживается товарищ кэзгэбэ с домашней заготовкой.

Прошёл почти месяц.

12.6.2006 звонит неожиданно защита:

- Завтра заседание в десять. Приходи.

- Нет.

- Будешь валяться в задержании.

- Ну, буду. Нет у меня выбора.

Интересная логика: если завтра увидят, что не пришёл к десяти, то сегодня меня уже забирают. С такой логикой только защищать человека от виселицы.

Забрали меня за полчаса до заседания, которое протекло тихо и быстро, без пламенного выступления защиты, но с длинным протоколом. Хорошо подготовились, роли свои знали.

Две последние строчки из протокола на четырёх страницах: «В этих обстоятельствах существуют все необходимые основания для признания обвиняемого виновным. Поэтому я признаю обвиняемого виновным в двух преступных угрозах».

Это домашняя заготовка?! Рассмешил, товарищ кэгэбэ. Специалист по убийствам, судам и серым протоколам – замучил ими читателя и художественную книгу.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 19

Сразу же написал письмо.

Чем больше делается шагов – тем заметнее товарища кэгэбэ по походке.

«14.6.2006. Президенту государства, министру юстиции, генеральному прокурору, общественной защите, прокуратуре государства, отделу общественных жалоб на судей, судье. Обсуждаемое: суд государства против Михаэля Бабея, дело 004726\04.

В протоколе от 1.5.2006 написано: "Это прокурор позвонил ему сказать что-то про удостоверение. Если бы он не позвонил ему и не возбудил его, дело не существовало бы".

А в протоколе от 13.6.2006 написано не об этом, а о другом: "Также свидетельствовал господин Рами Салама, который был прокурором в прокуратуре Иерусалима. Он свидетельствовал, что беседовал с обвиняемым о его оружии".

Суд назначил защитников из общественной защиты, но принимает ложные свидетельства без встречного допроса. Рами Салама не сказал "что-то про удостоверение". Какое удостоверение? Он сказал, что закрывает дело. Я сказал ему, что не знаю никакого дела, не знаю, что так просто открывают-закрывают дела, не знаком с ним и что он бандит. "Так убивают", – сказал ему.

В протоколе от 1.5.2006 написано: "Я думаю, согласно поданному материалу, что у суда нет данных... невозможно приписать обвиняемому преступные намерения <...> я не считаю, что есть общественный интерес судить обвиняемого <...> Согласно сообщению, которое дано сторонам из отдела Генерального прокурора, ответ на просьбу к остановке процесса будет дан в ближайшие дни".

А в протоколе от 13.6.2006 написано: "В этих обстоятельствах существуют все необходимые основания для признания обвиняемого виновным. Поэтому я признаю обвиняемого виновным в двух преступных угрозах".

Ещё раз повторяю: государство кэгэбэ.» Конец письма.

Это же письмо разослал половине членов кнессета с такой вот шапкой: «Ещё одна страница для моей книги об этом кэгэбэшном государстве – "С закрытыми глазами, или Неповиновение" из антикэгэбэшной трилогии "Предобвальные будни"».

Через три недели получаю ответ из канцелярии министра юстиции: «Ваше письмо положено на стол министра».

Включаю кэгэбэшное радио, печатаю своё и слушаю. Несколько дней ожидания и 11.7.2006 как будто я сам спрашиваю министра:

- Рассказывают о Президенте непристойности. Генеральный прокурор решит, судить ли его. Что вы скажете о Президенте?

Какого министра спрашивают, не имеет значения – все кэгэбэшные.

Ещё до окончания вопроса слышались колебания голосовых связок министра из-за желанья остановить вопрос.

- Э-э, – продолжил голосом недовольным, как о чём-то неприятном, – нельзя вмешиваться в дела другой канцелярии.

И ни слова о его родном Президенте его родного государства. Хотя бы для приличия, что он окажется чист.

- А что вы скажете о Генеральном прокуроре? Вы ему доверяете?

Ещё до окончания вопроса уже рокотал голос министра в нетерпении говорить о приятном.

- На тысячу процентов! – захлёбывался министр в страшном восторге.

«Да здравствует Сталин!» – захлёбывались в таком же страшном восторге волочимые в расстрельные подвалы.

Генеральный прокурор и на его счёт решит.

И на счёт ещё многих решит. Очередь длинная к нему в трепетном ожидании.

Ведь отброшенный от кормушки почти как выброшенный из расстрельного подвала.

Поэтому никто из длинной очереди не позволит себе моего удовольствия кричать в чекистскую рожу: бандит! убийца!

Ведь где это видано, чтобы прокурор звонил о закрытии дела?!

Мы с ним вместе ходим по бабам?!

Нее!

Это чтобы я слышал меж слов: ты, бля, не понимаешь по-хорошему?

Чтобы мне в той кэгэбэшне звонил прокурор?!

А!!

А здесь это можно – как еврей еврею?

Да я ему горло перегрызу, если мои зубы вместе с рукой будут первые.

Прокурору было мало, что я назвал его бандитом и убийцей по телефону, и меня пригласили в полицию, чтобы записать не на плёнку, а на бумагу. А мне всегда мало. Мог не идти, мог не говорить, мог не подписывать. Но упустить такую возможность? Чем больше делается шагов – тем заметнее товарища кэгэбэ по походке. Летел к ним. Ради нескольких этих строчек.

Сидел перед гойкой с еврейской фамилией. Наслаждался суровой правдой моих книг. Разве только ради этого не стоило придти?!

- Как в той кэгэбэшне! – делился с ней радостью видеть, как строчат – шьёт дело.

- Есть разница, – строчила и цедила сквозь зубы, – здесь можно говорить.

И я наслаждался свободой говорить о моём желании, которым горжусь, убивать чекистов мечом, огнём, удушьем, камнем – четырьмя смертями для них из Торы.

Всё-то, конечно, на счёт министра уже решено, как и на счёт всей очереди. От министра и от всей очереди требуется только одно – бояться.

Но кого?

Министр даёт взятку.

Обычно при взятке говорят, что доверяют на сто один процент, где сто процентов – обычная плата, а один процент – серьёзная взятка.

Но доверять на тысячу процентов!

Кому ещё восемьсот девяносто девять процентов?

Какому-то назначенцу? Э-э, нет. Его не боятся. Он сам боится, как все.

Какой-то назначенец решает, закрыть дело премьера или не закрыть. То есть решает, кому быть премьером и, значит, куда повернуть государство?

Или какой-то «верховный» суд – коллективный назначенец решает, кого записать в евреи и, значит, быть еврейскому государству или не быть?

Вот это страшно.

А взятка – под этот страх.

Значит, если боится – он свой.

А кто не боится – тот враг.

Назначенца генерального прокурора или «верховный» суд, да любого назначенца, насаживают на торчащий кончик щупальца кэгэбэшного спрута.

Любой подойдёт, только чтобы боялся – тогда это свой.

Свой знает, что нужно. В помощь ему кэгэбэшные телевизор, радио, газета. Их тоже насаживают на кончики щупалец кэгэбэшного спрута. Среди них все только свои – боятся.

И больше всех боится тот, кто забирается выше всех.

За высшее место высшая мера – расстрел.

За место пониже – долгое расследование чего-нибудь пониже, куда подставляется хорошенькая своя.

Страх управляет кэгэбэшней.

Но не боится певец земли еврейской.

Рукописи не сгорают.

Конечно, горят, но не сгорают.

Хороший игрок хранит домашнюю заготовку до конца. Поэтому, в ответ на смешную домашнюю заготовку товарища кэгэбэ, только рядовой записанный ход из моего закутка: «"Атакой Бабея" не по чекистам и назначенцам кэгэбэ – смерть кэгэбэшне!»

Между человеком той кэгэбэшни и евреем своей кэгэбэшни есть разница.

Тот пустил слезу, когда случился обвал, заспешил из эмиграции противостоять обвалу, бил себя в грудь за свою ошибку бороться против. К власти пришли новые те же. Кэгэбэ остался. А ему было обидно за державу в обвале.

Еврей в «своей» кэгэбэшне хочет обвала, потому что Б-г так жить не велел, когда еврея убивают не от Его имени, а от имени кэгэбэшни.

Грядёт обвал!

Даже если не убивают, а ногами бьют по яйцам, чтобы поймать на плёнку взмах руки в обороне.

Даже если не бьют по яйцам, а рукой в спину тычут, чтобы поймать на плён-ку лицо в обороте сердитом.

Даже если не тычут, а шьют дело.

Даже если не шьют, а пачкают имя.

Даже если не пачкают, а подбрасывают слушок.

Даже если не подбрасывают, а стряпают заготовочку на будущее.

Значит, убили многие тысячи.

Грядёт обвал!

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 20

Теперь, перед домашней заготовкой, надо расслабиться любимым театром.

Ещё живы люди, которые слышали, как длинноногая Джемма – помощница молодящегося Юткевича, кричала в тёмном зале студенческого театра во время прогона: «Бабель! Где занавес?» или «Бабель! Свет!» Или, когда я присаживался насладиться любимым театром, шептала на весь зал – для историков театра – мне на ухо: «Бабель, у тебя отец стекольщик?» Поэтому про театр у меня всегда есть что рассказать.

Можно о знаменитой немой сцене из «Ревизора» Гоголя. «Немой» последнюю сцену назвал сам автор и так кончает её описание:

«Почти полторы минуты окаменевшая группа сохраняет такое положение. Занавес опускается».

Но жизнь в кэгэбэшне, которая сменила гнилой царский режим, о котором пьеса, оказалась веселее. От бурных аплодисментов снова поднимался занавес и опускался, чтобы снова подняться. А чуть стихали аплодисменты, инициатива переходила к театру: занавес поднимался, горяча аплодисменты новым положением окаменевшей группы, из которой актёры хитро подмигивали хлопавшим зрителям.

Такое продолжалось за полночь, значительно дольше, чем предполагал автор, который, к его счастью, не дождал до кэгэбэшни, зато его герои оказались в ней на первых ролях.

Были хохмачи, которые тратились на билет, а прикатывали только на немую сцену – отвести душу. Бурными аплодисментами, криками «браво!» проклинали, презирали, ненавидели кэгэбэшню, которая убивала героев, лидеров, сильных духом, чтобы остальным уже не хотелось; строила семью разных народов в ущерб народу святой земли; насаждала в парламенте и правительстве чекистов-пенсионеров и заслуживших вознаграждение за хорошую чекистскую работу; поощряла расцвет преступности и распределяла в ней заказы на убийства.

Знаменитая немая сцена стала праздником будущей победы правды над ложью. И долго не смолкали приглушенные голоса в кухнях, свет гас, а люди всё говорили за правду.

И вот правда победила ложь, но не кэгэбэ. А правда и кэгэбэ не совместимы. И правда стала ложью, потому что никто уже не хотел умирать за правду, которая всё равно станет ложью в руках кэгэбэ. Правде не осталось места в кухнях двух кэгэбэшен, где она теплилась. И уже любой разговор подтверждал, что состоялся переход из кухни в салон к кэгэбэшному экрану.

Позвонил рекордсмен той кэгэбэшни, его не выпускали много лет. И вот прошло ещё столько же лет, как его не выпускали. Первым звонком днями раньше он хотел найти у меня материал для книги воспоминаний о его рекорде. Я посоветовал взять материал прямо с моего сайта и подсказал, где искать. Теперь он звонил, потому что не всё нашёл. Но он не мог обойти первой страницы моего сайта, где сообщается о покушении. Поэтому не мог не спросить для приличия:

- У тебя есть проблемы с властями? – в его голосе слышалось удовольствие, что у него нет этой проблемы.

Так теперь это называется: покушение – это проблема с властями, но не проблема самих властей. Как выразился чекист на одном кэгэбэшном их форуме, а других форумов не бывает, по поводу этой книги, которую я показываю им с продолжениями: «Если бы у тебя была власть, ты бы сделал свой кэгэбэ».

- У меня нет проблемы с властями, – возразил я, – но есть проблема с кэгэбэшней.

Короткое молчание было несогласием вести кухонные разговоры.

Отсталый я – никто так уже не разговаривает.

- Я с ними со всеми вот так прямо общался, – говорил он довольный, без подробностей, зная, что кадры новостей кэгэбэшного экрана не обошли меня.

Но это не доказательство, а поведение, которое даёт хлеб с маслом. Такой хлеб можно было делать и в той кэгэбэшне и не устанавливать рекорд. Что не мешает потом оказаться даже в кнессете этой кэгэбэшни.

В его случае бессмысленны мои доказательства. Но любителю театра очень хочется. Привёл простое доказательство:

- Посмотри, как работает пропаганда: радио, телевизор, газета – долдонят одно.

Выразительное доказательство – покушение на меня – не использую, потому что даже не злые на меня опровергают его убийственно логично: «Если бы они хотели, то убили». Не говорят: «Если бы они были». А говорят: «Если бы они хотели». Значит, они есть, но не хотят. «Пока не хотят», – добавляю про себя.

- У людей могут быть разные мнения, – ответил он моментально, что говорило о его чёткой позиции покинувшего кухонные разговоры.

- Но все эти разные мнения сводятся к одному, – возразил я из закутка в кухне в прикрываемую дверь.

- И получают только два мнения: одно – не моё и одно – моё, – это успел сказать уже только себе.

- Но нет одного мнения миллионов. Есть одно мнение, навязанное миллионам, – так рассудил в прикрытую всеми дверь.

Поэтому только одно из двух мнений – моё – правда, осознал это давно.

С потерей кухонной правды померкла знаменитая немая сцена, «Ревизор» и сам Гоголь.

С «Мёртвыми душами» расправилась ещё давно царская охранка, и ей все поверили, что Гоголь сошёл с ума и лучшую, критическую, вторую часть книги сжёг.

А в наши дни вышло из употребления последнее, с чем было ещё связано его имя, – смелое выражение: «Гоголя на них нет!», из-за отсутствия бесстрашных кухонных разговоров.

Наступал период, когда только гоголь-моголь сохранял великое имя.

И вдруг, после повсеместного закрытия театра Гоголя, было интересно видеть его возрождение в моей психушке в знаменитой немой сцене из "Ревизора".

Большой увалень, не из душевных, развалился под столом, раскинул ноги, головой уткнулся в руки, сложенные кренделем на полу, пряча в них лицо. Вокруг стола суетились пузатый надзиратель и ещё трое недушевных в наклоне к лежащему под столом.

В это время открылась дверь, и меня пригласили на выход.

Мне отвели роль ревизора, который закончил свой визит, и я вздрогнул, но ещё не понял отведённой мне роли.

Мгновенно сцена вокруг стола стала знаменитой немой сценой. Все артисты застыли при объявлении об отъезде ревизора. Сцена вокруг стола слилась с залом для еды и оказалась в центре зала. И зал для еды тоже слился со сценой под столом. Вокруг сцены, со столом и под столом, шли душевные с опущенными головами. Шаркали ногами.

Это продолжалась долго, как во времена бесстрашных кухонных разговоров.

Это было выразительнее бурных аплодисментов.

Мне отвели не только роль ревизора, но и другие роли, ещё не известные.

Объяснение я получил в тот же день в девять часов вечера в новостях по кэбэшному телевизору. Оказывается, в психушке издеваются над душевными, загоняя их под стол.

Эту новость подали раньше иранского атома и другого интересного. Подал не инспектор за психушками, не газетчик, переодетый молочницей из соседней деревни, не полицейский, который получил донос. Подавал главный ведущий новостей, зачитывая по бумажке, как во время убийства главы правительства.

После тюрем и психушек холодильник оказался пустым. Любимая сказала, что я как раз вернулся вовремя, и я отправился на мой любимый рынок и уже стоял с полными сумками, ожидая моего автобуса.

Из подошедшего не моего автобуса вышел один доктор из психушки. Он единственный с любопытством молча разглядывал меня, когда сталкивался со мной. Я же разглядывал его только раз, когда, в отходившей ко сну психушке, он вышел из какой-то подсобки и сразу опустил глаза, увидев меня. За ним вышла молодуха из персонала, закрыла дверь на ключ, обернувшись и увидев меня, повела от плеча к плечу своими телесами с достоинством нееврейской красавицы, которой есть чем похвастать.

И вот разглядываю его второй раз: глаза не вниз, а смотрят на меня в упор и не видит – кого ему стыдиться? – засланного стукача под видом крикуна о кэгэбэ. Об этом догадался многочисленный персонал психушки после передачи новостей по кэгэбэшному экрану. Нашлись и такие, которые сразу же раскусили эту грязную подозрительную личность и без всяких новостей.

А сколько ещё разных вариантов и заготовочек на будущее! Например, после следующего, более удачного покушения, подкинуть слушок об агенте-провокаторе охранки, которую подтвердит многочисленный персонал психушки.

Все ведь понимают, что должна быть охранка и её грязные агенты-провокаторы от государства в этом нелёгком мире, враждебном окружении и в это трудное время.

Другое дело, что хотеть этого как-то неприлично, но никто не будет против.

Но опровергнут слушок по кэгэбэшному экрану:

- По нашему ведомству не числится. Это правда, предлагал себя, стучал на окружающих. Но нам такие не нужны.

- А как же понять его борьбу с кэгэбэ?

- Кто-то борется с кэгэбэ? Какое кэгэбэ?! С ума сошли?!

- Пойдите, но книги...

- Это книги?! Графоман хотел печататься. Но мы с такими не работаем.

Браво режиссёру – товарищу кэгэбэ!

Э-э, пустячок, для режиссёра – товарища кэгэбэ, в его руках лучшая карательная система в мире.

Театр – это не то, что увидено и услышано из тёмного зала на освещённой сцене, а мысли, когда бесшумно расходятся после того, как стихли аплодисменты, пустеет зал и блекнет свет.

Это кратко про любимый с юности театр.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 21

Позвонила Нехамелэ:

- Время позднее, ты работаешь.

- Как всегда.

- Один.

- Это ты была столько лет одна. А я уже не один.

- Ты не забыл, что наступила третья годовщина покушения?

- Нет.

- В предыдущих книгах ты отмечал юбилейные даты покушения.

- Когда отмечал, писал: «Налил полстакана красного вина. Собственное производство. Без сахара и воды». Потом говорил себе: «Лэхаим!» Теперь новое. Тебе показали моё страшное, и оно стало нашим, а ты показала своё страшное мне, и оно стало нашим. А глазам вездесущим, чтоб они повылазили, это как кирпичом по морде. Нет тебе равных. Теперь говорю:

- Лэхаим, Нехамелэ!

- Лэхаим, Мишенька!..

К жизни!

Жизнь – это то, что успел сделать.

И эту книгу надо тоже успеть.

Кэгэбэшняя, в отличие от меня, не извещает, что задумала. Но по поведению чекистов можно догадаться. Часть названных мною по фамилиям – с той самой минуты, как назвал их, – вообще исчезли – эти отпадают. А вот другая часть – ищут случай кивнуть головой, то есть здороваются. А на месте чекистов одно из двух: или лезть в петлю, или подавать иск на пару миллиончиков. Понятно, что меня читать им командир не велит, и им известно о моей "клевете" не только от командира, но и от какого-нибудь читателя. А что им отвечать на вопрос читателя, пока я хожу себе сюда-туда?! По агентам оцениваю продолжительность своей жизни. Если бы зло смотрели на меня, значит, ещё долго их буду мучить и у меня есть много времени. А если такие приветливые – это как прощание с удовольствием, что больше не буду мешать. Значит, знают, что скоро, наконец-то, смогут с облегчением отвечать читателю: «Не хотелось связываться с этим несчастным. Жаль его, но так ему и надо».

Значит, времени нет у меня.

Но сначала из теории о домашних заготовках. Пример из Большой Истории:

«В полиции на ул. Дизенгофф <...> Лысый человек за столом представился: "Бреннер" <...> "Бреннер" тут же известил меня, что он недоволен моими действиями, и сказал мне прямо: "Мы не предупреждаем больше одного раза, а это уже второе предупреждение, и я говорю тебе: остановись" <...> Я спросил: "Что перестать? Что ты мне приказываешь прекратить делать? Дышать?" <...> "Я сижу здесь не для того, чтобы препираться с тобой. Если ты не остановишься, ты об этом пожалеешь" <...> И так случилось, что после поста 17 Тамуза 1976 г., я медленно шел по ул. Хана, маленькой, плохо освещенной <...> в Иерусалиме <...> Было около 23:00 ночи, и улицы были пусты. И тут я услышал слабый звук позади меня. И это спасло мне жизнь. Я начал поворачиваться, чтобы увидеть, откуда идет звук, и тут на меня стал падать мешок. Мешок из рогожи был опущен на мою голову. Инстинктивно я упал на землю, в канаву, и стал кричать <...> Нападавшие (позже я увидел, что их было двое) были профессионалами и действовали методично. Поскольку я помешал им сделать то, что они намеревались сделать, они стали бить меня дубинками, тяжелым металлическим оружием. Я продолжал кататься и кричать. И им было трудно попасть в меня, но они сумели сломать мне руку и нанести глубокую рану на голове. Если бы Всевышний не подсказал мне услышать этот слабый звук, меня бы, конечно, схватили и убили бы <...> на мои крики стали сбегаться люди <...> Нападавшие побежали <...> Во время всего этого инцидента они не произнесли ни слова и этим доказали, что они не воры и не разбойники. Это были люди "Бреннера" <...> осуществившего свою угрозу <...> Еврейского Государства – против Еврея». (Поединок «Рав Кахане – кэгэбэ». Книга "Революция или референдум?", глава: «Демократия?») Блестящая домашняя заготовка. 1990 год. Скорое убийство через несколько месяцев – доказательство его победы.

Ещё пример:

«<...> они нашли для себя более безопасный и "чистый" способ – усилить судебную власть во главе с БАГАЦем и прокуратурой, ослабляя при этом другие ветви власти. Верховный суд государства Израиль, будучи никем не избранным учреждением, антидемократическим по своей сути <...> – это наилучший инструмент, позволяющий им править <...> В кулуарах, подальше от глаз общественности, действуют эти люди подобно "хунте", чтобы упрочить подлинный центр власти – "Верховный" суд <...> Эта крохотная и враждебно настроенная группа <...> освобождена от того, чтобы выставлять свои взгляды на суд народа, и в то же время она на самом деле правит! Её люди присутствуют во всех властных структурах благодаря двум инструментам, находящимся в её руках – юридической системе и СМИ. Её постоянное влияние заметно в высшем командовании армии, ШАБАКе и полиции <...> Итак, в кулуарах принимаются решения по всевозможным вопросам, практически ничем не ограниченным по своему охвату: <...> какой гиюр будет признан в стране и кто вообще является евреем и до наиболее критических вопросов, в том числе – является ли государство еврейским или демократическим государством всех граждан. Трудно назвать хотя бы один важный вопрос, по которому у них не было бы возможности принять решение <...> Всё делается изошрённо, под вывеской "власть закона" <...>» (Поединок «Рав Биньямин-Зеэв Кахане – кэгэбэ». Статья в «Дарка шель Тора»: «Кто здесь правит?») Блестящая домашняя заготовка. 2000 год. Скорое убийство менее чем через месяц – доказательство его победы.

Победить – это доказать, что государство убивает. Но для этого надо отдать жизнь.

Тысячи, которые успели унести ноги из той кэгэбэшни, были запуганы, но многие были готовы отдать жизнь и победить кэгэбэшню. Потому что знали, что их блестящие домашние заготовки нужны людям.

Но из тысяч, которые успели унести ноги из этой кэгэбэшни, никто не был готов отдать жизнь и победить кэгэбэшню. Даже редкие бесстрашные не брались за домашние заготовки – остальным евреям это не нужно.

«Евреи хотят верить только хорошему о своей стране. Они не хотят знать правду». (Рав Кахане. Из блестящей домашней заготовки за несколько месяцев до убийства.)

И только Любимая – одна единственная на весь еврейский мир – встаёт рядом с великими евреями.

Как в той кэгэбэшне, так и в этой, она оказалась самой бесстрашной, не зная об этом, потому что не читает Михаэля Бабеля, на которого махнула рукой и который поэтому свободно пишет, что ему хочется.

В 1973-ем, по приезде, у неё была беременность, не первая и не вторая, она была не новичок, да и всё было у неё нормально, надобности в гинекологе не было, но порядок есть порядок, даже в глубокой провинции, между Хайфой и Тель-Авивом, куда нас определили. Её немножечко проверили, чуть кольнули. Начали пухнуть ноги. Теперь уже по собственному желанию пошла к гинекологу. И не раз. И как только она входит к врачихе, та берёт телефонную трубку и без остановки разговаривает, а на неприятный вопрос о распухших ногах отвечает в трубку, мол, в следующий раз. В последний следующий раз на распухших ногах она добралась до «Рамбама» в Хайфе. Там её освободили от мёртво-

го ребёнка. По поводу случившегося меня вызвали на далёкий север из глубинки, где я работал и поэтому редко бывал дома. Когда вошёл в её палату, увидел, что ей стало легче, она расцвела. Поэтому мне было труднее выговорить моё предложение, с которым ехал. Я понял, что убивали моих любимых, чтобы выдавить меня отсюда, как выдавили тысячи, не пришедшихся к скотскому двору.

На моё предложение Любимая возразила большой улыбкой: «Мы остаёмся».

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

31.7.2006

Разослал по адресам кэгэбэшни.

Рассказ 22

И вот ещё один, который хочет встать рядом с великими евреями и рядом с Любимой и Нехамелэ, – обещанной домашней заготовкой.

От атаки арабов временно спасёт прогрессивное человечество.

В четвёртом поколении чувство национальной вины исчезает даже у ставшего прогрессивным человечества, как исчезает в четвёртом поколении память о прадедах евреях. Поэтому прогрессивное человечество без всякого чувства вины сдаст не помнящих родства, чем отсрочит собственный аншлюс к халифату.

От «Атаки Бабеля» нет спасения даже временного.

Атака за убийства евреев по всем патентам человечества.

И по израильскому патенту – «дело».

«Дело» – что хвост человека.

Тянуть годами, чтобы смерть была милее жизни.

Дёргать и задёргать до смерти.

И если не умер, то тащить и потом немного отпустить, чтобы запуганный и обессиленный опустился на четвереньки.

Как-то, добрался до папки моего «дела», которое состряпала прокуратура, нашёл её пустой. Попросил копию хоть чего-то по делу, а прокуратура – даст только моей защите, которая состряпала заключение меня в психушку.

В суде состряпали протокол: <...>«но параграф 192 вышеупомянутого закона включает в определение преступления угроз также угрозы покушения, как было сказано, их слышащего или другого человека с намерением напугать его или дразнить. В деле № 2038/04 <...>, которое ещё не публиковалось, обсуждается дело об угрозах в отношении одного человека в присутствии другого человека. В решении суд подчёркивает то, что, согласно закону, не требуется «отношения к делу» между тем, кто слушал угрозу, и объектом угрозы (параграф 15 постановления). Вместе с этим, было подчёркнуто там, что существование связи между слышавшим угрозу и объектом угрозы может поддержать вывод, что это высказывание квалифицируется как угроза уголовная в отношении слышавшего, поскольку есть в этом основание для вывода, что угрожавший действительно намеревался запугать слышавшего угрозу и поэтому в нём осуществилось необходимое психологическое основание намерения запугать или дразнить»<...>

Не слабо.

И совсем не слабо: «В деле № 2038/04, которое ещё не публиковалось».

А ведь уже полтора года закрыто следственное дело по причине отсутствия вины, но полиция не сообщила мне об этом.

Кэгэбэшняя ощетинилась: не удалось покушение пока – так замучить судами, тюрьмами, психушками.

Ещё доказательство о кэгэбэшне даже без доказательств об убийствах!

Перед решающим ходом домашней заготовки, позиция выглядит отлично: сделаны книги, о которых и не мечтал в самых радужных снах.

А-а, товарищ кэгэбэ, сделаем ещё одну книгу в назидание евреям о твоей не-вечности – только до 2018 года.

А певец земли еврейской останется в своих книгах и после тебя.

Ведь рукописи не сгорают...

И пока стряпают, дёргать товарища кэгэбэ верёвкой книжных строк. Перебросить её через добрый сук, на одном конце верёвки повязать огромную петлицу, на горло всех «бреннеров», а в другой конец вцепиться, как можно выше. Тело не перетянет, упившихся морем еврейской крови. Но беспредельно тяжёлая ненависть за убитых и убиваемых наполнит каждую мою клеточку. И поплывёт тело вниз, а петля вздёрнется и поплывёт вверх, вздымая чекистскую нечисть.

У еврея не может быть счастливого упоения вражьей кровью.

Всевышний разберётся с ними в 2018.

А тем временем дёргать книжной строкой, пока рука держит перо.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 23

А вот ещё пустячок.

Сегодня про каждого известно всё и не только вплоть до номера счёта в банке.

Даже известно, о чём каждый говорит.

Известно с помощью устарелой техники, когда бóльшая часть общества (а она всегда со всем согласная) стучит на меньшую часть общества (а она всегда совсем несогласная).

Известно и с помощью современной техники, в которой всегда слышно вдохновляющее эхо, чтобы было настоящее ощущение, будто говоришь не по телефону, а выступаешь со своей крамолой перед массами на площади в разрешённой полицией демонстрации, где записывается каждое историческое слово для потомков.

Одно остаётся неизвестно, что думает этот каждый. Ведь все знают, что это не одно и то же – что говорить и что думать.

Та кэгэбэшняя замахнулась на тысячу лет, осуществляла грандиозные проекты: соединяла моря с океанами, строила империю концентрационных лагерей для воспитания миллионов, которые будут думать то же, что и говорят.

И что из этого вышло?!

Эта кэгэбэшняя, на том примере, уже знает о своей недолговечности. У неё только одна забота: успеть вовремя унести ноги, ведь здесь скрывается будет некуда – ни высоких гор, ни дремучих лесов, кроме леса из тридцати фруктовых деревьев, которые я посадил под моими окнами на иерусалимской горке, чтобы было, куда уходить, когда придут братья, если дадут дожить до такого счастья.

Перевоспитывать некогда, да и лагеря без лесоповала – дороговато. Поэтому для кэгэбэшни без разницы – что говорится и что думается – был бы послужной список.

А у меня он замечательный.

За все годы хвалиться не стану, только за последние, да и то выборочно, чтобы не очень хвалиться.

Предобвальные будни:

15.3.1994 – послание проклятия Рабину на титульной странице книги "Мой Израиль".

1994 – книга "Мудаки".

2.10.1995 – участие в молитве возле дома Рабина по поводу "Пульса Денура".

12.1995 – письмо "Советским диктаторам".

31.3.1996 – первое приглашение в полицию. Не явился.

23.4.1996 – второе приглашение в полицию. Не явился.

5.5.1996 – индивидуальная антисоветская демонстрация, один из транспарантов: "Да здравствует дело маркса-энгельса, ленина-сталина, рабина-переса!"

6.5.1996 – третье приглашение в полицию. Не явился.

17.5.1996 – газета напечатала заявление полиции: "Человек вызван на расследование вследствие высказываний против государства. Если он не явится, полиция доставит его на расследование". Не явился. Не доставили.

Была хрущёвская оттепель? Как в той кэгэбэшне, когда признались, что кэгэбэшняя убивала.

Не будет такого.

Эта кэгэбэшняя, на том же примере, уже знает, что за оттепелью следует перестройка, а за перестройкой – развал державы, поэтому не будет ни первого, ни второго.

Но это не главная причина.

Главная причина той оттепели там – русским стало страшно за то, что они натворили своим родным русским.

Главная причина отсутствия даже намёка на оттепель здесь когда-нибудь – отсутствие страха у евреев за то, что они натворили евреям.

Не оттепель была, а какая-то слякоть, по которой основоположник не прошёл на выборах 1996. Но и слякоти больше не будет.

Очень опрометчиво тогда получилось со слякотью, по ней не дошли до меня и поэтому не доставили, что видно из последующего списка:

18.6.1996 – первая из многолетней серии демонстраций против завоза неевреев.

1996-2002 – жиденские, но частые демонстрации.

Поняли, что оплошали с доставкой. Больше слякоти не будет.

22.12.1997 – избиение в "Саду роз" возле кнессета.

2002 – книга "Прощай, Израиль... или Последняя утопия".

Демократия терпелива, но не беспредельно же.

6.7.2003 – покушение.

И нет, чтобы остановиться.

9.7.2003 – сдал в печать трилогию: "Мой Израиль", "Мудаки", "Прощай, Израиль... или Последняя утопия".

Ну, теперь бы сидеть тихо. Ан нет.

2004 – книга "Покушение".

2005 – книга "Суд".

2006 – эта книга "С закрытыми глазами, или Неповиновение".

Ну, хотя бы не насмехаться.

И не было покушения? А, товарищ кэгэбэ?

Ха-ха!

Как сказал один чекист на моём суде против государства об украденном другим чекистом у меня пистолете, – сказал, что я выдумал о покушении, чтобы привлечь внимание читателей.

Верно, читатель не знает меня и не читает всякого там – как называли меня кэгэбэшники в полиции? – "человека".

Но ты же знаешь мой послужной список и книги мои читаешь.

Если бы не знал и не читал, разве стал бы тащить меня к себе? Об этом есть в газете.

И разве стал бы бить меня? И об этом есть в газете.

За свидетелей были из твоих. Я уже назвал их имена. За фотографа был из твоих. За журналиста был из твоих.

А бил преступный мир?!

Ха-ха!

Я всегда говорил: чем больше шагов с тобой делаем, тем заметнее ты по походке.

А знаешь, читаешь, бьёшь, убиваешь – значит, уважаешь.

Но как можно уважать и не слушать телефоны?!

Не слушал?

Обижаешь.

Такой замечательный послужной список "человека"!

Моя гордость. Редко, кто похвалится таким.

Да кто тебе поверит?!

Ха-ха!

Про поцелуйчики слушаешь без разрешения, нарушаешь закон, совершая беззаконие.

А мою крамолу – без всякого нарушения закона, и без всякого на то разрешения, и без всякого на то моего возражения – не слушаешь?

Ха-ха!

Местный товарищ Вышинский сказал о тайных прослушиваниях, что в каждом деле могут быть допущены ошибки, которые изучаются и на основании которых делаются выводы, однако нельзя на этом основании отстранять следователей от дела, иначе мы придём к падению системы надзора за соблюдением законов, итогом станет делегитимация всей юридической системы.

И я за эту систему: систему ошибок, систему надзора, систему прослушивания. Только она помогает понять, что ты – слушаешь.

А ты не слушал телефоны убивавших меня?!

Не слушал телефоны убиваемого?!

Пил чай с малиной на Кинерете?!

Ха-ха-ха!

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 24

Щелчок.

Это Нехамелэ. Её рука всегда на моей кнопке. И моя рука всегда – на её кнопке. Вместе идём по строчкам. Это тоже её. Это как у выживших в Катастрофе – не надо пояснять друг другу ничего.

- Мишенька, а теперь вот эти строчки писателя В.Войновича:

«Дело № 34840 описывает реальный случай, происшедший в 1975 году, когда два сотрудника КГБ попытались меня отравить <...> Это было настоящее покушение <...> Уже тогда, в 75-м, я пытался доказать, что страна, в которой официальными органами применяются такие нечеловеческие методы воздействия на инакомыслящих, – опасна. Частично мне это удалось, но частично <...> Я вынудил КГБ к признанию сквозь зубы, что они описанное мной преступление совершили <...> Впрочем, я заметил, что это мало кого волнует <...> Сама история <...> ожидаемого эффекта не произвела, поскольку состояла из фактов, в которые одни просто не верили, другие верить боялись, третьи не хотели».

- Нехамелэ, смешно очень, что КГБ признал сквозь зубы и что Войнович сожалеет, что ему только частично удалось доказать. У него был рай по сравнению с этой кэгэбэшней! Покажи ему.

Щелчок.

Но не всё плохо, когда тебя убивают. Есть и хорошее. Плюнуть в рожу убийце. Безнаказанно – хуже уже не будет. Всё равно убивает убийца – нееврейское государство.

Из которого 21.01.2003 я уже давно вышел.

Из заявления об освобождении от гражданства:

<...>"До 37 лет жил в другом тоталитарном государстве. С тех пор 30 лет живу в этом тоталитарном государстве. Сейчас я хочу жить в Эрец-Исраэль. Между Страной и государством нет ничего общего. Поэтому можно считать Страну за границей относительно государства. Это соответствует процедуре выхода из гражданства. Итак, как житель за границы, прошу освободить меня от гражданства"<...>

Не освободили.

Но я вышел из государства, стал жителем Страны – моей книги "Мой Израиль".

И через полгода на меня, иностранца, – покушение государства.

Так тебе и поверили, товарищ кэгэбэ, что убивала мафия какая-нибудь. Это в прошлые времена было, что убивает тот, кто убивает или заказывает. А сегодня убивает не тот, кто убивает или заказывает, а тот, кто их слушает. Сегодня, кто слушает – тот и есть преступный мир.

А всякие мафии – части большой мафии: преступного мира.

Ты – преступный мир.

Для тебя, среди тысяч убитых, замученных до смерти – что какие-то убиваемые Михаэль и Нехамелэ?!

А она рядом со мной, и я рядом с ней, до нашей смерти. Только нажать кнопку.

Щелчок.

- Нехамелэ, нас, как всегда, слушает товарищ кэгэбэ.

- Мишенька, да.

- Нехамелэ, ведь это пустячок, что товарищ кэгэбэ убивает нас, – пустячок, по сравнению с тем, что уже наубивал.

- Мишенька, пустячок.

Щелчок.

И Любимая, с новым детективом на диване в салоне, подтвердит, что нечего носиться с этим пустячком.

И любой серьёзный скажет, что мы живём в серьёзное время, а я – ну, это же совсем несерьёзно – о каком-то пустячке.

Который любой выполнит.

Мотоциклы, пистолеты, люди – везде всё есть.

Вот следователь, который не пришёл на суд – поцеловал или его поцеловали – не выполнит такой пустячок?

Я не подписываю его белиберду, и он собирается везти меня к судье, и мне тогда уже не отлучиться забрать мой пистолет из проходной в полиции – после судьи может быть и задержание. Поэтому я показываю ему розовую копию о сдаче пистолета при входе в полицейское отделение. Вместо того чтобы сказать спасибо порядочному человеку, дурак скрывает свою дурость, мол, всё равно узнал бы об этом через компьютер.

Значит, в жалобе кэгэбэшного агента не говорится об угрозе пистолетом. Так зачем красть?

И в кэгэбэшном суде надо мной есть бумаги о пистолете. А это зачем?

Таким образом, протаскивают пистолет в "дело".

В прежние, добрые времена, жизнь ворвалась в театр: оружие, которое висело в первом действии на стене, в третьем действии стреляло, возвещая справедливость и победу над злом. Как у американцев, у которых свобода – это оружие, а оружие – это свобода. В те времена были смешные и глупые карательные органы, которые целовали дамам ручки, водили под локоток в такой театр, не усмотрели ничего в висевшем на стене оружии, хлопали ушами, разглагольствовали о революционерах, вместо того чтобы их почирикать. И тогда те их почирикали.

Того, что было, больше не будет.

В эти новые, недобрые времена, театр ворвался в жизнь, в которой оружие превратилось в символ преступления. И в этой театральной жизни, если об

оружии много говорят, только чтобы все знали, что благодаря бдительности карательных органов оно не выстрелило, а носитель его – ещё и японский шпион.

Я не о том, что будет. Я о сегодняшнем.

Приехали с дураком к дежурному судье. Сказал ему, что полиции не подписываю. "Подпиши для меня", – попросил ласково. Такого у меня ещё не было, надо бы опробовать. От своих слов никогда не отказывался, да ещё от своей генеральной линии: "Смерть кэгэбэшникам!" Поигрался в неподписанта, теперь интереснее поиграться в подписанта. Думал, будет какая-то бумага от судьи, а дурак подsunул свою. Тут я чуть было не дрогнул, но чтобы не было видно никакой робости, удовлетворил необычную просьбу. Только, добавил судье, чтобы этот вернул мне пистолет. "Да, да", – закивал судья мне и дураку.

Пистолет не вернули. А я пошёл в суд посмотреть, как это всё описал судья. А никак. Удивлённый, вернул секретарше сложенную пополам пустую картонку. Она пояснила, что такое бывает.

Подумал, что судья похож на крупноголового, который с третьего этажа навел на меня мотоцикл в покушении, – не выполнит пустячок?

А тут ещё. Жалуюсь во всесоюзный полицейский штаб, что дурак украл пистолет. Жалуюсь. Потом надоело жаловаться и обратился в суд, уже забыл, что жаловался, и вдруг новость по радио, что тот, кому жаловался, не только поцеловал, но и трахнул. И он не выполнит пустячок?

И ещё. Дурак украл пистолет – 5.12.2002. Я открыл в суде дело об украденном пистолете – 9.02.2003. Через восемь дней после этого чиновник министерства внутренних дел объявил письмом о реквизиции пистолета, об отмене права на пистолет. На письме две надписи: срочное, заказное, а брошено в почтовый ящик у дома. Чиновник провернул такое – не выполнит пустячок?

У кэгэбэшни только одно отличие от мафии – прикрывается законом, которым уничтожает. В этом смысле подчинённые мафии честнее.

И я открыл серию демонстраций по часу в день с транспарантом "Полиция – жулики и бандиты". Стоял на углу перекрёстка, за спиной полицейское отделение, в котором украли, в центре перекрёстка огромная клумба, которую объезжают. Машины гудят, а некоторые объезжают клумбу не раз посмотреть на такое чучело. А в некоторых полицейских машинах поднимали большой палец, но не высоко, у сиденья и подмигивали.

Через несколько дней дурак увёл меня с площади внутрь здания. Сидевшие в комнатах не хотели, чтобы я стоял у них над душой и гнали его и меня.

За такое издевательство я разделил часовую демонстрацию на две: на прежнем месте и на новом – возле всесоюзного штаба полиции. Перекрёсток там просторный, но тихий, редкий араб его переходит, машина тоже редкая – арабская или полицейская. В одной машине, не арабской и не полицейской, пять ряшек в гражданском – знакомые ещё по той кэгэбэшне – тяжело выворачивали толстые шеи, когда объезжали меня, стоявшего в центре перекрёстка с транспарантом. Не выполняют пустячок?

Из будки вышел ещё один, автомат в мою сторону, предупредил, что я нарушаю безопасность этого места. Но не выстрелил. Не выполнит пустячок?

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 25

А вот свеженький анекдот из серии про карательные органы. Но если такой серии ещё нет, то будет. В кэгэбэшнях без анекдота не выжить. Если здесь будут выжившие, то только благодаря анекдоту.

К шести вечера идти от Бар-Илана в Санхедрию-Мурхевет, перейти перекрёсток, прямо по улице, второй поворот направо, с левой стороны дом, в середине – проход на другую его сторону, там направо, вход в подъезд, первый пролёт – шесть ступенек, второй пролёт – двенадцать ступенек, дверь, вход свободный, посреди комнаты стол, по обеим сторонам стола сидят люди, во главе стола рав, ведущий урок, за дальним рядом людей ещё один сидит в кресле, протянуть ему руку: "Здравствуй, Сёма Дворкин".

Но это ещё не анекдот.

Когда я рассказываю анекдот, что если трое учат Тору, то один из карательных органов, – то это тоже ещё не анекдот. Меня всегда поправляют, что если двое учат Тору, то всегда один из карательных органов.

Вот теперь это стало анекдотом.

Но он с бородой, хоть никому и не рассказывал, что меня так поправляют.

А свежий анекдот – про это кресло: теперь тот, кто сидит в кресле, уже не может не приходить на уроки Торы до конца жизни, не может пересесть на другое место, а может только оберегать кресло, чтобы не сломалось. А на вопрос вошедшего про автора анекдотов, должен вертеть пальцем возле виска.

Вот такой анекдот.

Да и анекдот, в котором можно участвовать, – такого никогда ещё не было.

В той кэгэбэшне, чтобы выжить, спасались анекдотами о карательных органах. Кто-то пострадал, но кто-то выжил.

А те, кто думали выжить без анекдотов, не выжили. Все они потеряли человеческий облик.

А в этой кэгэбэшне человеческий облик не теряется не потому, что нет анекдотов.

То, чего нет вообще, не теряется.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Последние рассказы составили жалобу на государство кэгэбэ и на суд кэгэбэ.

Рассказ 26

Теперь поединок "Нехамелэ – кэгэбэ". Из огромной книги её жизни. Блестящая домашняя заготовка. Многолетнее убивание, многочисленные раны – доказательство её победы.

«В июле 1973 года, вскоре после приезда в страну, у меня началось обострение астмы. Я поехала в «Хадассу», но меня не приняли, и пришлось поехать в "Бикур Холим". Там меня поместили в отдельную маленькую комнатку. Стар-

шая медсестра сказала, что мест нет, и здесь мне будет спокойнее. Но места были, как я узнала позже.

Пришел профессор, который очень хвастался тем, что служил когда-то в советской армии. Сразу же началось «лечение»: страшные дозы гидрокортизона. Вскоре я совсем ослабела, почти не могла говорить, еле поднималась с кровати, волосы выпадали клоками и огромными прядями. Лицо раздулось, сильное постоянное сердцебиение, депрессия, нервозность, отсутствие сна и от этого полная прострация и напряжение всех сил организма. В больницу часто приходили евреи из Меа Шеарим навесить больных. Один из них, рабби Вайс, сказал зло: «Ты должна уйти отсюда, здесь ты погибнешь. Этот профессор и все эти врачи...» Он считал их безбожниками.

А я доходила с каждым днем и даже с каждым часом. В обеих руках одновременно круглосуточно стояло по капельнице. Такого со мной никогда не было: в России капельницу ставили раз в день на короткое время. И никогда не вливали такие огромные дозы гидрокортизона. Я умирала. И понимала это. Профессор и другие врачи уверяли, что все хорошо и иначе нельзя.

Дверь «палаты», которая была далеко от всех прочих палат, с самого начала завесили плотной синей тканью, чтобы из коридора ничего не было видно, и держали ее закрытой. Мне хотелось видеть людей, но если я доползала до двери и открывала, то ее опять закрывали.

От постоянных капельниц мои руки были исколоты, всё в синяках и в кровоподтёках. Вены трудно было найти и они легко рвались. Боль в венах и в руках была очень сильная. Сильные судороги в ногах и руках. Ела с трудом, иголки капельниц не давали согнуть руки. Дни и ночи без сна от огромной дозы лекарства – казалось, что я сошла с ума. Временами сознание мутилось, хотелось убежать.

Мучил страх – убивают, и никто не слышит. Однажды, как это уже случилось раньше, вены порвались и гидрокортизон пошел под кожу. Боль в раздувшейся руке была непереносима, и я вынула иглу из руки. Пришел молодой дежурный врач и стал заново вкалывать иглу, не обращая внимания на мои протесты. Он усмехнулся жестокой и равнодушной улыбкой, крепко схватил мою руку и стал колоть. Не найдя вены, колот прямо в мясо, в кость, не смущаясь, что простыня и одеяло были забрызганы кровью, а рука стала живой раной.

Мой жених, сидевший рядом, сказал: «Ты же видишь, ей очень больно, не надо столько кортизона, она умирает от него». Врач закричал: «Ты хочешь, чтобы она умерла от недостатка гормонов в организме?! Ты хочешь убить её?!» И хотя видел, что лекарство вместо вены идет под кожу, насильно вколол иглу, несмотря на моё сопротивление.

Как только он вышел за дверь, я вынула иголку и сказала жениху: «Забери меня отсюда. Около месяца меня убивали и почти убили, а если умру – умру дома». Я переделалась. Схватила бумагу, находящуюся с внешней стороны постели, где каждый день записывается состояние больного и все лекарства, принимаемые им, и положила за пазуху, опасаясь, что могут обыскать. И, опираясь на его руку, вышла в коридор.

Увидев меня одетой, врачи и медсестры закричали: «Ты должна вернуться! Ты умрешь!» Я сказала твердо: «Ни за что! Я иду домой!» Прибежал профес-

сор, которого вызвали по телефону: «Вы никуда не пойдете! Немедленно в палату!» Но я ответила: «Нет, я иду домой!»

Тут началась суматоха. А я начала терять сознание. Вся свора помчалась в палату и перевернула всё, даже под матрас заглянули, но не нашли взятую мною бумагу. Прибежали назад: «Где бумага?!» Я ответила: «Не знаю». Свора в один голос: «Не может быть! Вы оба несете ответственность за нее. Не отдадите – не уйдёте отсюда!» Мне было плохо, надо было хотя бы попить воды, кроме того, нельзя резко обрывать гидрокортизон – могут перестать работать почки и надпочечники.

Жених требовал выписку, но свора стояла на том, что без этой бумажки я не уйду. Теперь мы поняли, как важна была эта бумажка.

Тут пришли ещё двое и стали угрожать: отсюда нельзя ничего выносить. Жених пообещал им устроить такой балаган, что костей не соберут. Тогда эти двое позвонили кому-то и, посоветовавшись с этим неизвестным, попытались вырвать меня из рук жениха, но не сумели.

На шум пришел человек чекистской выправки: «Что тут происходит?» Ему объяснили. Он, смерив нас жёстким взглядом, прежде всего, жениха, стоявшего с поднятым тяжёлым стулом, которым был готов перебить их всех, сказал: «Отдайте им, пусть идут, она всё равно умрет, приползут ещё на коленях проситься обратно, да мы не возьмём».

И дали выписку. Уже дома, сверив бумажки, увидели, что они не совпадают. В бумаге, висевшей на кровати, было гораздо большее количество кортизона и прочих лекарств, чем в выписке. Но и это, гораздо большее количество, могло быть заниженным.

Вскоре я попала к доктору Моше Гольдгреберу. Он долго и со страхом вглядывался в бумагу, которую я украла, а потом, серьёзно посмотрев на меня, сказал: «Это ошибка. Человек, тем более, такой хрупкий и больной, как ты, не может вынести такой дозы. Этого просто не может быть».

И повторил: «Это очень страшно. Кто мог сделать такое?! В Израиле?!» Он просил рассказать, как было дело. И я весело говорила, как украла бумагу и как свора бегала и искала её. И про капельницы в обеих руках. Он слушал и не понимал. Потом гневно сказал, что это было убийство.

Вскоре к нему пришли двое в штатском и стали расспрашивать обо мне, о которой им всё было известно. Хотели вовлечь доктора в убийство. Они представились родственниками. Но он знал, что у меня никаких родственников нет, и отказался разговаривать с ними...

С конца ноября 1973 по март 1974 у меня вдруг стали сильно болеть все зубы. Это было ненормально. Наконец поехала в больничную кассу к зубному. Наглая женщина-врач сразу сказала, что надо вырвать почти все зубы. Затем вошла врач из России, которая предложила сделать рентген. Снимок сделали, но его быстро унесли. А мне сделали какой-то сильнодействующий укол и стали рвать сразу три коренных зуба. Когда только немного вытащили, врач из России вернулась и, глядя на это, промолвила, что на снимке зубы здоровые. Но та, что тащила, сказала со смехом: «Уже поздно! Ничего! Будет протезы носить!» И продолжила вырывать дальше.

Я плохо понимала, что происходит и не помнила, как очутилась в автобусе. И дойдя до дома, просто свалилась на пол в ознобе с высокой температурой.

На следующий день я и жених поехали туда. Та, что вырвала мои зубы, несколько не смутилась, сказала, что снимков никто не делал, зубы мои никто здесь не удалял, эта врач из России здесь никогда не работала и меня она вообще видит впервые. Пожилая медсестра, видевшая вчера, что они со мной сделали, сказала нам в коридоре шёпотом на идиш, что никогда не видела ничего подобного.

Через два года я пошла к частному зубному врачу, бывшему москвичу, который удивился, глядя на шрамы, оставшиеся на месте, где вырвали зубы. Спросил, как это случилось. Выслушав мой рассказ, он долго не мог опомниться и сказал, что подобного никогда не видел...

В 1974 году три раза я чуть не попала под машину, хотя никогда не перебежала дорогу перед идущей машиной. Один раз, в Старом Городе, спокойно переходила дорогу. Машин не было. Вдруг, откуда ни возьмись, выскочила машина и на большой скорости поехала прямо на меня. Я успела заскочить за массивную почтовую тумбу на тротуаре, оставшуюся со времён британского мандата, а машина врезалась в неё. Из-под крышки мотора повалил дым. Шофер выскочил со сжатыми кулаками и закричал мне: «В следующий раз убью!» Я бросилась бежать...

Мне хотелось пойти учиться или работать. В Сохнуте мне сказали, что нужно знать состояние моего здоровья и дали направление к врачу. Врач, заперев дверь на ключ, приказал мне снять всю одежду и сказал, что надо сделать прививки. Но я, помня, что он запер дверь, сняла с себя только одежду до пояса. Было холодно, он долго разговаривал по телефону, и я накинула на плечи свитер. Внезапно он вошел и, подскочив ко мне, рывком попытался сорвать с меня свитер. Я испугалась, решила, что он не врач, а насильник, и ударила его ботинком в пах. Он упал, а я бросилась к двери, кое-как накидывая на себя свитер и куртку. Но ключ от двери был в его кармане. Я вытащила ключ, открыла дверь и убежала...

Осенью 1975 года я была беременна. Сразу ушла от врача, которая стала выписывать ненужные мне лекарства, и попала к Лилиан Глезер. Всё было хорошо, но вдруг она сказала, что ребёнок не получает питания и надо сделать анализ. В больничной кассе мне не дали направления. Глезер воспользовалась этим и пригласила меня в свою больницу «Мисгав Ладах». А там пыталась убедить меня сделать искусственные роды. Я знала, что восьмимесячные дети часто умирают, и не поддавалась на ее настойчивые уговоры.

Муж решил, что Глезер просто хочет деньги и пообещал ей, что я буду рожать у неё. Но она сказала, что в деньгах не нуждается, а жалеет меня: надо только ещё сделать анализ, чтобы окончательно определить, может, ошиблись они в прошлый раз и ребёнок не умирает.

Сдали всё для анализа и пришли к ней. Встретила нас приветливо: всё хорошо, а результат прошлого анализа был ошибочным. Ехали домой автобусом. А у дома нас встретила посланница от Глезер, приехавшая на машине: завтра с утра срочно к врачу, обнаружили что-то ужасное. На вопрос, когда обнаружили, ответа не было. Глезер послала ее как раз тогда, когда мы от нее вышли.

После ужасной ночи, пришли к Глезер, но её ещё не было. Дверь в кабинет была открыта, и мы зашли. На столе лежала моя история болезни. Открыли и прочли. На первых страницах Глезер писала придуманные ею мои болезни, будто бы угрожающие моему ребёнку и мне. А в конце находились подлинные анализы с хорошими результатами.

Вошла Глезер и, увидев, что мы читаем, не испугалась. "Такие печальные дела", – сказала.

Муж встал, запер дверь, прижал ее в углу, подальше от двери, и ударил по лицу, так что у нее перекошилось лицо. Она, обращаясь ко мне, молила отпустить её, но он её так сжал, что кости захрустели, а потом стал душить, говоря: «Скажи, сука, кто тебе приказал это сделать!» Она еле слышно сказала, что не может сказать. Но поняла, сильный и бешеный в ярости человек может её прикончить, и прохрипела: «Что же вы не понимаете, что я не могу сказать?! Ведь меня же убьют за это!»

Я забрала мой анализ и показала доктору Моше. Он всегда был рад меня видеть. Доктор Моше смотрел на направление, где было сказано, что ребёнок не получает питания из плаценты, и его надо срочно вытащить. Долго смотрел на бумажку. Потом встал (так всегда делал, когда чего-то не понимал и волновался) и, глядя прямо мне в глаза, сказал: «Я в этом ничего не понимаю, это не моя специальность, но уверен, что всё в порядке».

Однако мы спросили, не знает ли он хорошего гинеколога. Он назвал фамилию профессора, но тот был в отъезде и нас послали к другому врачу – Яффе. Яффе сказал мужу выйти из кабинета, а мне лечь на кресло, и полез вовнутрь. Сделал так больно, что я закричала. Ребенок в животе страшно толкнул меня ногами и я, задыхаясь от страха, вскочила. Муж ворвался в кабинет, а Яффе говорит: «Всё хорошо, у тебя будут лёгкие роды». Пока муж пытался понять, что случилось, Яффе, сбросив окровавленную перчатку, бросился бежать из кабинета.

Вышла оттуда и думаю, зачем он это сделал, ведь не лезут вовнутрь просто так перед самыми родами. Чувствую, кровь течёт между ног. Пошли в приёмный покой. Фельдшерница-американка Сандра, добродушно улыбаясь, сказала: «Доктор Яффе не мог этого сделать, за две недели до родов – кто делает такие вещи? Кровь остановится».

Весь следующий день мне было жутко. Кровь остановилась и больше мы никуда не ходили.

Схватки начались ночью, и муж вышел на улицу поискать какую-нибудь попутную машину. И вдруг, откуда ни возьмись, сразу подъезжает машина и предлагает везти нас в «Хадассу». Хотя всегда ночью пусто и темно на этой улице и нет машин.

Муж остался со мной. Только теперь, слишком поздно, мы поняли всё. Мне предлагали уколы, но я отказывалась. Ребёнок родился утром, на нем были видны следы работы «доктора» Яффе.

Акушерка, с чудными еврейскими глазами, была очень добра ко мне. Когда ребёнок вышел, она сказала с радостью: «Если у тебя была эрозия, то теперь ее нет».

Я была поражена – эрозия была когда-то в России, и я о ней давно забыла. Как она может говорить о том, чего нет? Как она может говорить о том, что было известно только КГБ в России и не известно в этом государстве? КГБ в России всегда собирал полную информацию о диссидентах. И передал местному КГБ!! Не министерству же здравоохранения передавать!

Акушерка взглянула на меня, её лицо стало красным, глаза наполнились слезами. Она тут же отошла и стала заниматься моим ребенком. Потом открыла мою медицинскую карту, тщетно ища запись про эрозию, о которой она должна была сказать мне и посоветовать лечиться. Но, наверное, поняла, что ей отвели какую-то роль в нечистом деле, и теперь ей было стыдно повернуться ко мне. Недалеко стоял врач родильного отделения и смотрел на неё. Тут зашел врач-сабра и, посмотрев на моего ребенка, промолвил: «Капут!» Акушерка, взглянув на него с большим удивлением, переспросила: «Что?!» Но он вышел...

Вечером того дня дежурил "доктор" Яффе. Я подошла к нему и спросила: «Ты меня не помнишь? Ты обещал мне лёгкие роды. Так оно и было». Он вдруг вспомнил и стал пятиться назад спиной. А я за ним: «Ты Б-га боишься?» – спрашиваю и хочу ударить, но понимаю, что нельзя. Жизнь наша висит на волоске. А он – бегом по коридору. Больше его никогда не видела...

Через месяц мы пришли показать ребенка профессору-педиатру. Тот же врач-сабра, который подходил к акушерке, подошел к ребенку и опять сказал: «Капут!» Но профессор, американский еврей, посмотрел на него с удивлением и сказал, что он несет чушь и попросил его удалиться...

Квартира напротив нас долгое время пустовала. Вдруг в ней стал появляться изредка какой-то тип, который никогда не оставался ночевать. Он терпеливо сидел на ступеньках лестницы, поджидая прихода мужа. А увидя его, приглашал к себе или пытался войти к нам. У него ничего не вышло и он исчез. Потом раз в месяц на несколько часов в ту квартиру приходил другой тип. Позже в квартире поселилась семейная пара христиан, которые назойливо пытались завязать с нами отношения. Они лезли к нам и в субботу, прося починить что-нибудь. По десять раз в день они громко пели христианские гимны. Сначала это было просто неприятно, но вскоре мы почувствовали, что заболеваем от этого пения. У меня снова открылась астма. У мужа вдруг начались боли в коленях и в сердце, хотя он никогда ничем не болел. Эти боли, из-за которых он вынужден был лежать, мучили его только дома. Мое самочувствие становилось день ото дня все хуже. Это не было просто пение, оно вырабатывало рефлекс. Как у собаки Павлова. Как только отрицательный рефлекс от этого пения срабатывал, начиналось внушение болезни. Я вынуждена была пойти к районному врачу Лейзеровской, которая встретила меня словами: «Я знала, что вы придёте». Её слова показались мне странными. Когда-то я ее спросила: "Вы в лагере в России работали?" Ответила: "Да, было такое". Лейзеровская сказала, что я должна придти к ней в тубдиспансер, где она была временной заведующей.

И вот утром она ведёт меня на рентген и после этого велит придти к ней вечером. Вечером говорит мне, что у меня страшный туберкулёз чуть ли не в последней стадии и почти не поддающаяся лечению пневмония. Дала тяжёлые антибиотики, и от одной таблетки сразу начались сильные судороги. Кроме того, сказала немедленно лечиться в «Хадассу» на лечение. Вскоре появляется по-

сланец от нее: нельзя кормить ребенка грудью. И протягивает маску. Ночь была страшная.

Еду в больницу рано утром. Понимаю, что еду на смерть, и всё же еду. Прощаюсь с шестинедельным ребёнком. Муж плачет, стоит в дверях в талите и тфилин, с ребёнком на руках. Всему конец, думаю я. И плачу, целую ребёнка...

Села в автобус и вдруг почувствовала, что кто-то смотрит на меня. Подняла глаза – уголовного типа горилла и еще горилла в конце автобуса. Поняла, что сопровождают.

В «Хадассе» забастовка медсестёр, и я пошла в кабинет доктора Моше. Как я могла верить этой негодяйке Лейзеровской?! Всегда давала мне неправильные лекарства и лошадиными дозами, если надо по капле. Доктор Моше просил не ходить к ней и вообще к русским: «Откуда у тебя столько врагов?! Почему они так тебя ненавидят?!» А вот поверила ей...

Бандиты шли за мной, но остались в коридоре, когда я зашла к Моше.

Он встретил радостно, но увидев мое лицо и услышав моё дыхание, сник. Рассказываю, что случилось. Слушает лёгкие, молча берёт за руку и ведёт на рентген. Денег у меня нет и Моше платит свои. Берёт снимок, подводит к окну за руку. «Ты мне веришь? Только для тебя сделал. Я-то всегда знаю, больна ты или нет. Я знал, что ты не больна. Нет туберкулеза, нет пневмонии. А эта «врач»...» Он махнул рукой и повёл меня в свой кабинет.

Показала ему антибиотики, что Лейзеровская дала. Я успела принять две таблетки. Он с гневом выбросил их в урну. Затем пошёл к столу и стал читать данное ею направление "умирающей женщине" в больницу. Чем больше он читал, пытаясь понять, тем больше багровело его лицо. В конце концов, разорвал направление и выбросил в урну. Сел, долго смотрел на меня, потом проговорил: «Ты мне не веришь. А я ведь украл твою историю болезни в 74 году и сказал тебе: у меня есть тысяча больных, я за всех отвечаю. Я же сказал, чтобы ты приходила со всеми болезнями ко мне».

Я не знала, что сказать. Просто не решалась его беспокоить каждый раз и боялась, что медсестра донесет на него, если я буду ходить без оплаты. Сказала ему об этом, а он вскинул голову: «Я никого не боюсь. Кроме Б-га. И хочу, чтобы ты верила мне. Я не только твой врач. Я твой друг». Потом долго молчали. Пациентов не было. Я сидела, не в силах уйти от его доброты. И от страха, что на улице что-нибудь опять случится. Он спросил: «Как ты себя сейчас чувствуешь? Я видел, как тебе было плохо, когда ты вошла». А мне было так хорошо, как будто ничего перед этим не было.

Он еще раз послушал лёгкие и сказал, что я должна идти домой – ребёнок ждет. Он меня заверил, что всё хорошо и что я должна всегда приходиться только к нему со всеми болезнями. Потрепал по плечу. На всякий случай сделал укол кортизона и посоветовал: “Держись подальше от этих русских, они плохие врачи, как и всё в России. И люди, видно, плохие”.

Это было в последний раз, больше мы не виделись, хотя в стране была ещё до конца декабря.

Я постеснялась попросить его поехать со мной до моего дома.

В коридоре бандитов не было. Поняла, что ждут внизу. Спустилась и увидела их там. Тут, на мое счастье, вышла большая группа людей, я втиснулась

внутри и с ними вышла к автобусу, который стоял на остановке. Бандиты видели меня, вошли в автобус, горилла усмехался. Я прошла вперед, он пошел за мной. Сел впереди меня, а другого послал к задней двери.

Поездка короткая. Я встала около шофера. Горилла сел почти рядом, наглая усмешка не сходила с его лица, открывая золотой зуб. Во мне бушевала дикая ярость и ненависть к чекистам за искалеченную жизнь и за моё бессилие. Я не утерпела и сказала: “Ну что, асафсуф, проиграли сегодня”. На мои слова, сказанные на иврите, он ответил отборным матом со словом "мать". Я так и думала, что не сдержится урка. И сказала: «Это твою мать и мать того в конце автобуса, и вашу общую мать – КГБ-Шинбет!» Сзади меня услышала тихое: «Готеню!» Это был шофёр. Урка встал и пошел ко мне, сунув руку в карман. Я вытащила небольшой кинжал: «Только попробуй!» Дал его муж на всякий случай.

Ехать на смерть и брать с собой кинжал! Кого убивать: убийц в белых халатах?!

Он опять сел, ругаясь.

Шофёр тронул меня за спину. Я обернулась: красивый еврей-еке, испуганное лицо, закрыв рот рукой, чтобы не видно было в зеркало, сказал: «Смотри в окно и скажи, где выходишь». Я так же, как он, почти не разжимая рта, ответила ему, где мне надо выйти. И, стоя спиной к шоферу, протянула ему руку, и он ее пожал. Сейчас мне выходить. Он еле слышно сказал: «Держись очень крепко! Желаю удачи!»

Бандиты встали, зная, что скоро моя остановка. Но автобус остановится раньше! Я вцепилась в стойку руками и ногами. Тут автобус внезапно и сильно затормозил и шофёр громко закричал: «Проклятые! Лезут под автобус!» Я чудом удержалась на ногах. Бандиты упали. Одновременно распахнулась дверь. Как только я преодолела силу, валившую меня с ног от резкого торможения, бросилась в открытую дверь. Дверь тут же закрылась, и автобус понёсся дальше.

Перелетела через дорогу, не оглядываясь. Увидела, что далеко, в конце улицы, автобус замедлил ход. На остановке бандиты выйдут и вернутся за мной. Подошла к подъезду и вдруг почувствовала, что ноги ватные. Я еще бежала через дорогу, а моя собака уже лаяла на балконе нашей квартиры на последнем этаже.

Муж вышел на балкон. Я крикнула: «Пусти вниз собаку!» Хотела знать, что в подъезде никого нет. Она скатилась вниз в одну минуту, стала лизать меня, но внезапно остановилась, принюхиваясь, и с оглушающим лаем выскочила на дорогу, чуть не попав под машину, приехавшую со стороны «Хадассы». Машина была странная, с темными стеклами. Никто из нее не вышел.

Тут пришли соседи, Нира и Шломо. И Нира сказала, что у меня совершенно белое лицо: «Может, вызвать скорую?» Я понимала, что надо бежать домой, еще несколько минут и бандиты будут здесь. Нира и Шломо довели меня до ступенек. И тут, откуда только силы взялись: наперегонки с собакой, которая теперь заливалась веселым лаем, взлетела на последний этаж.

Мы стояли на балконе, когда сюда прибежали горилла и его поделщик. Увидев, что меня нет, подошли к машине и говорили с кем-то, сидевшим внут-

ри. Нира и Шломо стояли перед подъездом. Бандиты подошли к ним. Нира крикнула: «Нехама, они спрашивают о тебе. Ты их знаешь?»

Я крикнула: «Они бандиты! Звони в полицию!»

Нира и Шломо пошли домой. Горилла поднял голову, свистнул разбойником и погрозил мне кулаком, крикнув по-русски: «Ты еще нам попадешься!» И для подтверждения сыпанул матом. Поскольку опять там была «мать», я ему повторила: «Это твою мать и вашу общую мать – КГБ-Шинбет!» Муж бросил в них цветочным горшком. Они тут же сели в машину с темными стеклами и уехали.

А шофёра я часто вспоминала и надеялась, что он не пострадал из-за меня. Красивый, с добрыми голубыми глазами, соломенными волосами, высокий и сильный. Настоящий еврей-еке...

Как-то была дома одна с ребёнком. К дому подлетел вертолёт и стал летать вверх и вниз, подлетал к моим окнам, лётчик грозно махал мне кулаком, открывал и закрывал рот, наверное, кричал что-то. Я испугалась, схватила ребенка и убежала с балкона. Закрывает балконную и кухонную двери, спустила жалюзи и убежала в спальню. А он уже с этой стороны. Обливаясь потом от страха, закрыла окно в спальне, спустила жалюзи и убежала в салон. Вертолёт сел на крышу, и лётчик стучал по крыше над салоном. Снова убежала в спальню. В щели жалюзи увидела сотни людей вокруг дома и на шоссе. Люди шумели, слышалось слово "террористы". Вся "операция" продолжалась полчаса, вертолёт улетел».

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 27

Закончил выставлять рассказ Нехамелэ в русском варианте, и пришлось сбежать по работе в промышленный район, в котором было покушение на меня. И на обратном пути с улицы Фарбештейн повернул направо на Канфей Нешерим к автобусной остановке. А на повороте слились машинные потоки в огромную пробку, в которой одна машина гудела, прорываясь к тротуару. К тротуару она прорвалась немного впереди меня. И открылась дверца напротив водителя. Предположить, что это кто-то из знакомых, – такое не пришло в голову. Водители не смотрят по сторонам в такой машинной неразберихе. А незнакомый не будет прорываться к тротуару, чтобы дать тремп. Но я немного наклонился, чтобы увидеть лицо водителя. Чужой и неприятный человек показывал руками вперёд, что означает всем понятное – предлагает тремп.

Было это первого января 2007 года.

Так хотели отпраздновать начало нового нееврейского года нееврейским способом в нееврейской стране её нееврейские хозяева. Хотели. А мне добавить к рассказу 22: "Концы от убийств "в тремпах" и "на тремпиадах"". Это не упущение моё – тысячи хитрых способов убийств не описать.

Когда почти шестьдесят лет назад евреи услышали, что в Минске грузовик задавил большого еврейского актёра Михоэлса, все евреи – а тогда ещё были евреи, которые думают только о еврейском счастье, а не о гойском, – так все евреи поняли, что убийца – КГБ. А почему передавали из уст в уста кэгэбэш-

ную "утку" про грузовик? Слухи рождает не жидкий голос запуганного свидетеля, который был или не был, а мощный рупор лжи, который донёс слух, что задавлен именно грузовиком, а не просто задавлен.

Грузовик потребовался, чтобы скрыть, что убитый был зверски изуродован.

Были ещё евреи, которые верили только евреям.

С Нехамелэ планировали подать её рассказ и этот рассказ в качестве нашей жалобы против власти кэгэбэ и карательной медицины кэгэбэ в государстве. Но этот рассказ надо было ещё дописывать, а оба вместе ещё и переводить. Но из-за важности материала Нехамелэ решил подать жалобу немедленно в русском варианте. 2.1.2007 разослал по известным адресам с припиской: "Спешу подать материал жалобы по-русски, потому что опасаясь, что хотят помешать мне опубликовать этот материал. Через несколько дней подам жалобу на иврите, как обычно".

Только начал выставлять рассказ Нехамелэ, случилось неожиданное.

Щелчок.

- Нехамелэ! – закричал.

- Мишенька! – она навсегда рядом со мной. – Только ты один поверишь в вертолёт.

- У этих бандитов есть и не такое оружие! – продолжал кричать, но кричать надо было не об этом. – Он жив! – кричал. – Он лежал в постели, а я начал целовать его руку, потом лицо, он крепко схватил мою ладонь, а я спрашивал его: "Ты помнишь Нехаму?" Он сжал губы, его глаза сузились, а в щёлках появились слёзы. Он не сказал ни слова, на приподнятой подушке голова откинулась в сторону, но он крепко сжимал мою ладонь. Ему 93 года! – кричал я.

- Он меня вспомнил? – голос Нехамелэ дрожал.

- Он не ответил, такая болезнь. Но я видел, как появились слёзы в его глазах.

- Он чудо! Последнее письмо от него было лет двенадцать назад. Он звал меня в страну и не понимал, почему я не могу вернуться.

- Теперь по порядку. Нашёл его телефон, позвонил, говорил с его женой. Она обрадовалась, что помнят те, кого он лечил, связала меня с их дочерью – она у родителей сейчас за главного.

А у дочери первое слово не "алё", а "шалом". Подумал, что это у неё от отца. Она меня и пригласила. Вот такая радость!

И я поехал к ним, вышел из автобуса на следующей остановке от нужной и позвонил ей выяснить, как идти, но запутался, и она пошла мне навстречу. Возбуждённо переговаривались по телефону, ожидая встречи. Она сказала, что в широченных брюках, а я был в шляпе по случаю ханукальных дней. И вот увидел её на другой стороне шоссе: широко вышагивает, рука с телефоном возле уха, устремлена вперёд. Закричал ей в телефон, что я напротив. Хотел сразу ринуться через шоссе к ней, чтобы она не начала переходить. Но пришлось обходить машину, так как проход между машинами, припаркованными к тротуару, был не передо мной, а между тем она вошла между машинами в проход, который оказался прямо перед ней. Тогда я побежал, не обращая внимания на машины, и первым добрался до середины шоссе, и она вернулась на тротуар.

Весёлые, шли мы к их дому. Я отвечал на те же вопросы, как в первый раз, когда позвонил её маме, а потом ей. Сейчас тоже сказал, что доктор спас. "От

кого спас?" – это она спросила осторожно. Как можно непринуждённо ответил: "От кэгэбэ". Она продолжала улыбаться, но уже немного в сторону от меня. Я только добавил для полной ясности, что кэгэбэ израильский.

Тут мы вошли к ним. К нашим улыбка прибавилась улыбка её матери. Я, радостный, суетился вокруг доктора, и один раз поймал недоверчивый взгляд дочери. Когда прощались, я попросил её написать несколько слов из биографии доктора, но не пояснил о желании поставить ему при его жизни памятник в книге. Договорились, что она позвонит, когда это приготовит, но уже знал, что мне сюда больше не зайти.

А она попросила, чтобы ты по электронной почте написала письмо. Это от недоверия. Продолжения не будет. Уходя, оставил им свои книги и эту незаконченную.

- Мишенька, спасибо.

- Нехамелэ, спасибо, что ты есть.

Щелчок.

Щелчок.

- Мишенька, я послала ей письмо, она ответила мне, и я тоже ответила ей. Вот они.

"19.12.06... Я очень благодарна твоему отцу, д-ру Моше Гольдгреберу, который трижды спас мою жизнь и жизнь моего ребенка... Уровень и глубина его доброты были поистине необыкновенными".

"22.12.06. Спасибо за твое письмо, наполненное добрыми словами. Можешь ли ты мне написать, что конкретно случилось, что нужно было спасти твою жизнь и твоего ребенка?.. я бы хотела прочесть, чтобы лучше понять намерения твои и Михаэля"...

"22.12.06... Он спас меня трижды, давая мне советы, противоположные советам других врачей, которые убивали меня. Я бы очень была тебе благодарна за его фотографию в память о том добре, что он для меня сделал"...

- Нехамелэ, эти хрустальные ступеньки к памятнику Моше ты высекла из своей души.

- Мишенька, а это из его последних писем.

"3.4.1987. Дорогая Нехама, я очень хорошо помню тебя, так как считал тебя очень важной пациенткой (в смысле медицинском). Потом ты исчезла, и я удивлялся, что произошло с тобой. Сейчас я пока не собираюсь ехать в Нью-Йорк. Поэтому, если ты хочешь увидеть меня, ты должна приехать сюда. В Иерусалим... Твой д-р М.Б. Гольдгребер".

"18.9.1988. Дорогая Нехама, большое спасибо за прекрасную открытку с Новым годом и приложенные к ней добрые пожелания... Когда ты думаешь посетить Иерусалим? Твой д-р М.Б. Гольдгребер".

"12.10.1989. Дорогая Нехама... Твоя история печальна... Ты не упомянула состояние своего здоровья... Иерусалим расширяется и становится еще более и более красивым... Твой д-р М.Б. Гольдгребер".

"1990. Дорогая Нехама... мы тоже желаем тебе и твоему сыну здоровья и счастья в наступающем году и во всех последующих годах. Не думаю, что я спас твою жизнь, как ты пишешь в письме, потому что мы думаем, что все,

*что происходит – это деяние Кадош Барух Гу, и мы только его посланцы...
Твой д-р М.Б. Гольдгребер".*

"3.10.1990. Дорогая Нехама! Я вижу, что идешь для нас – маме лошн. И поэтому желаю хорошего года и хороших всех следующих лет тебе и твоей семье и всему Кляль Исраэль... Твой д-р М.Б. Гольдгребер".

"23.12.1990. Дорогая Нехама! Большое спасибо за прекрасную открытку, присланную мне, и приложенные к ней сердечные пожелания на трёх языках... Твой д-р М.Б. Гольдгребер".

"28.4.1992. Дорогая Нехама, спасибо за твоё письмо и за приложенную к нему чашку для мёда. Это чудное произведение искусства, и мы будем пользоваться ею и вспоминать о тебе... Всего самого лучшего. Твой д-р М.Б. Гольдгребер".

- Нехамелэ, это Моше высек из своей души, а ты это сохранила и теперь это тоже твоё – эти хрустальные ступеньки к его памятнику.

Щелчок.

Потом я перевёл рассказ Нехамелэ на иврит. Копии писем доктора Моше лежали на столе. И я позвонил его дочери, что всё это могу передать им.

Она вежливо ответила:

- Михаэль, – сразу же отметил, что назвала меня по имени, – мы не заинтересованы.

Я знал, что не будет иначе.

- Всего хорошего, – тоже вежливо сказал и положил трубку.

Это главное достижение кэгэбэшни – большее, чем атомная бомба, которая уже никого не спасёт. Чтобы применить её, надо не уничтожать народ, а любить и беречь его солдат, хотя бы как Гарри Трумэн.

Теперь открытие памятника. Только вырублю ещё одну ступеньку к нему, не из хрусталя, это могут только Нехамелэ и Моше.

"Без оплаты работал врачом сорок два года в больнице на улице Маркус 17, во дворе которой живёт".

Поднял памятник ступенькой выше.

Щелчок.

- Нехамелэ, памятник доктору Моше при его жизни!

- Мишенька, никто лучше нас не сделает. Ты мне только скажи: за что убивали?

- Нехамелэ, мы очень любим этот вопрос. Ой, как любим! Когда нас спрашивают: "За что?" А за "что" – можно?

- Мишенька, только скажи.

- Нехамелэ, ты знаешь.

- Мишенька, что я им сделала? Ну, если бы хоть плюнула в одного из важных в 1973 году во время праздничного парада на трибуне, на которую мне дали входной билет, – ведь это за их подписью убивали. Так ничего же не было. За что жизнь изуродовали?

- Нехамелэ, ответ в твоей книге жизни.

Щелчок.

Из книги жизни Нехамелэ.

«Начиная с 1967г. я всегда открыто носила небольшой магендовид. В День пионеров, 19 мая 1970 года, зная, что в этот день там бывает много людей, я решила пойти на Красную площадь в платье с нашитым на него жёлтым магендовидом величиной в пятнадцать сантиметров. Пусть все увидят, как евреям плохо в России. Жёлтый магендовид на зеленом платье был хорошо виден. На площади действительно были большие толпы. И много иностранцев. Они обращали на меня внимание и просили сфотографироваться со мной. Иностранцы-евреи ещё и разговаривали со мной.

А к нам стали стягиваться серые крысы – чекисты в штатском, наблюдавшие за порядком. Всё ближе и ближе. Уже кольцом стоят вокруг. Один искусствовед в штатском потребовал: «Ваши документы!» Я ответила: «Не поднадзорная, документов не ношу с собой». Хотя паспорт был в сумке. Тут часть чекистов побежали совещаться. А оставшиеся оцепили меня кружком. Толпа большая. Русские не знают, в чем дело, но не сочувствуют. Военные, в частях которых на каждом шагу антиеврейские карикатуры с магендовидами, внутри которых свастика, громко осуждают сионистов-агрессоров. И народ, слушая их, прозревает.

Тут из толпы высунулся американец, сказал, что он корреспондент из Америки. Обратился ко мне на идиш: «Мейделе, можно тебя сниму?» «Аваде», – сказала. («Конечно».) Хотел спасти. Обратился на ломанном русском к какому-то начальнику за разрешением. Тот, хоть и повыше чином мельтешащих вокруг, но не знал, что делать. Американец опять спросил. Тот махнул рукой, разрешая. Меня фотографируют, щёлкают и фотоаппараты других иностранцев.

Серые крысы посоветались, и один подошел ко мне со змеиной улыбкой и сказал: «Можешь идти, попадешься – руки-ноги переломаем». (Вскоре здорово избили.) Этот американец спросил: «Что он сказал?» Перевела ему. Чекист не понимал идиш, но догадался и прошипел: «Не смейте разглашать». Успокоила его: «Всё же слышали, что вы сказали. Военной тайны нет».

Американец пошел меня проводить. И другие увязались, чтобы меня не арестовали. Жалко им меня было. Идем, разговариваем о житье-бытье евреев в России. И вдруг слышу: «Девушка!» – кричит какой-то человек, по лицу видно, что русский. Говорю ему: «Пошел вон, русская рожа!»

Спустились иностранцы со мной в метро и проехали несколько остановок.

Направилась я к Меиру Гельфанду, светлая ему память. Хороший человек был, сидел на Колыме за сионизм.

Долго ехала, меняя направление, пересаживаясь на автобусы. А потом петляла по дворам и перелезала через ограды. Наконец, пришла. Открывают мне дверь. И стоя еще в коридоре, слышу из комнаты, кто-то говорит: «Эх, ребята, какую я красавицу видел сейчас! С магендовидом желтым на Красной площади». Меир его спрашивает: «Что ж ты не подошел к ней?» Тот отвечает: «Я подошел, а она мне крикнула: «Пошел вон, русская рожа!» Все смеются, а мне страшно стыдно. Уже собралась уйти, но Меир вышел и позвал меня в комнату. А там стоял этот русский человек. Подошел ко мне с улыбкой: «Будем знакомы. Я – Виктор Федосеев. За «русскую рожу» не сержусь – понимаю положение евреев».

У Виктора была очень интересная биография. Вскоре я подружилась с ним и его женой Алей. Виктор был редактором еврейского журнала и переводчиком при контактах евреев с иностранными корреспондентами».

Щелчок.

- Мишенька, но это же было там!

- Нехамелэ, не имеет значения, где было. Но если бы только это – уже достаточно "за что?".

Щелчок.

«Этим же летом 1970 года я пошла в этом же платье с магендовидом на концерт еврейской певицы Анны Гузик в Москве. Сначала я хотела просто встать, чтобы евреи увидели магендовид и поняли, что сделали с еврейским народом в России. И поняли, что нельзя здесь оставаться. Но погас свет, и я не успела встать. На сцену вышла Гузик и спела весьма советскую песню. Меня это возмутило, я прошла к сцене и встала лицом к залу. Сначала зрители не поняли. Кто-то, наверное, даже решил, что так полагается по программе. Но тут несколько человек закричало: «Это провокация!», «Где милиция!», «Это сионисты!». В наступившей тишине все встали, чтобы лучше видеть, что происходит. Внезапно из задних рядов раздались аплодисменты, подхваченные в разных концах зала. В это время меня уже вели к дверям. Никто не сказал мне ни слова, но некоторые махали мне руками и посылали воздушные поцелуи.

На улице, не успела я пройти несколько шагов, как сзади из подъехавшей машины выскочили двое в штатском и потащили меня в машину. Но я сопротивлялась, и они начали меня бить. К ним подбежали еще двое. В конце концов, сильно избитую, меня затащили в машину. В КГБ какой-то начальник, глядя на следы побоев, сказал мне, чтобы я не смела идти к врачу и заявлять, что меня избивали сотрудники КГБ. Вернувшись домой, я пошла к врачу, который беспокоясь за кости и внутренние органы, послал меня на рентген. Все оказалось цело. Но заживало очень медленно. Долгое время, встречая меня на улице, знакомые поражались моему виду».

Щелчок.

- Нехамелэ, если дать полное избиение тебя там, то будет не слабее, чем убивали тебя здесь.

- Мишенька, там понятно, но здесь – за что?

- Нехамелэ, в той кэгэбэшне в наше время защищенность наша была бóльшая, чем у меня сейчас здесь. Учинят расправу надо мной самым естественным образом. И коротко объявят, что погиб в тремпе или на тремпиаде, и напомнят живым, что лучше ездить в автобусах. Никто не пикнет. А там даже многие тихие кричали бы – для собственной безопасности. А иностранные корреспонденты разослали бы по всему миру известие о расправе. Поэтому той кэгэбэшне было удобнее с неугодными расправляться руками этой кэгэбэшни: с помощью дружков, с помощью переводов по работе сюда, с помощью командировок сюда или по заданию оттуда товарищам по оружию здесь. Как у инквизиции было, так и у кэгэбэ – нет границ. Как у мафии, так и у кэгэбэ – нет границ. Они близнецы. Кто негоден для той кэгэбэшни – негоден и для этой кэгэбэшни. Поэтому с неугодными для той кэгэбэшни расправляется так же и

эта кэгэбэшняя. Не ломай себе голову "за что?". Теперь будет ещё и за то, что ты со мной, а я с тобой.

- Мишенька, это хорошо.

- Нехамелэ, это очень хорошо.

Щелчок.

- Нехамелэ, на жалобу, поданную 2.1.2007 по-русски, пришёл ответ из министерства внутренней безопасности. Там есть такие слова:

"Неясно, посланный тобой рассказ действительно происходил или говорится о произведении художественно-фантастическом <...> Если ты хочешь, чтобы твоим обращением занялись как жалобой в полиции, надо подать её официально в полицейское отделение жалобщику или жалобщице, относительно которых совершены уголовные преступления".

- Мишенька, смешнее не придумать. Жизнь интереснее любых фантазий. А мне смешно, как сказал твой редактор ивритского текста, что ты "наконец принёс то, от чего можно сойти с ума, а то носил пустячки – покушение, тюрьма, психушка".

- Нехамелэ, подал ту же жалобу на иврите в полицейское отделение.

И кроме всяких кэгэбэшных адресов, послал эти два рассказа ещё и твоей Фире. Хотелось показать ей то, о чём ты боялась рассказывать ей долгие годы. Она близкий тебе человек, и мне хотелось помочь тебе рассказать ей о происшедшем с тобой в Израиле.

- Мишенька! Первый муж её вернулся из лагерей, но она быстро потеряла его и осталась одна с ребёнком. Она была очень добра ко мне. Необыкновенной доброты и смелости человек. Очень многие прошли через её дом. Она с семьёй уехала одной из первых. Немного позже вырвалась и я, хотелось опять быть вхожей к ней, но, из-за происходящего со мной, держалась подальше, потому что знала, что она не поймёт. И об отъезде из Страны не сказала, а когда потом созванивались, о причине отъезда не говорили.

- Нехамелэ! Я знал, что она прочтёт сразу, поэтому быстро позвонил. Она рада, когда я звоню, и я рад знакомству с ней и её мужем. Сразу перешли к делу. "Ну разве такое бывает", – начала она с "вертолёта". Я не стал возражать. Такое же её отношение, наверное, и к моему рассказу. Немного помолчал, не спорил и начал рассказывать о твоём прекрасном отношении к ней. Ей было приятно слышать это, сказала, что не сомневалась в этом. Она рассказала, что вначале работала с новоприбывшими и слышала многочисленные признания, как любили горячо Страну, а потом разочаровались. По её мнению, это произошло и с тобой. А я догадываюсь, произошло и со мной, по её мнению. Она считает, что у государства имеются только отдельные недостатки. Эта формулировка защитников той кэгэбэшни ожила в этой у противников той кэгэбэшни в прошлом. Я спросил её, хочет ли она, чтобы я рассказал тебе о её мнении, она молчала, и я предложил сказать правду, но пообещал смягчить, и она согласилась. А ты ещё скажешь ей, что это правда, и Фира ещё будет за тебя.

Щелчок.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

27.3.2007

Разослал по адресам кэгэбэшни.

Рассказ 28

Любимая снова попала в больницу.

Обещал Любимой быть у неё в субботу.

Чекисты понимают, что обещание дано для книги.

Приближалась суббота, уже не доехать автобусом, а идти в такую даль, до города по Голде Меир и дальше по Бегину, а потом через весь город – два часа – какой смысл, если можно доехать.

А теперь надо торопиться на вечернюю субботнюю молитву.

Чекисты уже знали об этом. Им тоже надо торопиться.

После вечерней субботней трапезы я вышел или на шалом-захар, или...

Мой мобильный телефон постоянно включён в субботу и сейчас указывает, с точностью до одного метра, столик возле двери, на котором он находится, а не моё передвижение на местности.

И я пошёл по Вселенной.

Праздничная ночь! Завтра в Иерусалиме Шушан Пурим. По случаю середины месяца луна круглая без задирики, огромная и яркая. Она встречает меня, частицу Вселенной, прямо передо мной стелет царскую светлую дорогу, шагает со мной по Вселенной. Звёзды – искрящиеся глаза многочисленных стражников, следят за шагающей частицей Вселенной, весело подмигивают, бодрят, охраняют. Я не из закутка в кэгэбэшне, из которого одна дорога только на кладбище. Я из Вселенной, в которую вселён. И кладбище не конец. Я во Вселенной останусь вечно. А если это только кажется... И нет Тебя... Б-же, упаси... Только предположить... Прости, Г-споди... Только для сравнения... Г-споди... То что я проиграл в кэгэбэшнях? А если Ты есть! Сколько выиграл во Вселенной!

И кладбище не проигрыш, оно в беспроигрышной Вселенной.

...Вспоминал бывший любитель футбола и бывший футболист годы и матчи, победы и поражения, голы свои и чужие.

Знаменитый Пеле тащил от центра поля приклеенный к ноге мяч. Умный противник не нападал на него и не разрушал свою защиту, а строил на пути его продвижения многослойную защиту. В это время далеко сзади, за Пеле, знаменитый кривоногий Гаринча, который мог отспорить место футбольного божества у Пеле, но никогда не делал этого из любви к искусству, начал в ту же минуту, не глядя на своего кумира, как будто он хочет только порезвиться, набирать скорость по флангу в направлении к воротам противника. Пеле, улыбаясь защитникам противника и не глядя на своего кумира, откатил мяч направо в точку, где Гаринча превратился в экспресс и выстрелил, не глядя на ворота и на мяч, поймав который, захлебнулась счастливая сетка.

Для начала сто тысяч глоток вместе ахнули и...

Вот мой гол, задолго до Гаринчи, в матче команд пионерлагеря и ближайшей деревни. В центре поля кусты, к которым прорывались козы, но пастушки с криком отгоняли их. Все босоногие игроки топтались на штрафной площадке деревенских. Подался угловой. Мяч выбрал меня, голова вобралась в плечи, ноги спружинили и оттолкнулись от земли, тело легло по курсу на встречу с

опознанным летательным предметом, потом голова чуть дёрнулась вверх и вбок, мягко подрезая мяч в сторону ворот противника. Мяч чиркнул над верхней перекладиной ворот из срубленного молоденького деревца.

Молчали козы и пастушки, босоногие команды уставились на меня. С трибуны на траве донеслось: "Во, еврейчик даёт!"

Никогда не сожалел, что не стал звездой, которой предстояло на торжественном банкете в честь матча национальных сборных пить на брудершафт с самой Джиной Лолобриджидой. Ни о чём не сожалел в жизни вообще, кроме одного, что мяч чиркнул над верхней перекладиной ворот из срубленного молоденького деревца.

Всегда искал родную команду и родную национальную сборную. Всякие команды бывали, но не оказывалось там даже одного родного. И опять ни о чём не сожалел, только о незабитом голе. А родная национальная сборная оказалась похожей на баскетбольную "Макаби", и в ней ни одного родного. А я был в ней крайним правым.

И меня отчислили. И только тогда ко мне пришёл родной человек. Давно отчисленный. К нему никто не пришёл, когда его отчислили, но это не помешало ему прийти ко мне. И я пришёл к нему. Упал бы на колени и целовал его следы, если бы до них дотянуться. И не было сожаления, что так поздно. Не осталось даже единственного прежнего сожаления, что мяч чиркнул над верхней перекладиной ворот из срубленного молоденького деревца, – мечта о не состоявшемся, которая померкла перед состоявшимся родным человеком.

...Я спал в кресле возле Любимой и в ранние утренние часы открыл глаза. На её лице была кислородная маска, она тяжело дышала. Возле кислородного крана стояла медсестра отдела. После этого прошёл примерно час. Я встал проверить, как сидит маска на лице и какое давление кислорода. Увидел, что кислородный кран закрыт и шарик не "танцует". Голова и грудь жены тяжело поднимались и падали.

Побежал к медсестре, почти кричал в сонной тишине: "Ты закрыла кислородный кран!"

Она молчала, слова не проронила. Ждала от меня поступка, который суд квалифицирует, как хулиганский.

Рассказал дежурной за конторкой в коридоре, что сделала медсестра. Та посоветовала обратиться к старшей медсестре отдела.

Начал искать старшую, тут она и появилась. Рассказал и ей о случившемся и попросил принять мою жалобу. Её лицо выражало нежелание заниматься моим свидетельством.

В это время появился дежурный врач. Рассказал и ему о случившемся. Он пошёл в комнату медсестёр. А я спрашивал ещё кого-то, как мне подать жалобу в эти ранние часы. Подошёл ко мне дежурный врач, сказал, что он уже составил жалобу.

Письмо начальницы отдела обслуживания больного директору больницы: "В конце ухода по обслуживанию больной, медицинская сестра закрыла по ошибке кислородный кран вместо ингаляционного крана и немедленно с выходом из комнаты мужа, который показал ей на это, она возобновила подачу кислорода моментально".

Директор больницы: "Я извиняюсь за ошибку, которая, как сказано, исправлена и, как объяснено вам, не было в ней намерения подвергать опасности вашу жену. Происшествие расследовано и даны соответствующие указания".

Госконтролёр: "Ваше письмо мы перевели на обслуживание профессору <>, который проверит ваши претензии и ответит непосредственно вам".

Министер здоровья: "Группа обслуживания больного в отделе признаёт ошибку, которая сделана, когда кран кислорода был закрыт".

Та кэгэбэшняя признала, что убила миллионы. Признала и дела помельче, например, попытку отравить писателя Войновича.

Эта кэгэбэшняя не такая: не признала ни маленькое дельце, попытку убить Любимую, не признала и не признает, что убила тысячи.

А если попалась, называет убийства "ошибками". И защищает "ошибки" новыми убийствами.

А была не ошибка.

В ранние утренние часы больничной палаты я открыл глаза и увидел эту медсестру возле кислородного крана. Она застыла, не шевелилась. Мои открытые глаза она не видела, но раскладное кресло, на котором я спал, страшно скрипучее. Так она и стояла.

Я снова уснул и через час поднялся и подошёл к кислородному крану. Он был закрыт.

Нет, это не ошибка.

Я открыл кислород – установилось дыхание Любимой, начала успокаиваться.

Давно мучилась без кислорода.

Неделей раньше был вечер перед субботой. Темнело. Любимая дремала. Я сидел возле. На нашей половине палаты, возле двери, было тихо.

На второй половине, возле окна, было шумно. У соседки по палате были гости. Меня их шум не волновал, Любимая плохо слышит. Волновал меня свет. Две несильные лампы в потолке возле окна, предназначенные только для той половины палаты, уже горели, их свет не мешал, разделительная занавесь была почти до потолка. Но шумной кампании этого света будет мало, когда за окном станет темно. Они обязательно включают общий свет на всю палату.

Главными шумящими были молодая гостья соседки по палате, в юбке, короче которой бывает только пояс, и её муж с маленькой бородой из трёх тонких косичек, две по бокам и одна под губой. Просить у такой юбки и такой бороды?

Я сидел и ждал неизбежное. В палате темнело. У окна шумели без перерыва. Наступила суббота.

Короткая юбка зацокала весело на высоких и острых каблуках мимо нас к выключателю возле двери, и стало светло. Выключить свет можно, если он мешает больному. Я выключил и вернулся сидеть возле Любимой. У окна тоже стало тихо, как у нас около двери. Острые каблуки пошли снова, но уже не весело, а отсчитывая каждый шаг, готовые к бою. Снова стало светло.

Я сразу же поднялся, но играть в субботу в выключатель не мог. Вышел из палаты, подошёл к дежурной по коридору, спросил её, к кому обратиться с проблемой света. Сказала, что в шабат всё в руках людей охраны, а они сидят внизу.

С седьмого этажа пошёл вниз. Субботный лифт, по-моему, для больных. На мой стук в стеклянную дверь охраны выглянул русский человек. Рассказал ему о моей проблеме со светом. Он слушал меня и думал о своём, но сказал уверенно, что они этим займутся. И я поспешил пешком на свой седьмой этаж, чтобы успеть увидеть, как они этим займутся. На седьмом этаже было тихо, в палате горел яркий свет, который в шабат выглядит ярче, на той половине комнаты было шумно. Я покрутился сюда-туда, туда-сюда и пошёл вниз. На мой стук вышел другой русский. Сказал ему, что они обещали заняться. Он слушал меня и тоже думал о своём, но сказал тоже уверенно, что вот придёт начальник.

Я сел ждать в коридоре. Прошло время, и постучал в дверь. Из комнаты замахали руками, призывая к терпению. Сел ждать.

Вдруг в конце коридора появилась красавица южноамериканского карнавала, высокая, статная, грива до талии, шикарные бёдра обвешаны разным вооружением, голова, плечи, грудь в лентах и шнурках. Я к ней с нетерпением, а она ко мне с полным вниманием, что признал в ней начальство. Доложил ей быстро и чётко.

Она молча пошла к лифту, а я бросился к лестнице. Но как ни старался, а в широком проходе в палату встречала меня она. И не одна. Возле красавицы стоял сморчок, в гражданском и непонятной должности, немолодой и насупившийся. Ещё две медички были рядом. В проходе был выключатель. Я нажал на него и закрыл его спиной, что означало – только через меня.

В палате стало тихо и темно после яркого света. Передо мной в широком проходе стояли красавица и сморчок. У входа уже толпились арабы, хамула навещала своего из деревни в соседней палате, как они все там размещались – непостижимо, они молчали и только пялили глаза. Было тихо, и поэтому был слышен один возмущённый голос за спинами хамулы. Ещё один неизвестный, которого я никогда не видел в качестве посетителя за месяц моей жизни на этом этаже. А он, пригнувшись и подавшись вперёд, зажигал людей: требовал, чтобы меня оттащили от выключателя и хорошенько дали. Я поймал его глаза, чекистские, знакомые по той кэгэбэшне. В это время услышал, как сморчок шепчет красавице: "Вызови полицию! Вызови полицию!"

Прояснилось: "сморчок", "короткая юбка", "поджигатель" – такой порядок по их чекистским чинам.

Моё судебное "дело" перешло в руки красавицы.

Интересно, будет и её свидетельство.

Я не отводил глаз от красавицы. Она молча вышла в коридор, недовольный сморчок за ней. Толпа перед входом в палату рассосалась. Я стоял, прикрывая спиной выключатель. Вдруг увидел, что красавица и сморчок сидят за длинным столом для дежурных, который стоял напротив входа в палату, и смотрят на меня. Я долго стоял и, прикрывая выключатель, не мог смотреть на красавицу. Но вдруг увидел, что нет её. Чуть не заплакал, что нет моей красавицы.

В следующий субботний вечер, как обычно, сидел возле Любимой. Короткая юбка зацокала весело на высоких и острых каблуках ко мне. Как ни в чём не бывало, объявила, что её муж организывает кидуш в телевизионной комнате, в конце коридора, и пригласила меня. Говорить с ней не хотелось. Через короткое время снова пригласила.

Какое неуважение!

Так по дешёвке освятить себя?

Нет, отравление не выберу.

А карательную медицину!

...Любимая просила в следующую субботу не приезжать, побережь себя и я обещал.

Но уже вечером в субботу сожалел, что обещал, а после утренней молитвы пошёл к Любимой.

В субботу машины не идут сплошным потоком, как в будни. В субботу их движение похоже на автомобильные гонки в Монако, когда подтягиваются как бы нехотя к старту, выстраиваются плотно в несколько рядов, нетерпеливо газуют и на отмашку клетчатым флажком взрываются вперёд.

В субботу место старта у семафора. Растянувшиеся на шоссе машины собираются к семафору на долгий красный, потом на короткий жёлтый – внимание! и на зелёный – рвутся вперёд. Даже последняя не хочет отстать в бесшабашной субботней гонке до следующего семафора.

На этих монакских гонках встретится единственный зритель и любитель острых ощущений – когда ещё я буду в Монако?! – с чекистами, постоянными участниками гонок за мной.

Достать меня не проблема, только непринуждённо должно быть всё, как будто и не встречались.

Машины проносились волнами, шоссе гремело, напоминая будни, потом затихало по-субботному до следующей волны.

Природа радовала сердце, приближающийся город не радовал.

Взрывной машинный поток пронёсся, до следующего заезда было время, на шоссе наступила короткая суббота. Невысокий забор окаймлял узкий тротуар, за ним обрыв в просторную низину, всю в зелени.

В нескольких шагах передо мной бесшумно прижалась к тротуару неказистая машина.

В этом месте шоссе круто поворачивает и плавно входит в начало магистрали Иерусалим – Тель-Авив, и там тремпиада. А здесь машины не останавливаются, чтобы взять своих или дать тремп. Да и не стоят машины на этом повороте, опасно.

Кроме меня и машины – никого. Мне протискиваться между машиной и забором по узкому тротуару. Если наблюдать за мной со стороны, то покажется, что сел в машину. В которой окажусь не по своей воле. Или окажусь выброшенным за забор. Оказаться лежащим на тротуаре маловероятно – не пройдёт незамеченным для прибывающего скоро очередного машинного потока. И неказистой машине не уйти незаметно.

В то же мгновение прыгнул с тротуара, ринулся на шоссе и выскочил на противоположный тротуар, по нему быстро, быстро вышел к магистрали и пошёл в обратном направлении, в город.

А напротив неказистой машины резко обернулся на неё – мрачный водитель машины, высунувшись в окно, тупо, по-коровьи уставился на меня. А ведь было на что смотреть: две широченные панорамы – природа и город.

Ящерица, чтобы не привлекать к себе внимания, застывает в любом положении, даже с поднятой лапкой. Так и чекист застывает в том месте, и в том положении, и с тем взглядом, в котором его застают. Пойманный наблюдателем чекист не прячется, но стоит отвернуться от него на мгновение – и нет чекиста.

Вот такие они мастера. Ещё мастера убить. И вдруг задание не выполнили.

Есть оправдание: подлежащий уничтожению сделал непредвиденный ход.

Ход Всевышнего.

Я не виноват.

Сами виноваты, что дали пройти длинную дорогу, на которой ни одного свидетеля, и дойти до её конца, где есть тротуар на противоположной стороне шоссе. А если бы минутой раньше подоспели, то сделал бы непредвиденный ход только под колёса, потому что не было, куда переходить, не было спасительного тротуара на другой стороне. А только шоссе и гоночные машины на нём.

Естественное дорожное происшествие, о котором не успел бы подумать.

Было около часа дня, 3.3.2007.

Подождут.

Я ускорил шаг к Любимой.

Любимая спала, я сел на стул у её ног. Вскоре проснулась. Долго смотрела на меня.

- Ты плачешь? – спросила.

Я начал тереть ей подушечки за пальцами на ступнях. В блаженстве закрыла глаза.

Ещё вчера чекисты не верили молчанию с любимой, верили только молчанию с родной.

И не поверили бы в блаженство любимой и поверили бы только в блаженство родной, до подушечек которой мне не дотянуться руками, а чекисты дотянутся подглядеть – у компьютеров сегодня большие скрытые возможности.

Но сегодня молчать или не молчать с любимой или родной – уже не имеет значения.

Отныне чекисты не поверят не только книгам, не только молчаниям, не поверят и щекотаниям.

- Как доехал? – спросила Любимая в блаженстве.

- Шабес.

- А, да, да. Зачем мучаешься?

- Твой сын хотел, чтобы в субботу его мама не была одна. Это его заслуга, не моя.

- Мне лучше, завтра выписывают. Скоро умру.

- Я на прицеле. Кто из нас будет первым – неизвестно.

В ответ слабая ладонь её приподнялась на постели и выразительно упала.

Я гладил её, не выпуская.

- Езжай.

- Шабес.

- А, да, да. Потеряла ощущение времени. А вчера кто был?

- Твоя дочь.

- Но как она прошла столько?

- У тебя хорошие дети, а дети детей ещё лучше. Ты счастливая мать – счастлива даже со мной.

- Была счастлива.

- Сейчас счастлива со мной, – я снова взялся за подушечки.

- Езжай.

- Шабес. Поеду первым автобусом.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 29

Щелчок.

- Мишенька! С годовщиной переписки! Это из не отправленного в самом начале. Стеснялась, поэтому не послала.

"Уважаемый Михаэль! Говорят, что нельзя словами выразить боль. Однако у Вас это получилось. И боль эта такая пронзительная, что от неё никуда не скрыться. И ничем её не унять. Не знаю, с чего начать. Мне трудно собраться с мыслями после чтения Ваших книг, которые проглотила залпом. Нет слов, чтобы выразить то, что я чувствую. Одно скажу: ситуация, описанная Вами, нестерпима для еврейского сердца. У меня просто нет слов, чтобы выразить те чувства, которые вызвали во мне Ваши книги. Возможно, я, как никто другой, понимаю Вашу ситуацию. Потому что была в похожей".

- Нехамелэ! Некоторые, вернувшиеся с советской каторги, становились родными. Остальные их предали, или забыли, или боялись.

"Уважаемый Михаэль! Мне очень трудно высказать Вам свои чувства после чтения Ваших книг. Прошло много лет с тех пор, как я покинула Израиль, но я почти не встречала людей, с которыми можно было говорить на эти темы".

- Нехамелэ! Страх – это первое. А второе – это никого не интересует, Войнович прав. Это не интересует и его.

"Уважаемый Михаэль! Книги Ваши сломали ежедневную мою рутину и отбросили меня назад в страшное прошлое. Сказать, что я забыла его, не могу. Такое не забывают. Просто прячут вовнутрь, потому что невыносимо больно жить с этим каждый день. Но и оттуда, изнутри, это жжёт и тревожит, как незаживающая рана. Долго думала, что мне Вам написать, потому что трудно выразить в нескольких словах ту боль, которая сидит в сердце как заноза. Ничем её не вытащить. Воспоминания о прошлом, которые возбудили Ваши книги, ничем не заглушить. А они такие страшные и такие неправдоподобные. Все это сидит в моей душе много лет и не находит себе выхода. Рассказывать кому-то нет смысла – не поверят. Пробовала. Бессмысленно. Евреи хотят верить в хорошее о своём государстве. Так же, как верила я, живя в России".

- Нехамелэ! 23.3.2007 главная кэгэбэшная газета опубликовала воспоминания нерядового чекиста под заголовком "Государство шабака". Рассказал чекист-"герой" об их "работе": везде насадили только своих людей; всех неугодных изгнали отовсюду; всё государство опутали внедрёнными чекистами;

"сшили" дела на всех; провоцировали, шантажировали, запугивали... В той кэгэбэшне такие разоблачения сопровождали "перестройку". А в этой кэгэбэшне эти якобы разоблачения должны предотвратить перестройку: так было, так есть и так будет – все мы – кэгэбэ! И сегодня на всех постах "сидят" не левые, а кэгэбэшные! Не сказал "герой" про убийства и карательную медицину. Пока и без этого будет достаточно для очередного страха: кэгэбэ везде. Вот когда ослабнет страх, другой чекист-"герой" расскажет об убийствах для нового страха.

"Уважаемый Михаэль! Страшно, больно и тяжело читать Вами написанное и понимать, как глубоко проникла в Израиль эта страшнейшая зараза КГБ".

- Нехамелэ! Прокуратура, суд, полиция, газета, радио, телевидение и подобное – они не под лапой кэгэбэ, это часть кэгэбэ. Всё – кэгэбэ. Никто из убитых кэгэбэшней, в том числе рав Меир Кахане, и никто из оставленных в живых кэгэбэшней, в том числе один военный историк, – никто не добрался до сути кэгэбэшной. Рав Меир Кахане видел всех членов кнессета одного цвета, этот военный историк видит всех своих оппонентов одного цвета. Такое бывает только в кэгэбэшнях. Но они не видят, что это те же кэгэбэшные рожи, на которых написано: цель оправдывает средства. Нет опыта двух кэгэбэшен разглядеть эту замаскированную кэгэбэшню, поэтому видят её, как засилье левых. В той кэгэбэшне можно было разглядеть её: первое – люди исчезали бесследно; второе – из ГУЛАГа иногда возвращались лагерники. В этой замаскированной кэгэбэшне люди не исчезают бесследно и из этого гулага не возвращаются – вся территория государства – гулаг. И никаких особых следов гулага у всякого ставшего трупом. Вырвался один из той кэгэбэшни и сильно досаждал ей из этой кэгэбэшни: жаловался во все международные организации, что почта не доходит ни туда, ни сюда, и к нему потекли многие случаи нарушения кэгэбэшней международных почтовых законов, а он подавал жалобы. Так его "убрали": никаких следов гулага – автомобильная катастрофа. У этого гулага никаких следов того гулага – убийцы этого гулага замаскированы под демократию: прокуратура, суд, полиция, газета, радио, телевидение и подобное.

"Уважаемый Михаэль! Еврейское Государство, о котором мечтали евреи в течение 2000 лет, с мечтами о котором евреи шли в газовые камеры во время гитлеровской оккупации, на казнь во времена английского мандата, на казнь и в лагеря во времена советской власти, – это государство – нееврейское. Многие евреи остались в своих странах: кто не хотел, кто не мог, а кого удерживали темные силы в советском царстве. И даже те евреи, которые ехали в Эрец Исраэль, были изгнаны оттуда бандой Бен-Гуриона. Они не давали сертификаты неудобным, искореняли непослушных, лишали работы сочувствующих им, отнимали всё, чтобы извести, задавить, запугать всех, кто способен думать иначе."

- Нехамелэ! Когда-то Моти, один, повалил проигравшее войну правительство Голды. Следующее, проигравшее войну правительство, уже не повалили, потому что чекисты научились быть среди протестующих и гасить изнутри бурный протест. Правительство, созданное для продвижения вечно живого и проигравшее войну, сохранили для вечно живого: одна партия – его родная новая; вторая – его родная прежняя; третью – прикупили для него стратегическим фо-

кусом; четвёртой – вечно купленной, придумали 614-ую мицву – голосовать за него; пятая – пенсионеров-чекистов, к которой он издавна принадлежит. Но этого было мало. Травлей президента, который сразу стал бывшим, отбили охоту у любого встать на пути вечно живого. Но и этого было мало. Премьера он назвал лучшим за всю историю государства. И сказал: "У нас демократия, решает большинство". Но и этого было мало. Осмелившийся быть президентом должен был со слезами просить всех голосовать за вечно живого. Сбываются худшие опасения его подельников по правящей банде о нём. Теперь это самое лучшее правительство можно валить – какое будет следующее? – не имеет значения. Кэгэбэшники уничтожают народ, его лидеров, его генералов, чтобы никакой конкуренции и сопротивления. И вот результат: последняя война – жалкая кучка народа без лидера и без генерала. Это результат не последнего времени, а долгой их власти. Кэгэбэшники без разницы – над кем властвовать, главное – власть. Над евреями властвовать трудно, поэтому завозят нееврейское большинство, которое "решает" демократически за евреев. Чтобы дольше продержаться, отдают земли. Но конец близок: кто отдаёт – у того отнимают всё.

"Уважаемый Михаэль! Судят в Израиле инакомыслящих, шьют дела. И бросают в камеры, где пол залит водой и есть крысы. Бьют их, ломают им ноги и руки. Пишу Вам после тяжёлых раздумий, в которые погрузили меня Ваши книги. Что бы я ни написала Вам, мои слова будут бессильны передать мои чувства. Правда опасна. И её носителей уничтожают".

- Нехамелэ! Мы доказали, что самая завуалированная кэгэбэшница – убивает евреев. Этим мы нанесли смертельный удар, который не сделать нам в отдельности. Удар символический. А Рука, породнившая нас для этого, – а ведь мы знаем, что это чудо, – развернётся к 2018 году. Развернётся и их кровавая рука. Но мы уже не одиноки, у меня есть ты, а у тебя есть я.

"Уважаемый Михаэль! Много плакала над Вашими книгами. Буду их перечитывать. Много ли есть людей, которые пишут правду, не оглядываясь и не боясь никого? Единственный человек, который делал это – рабби Меир Кахане. Поэтому и убили".

- Нехамелэ! Чтобы не пустить к нему верующих, распространялась легенда, что он не слушает "великих поколений". А он-то и есть "великий поколения".

"Уважаемый Михаэль! Книги Ваши привели меня в смятение. Не понимаю, как это могло пройти мимо меня в течение стольких лет".

- Нехамелэ! Я нашёл тебя. И ты сразу стала моим любимым писателем.

"Уважаемый Михаэль! Ещё хочу сказать насчёт «Покушения»: вся их тактика построена на запугивании и убеждении Вас, что Вам никто никогда не поверит. В России верили, что убивают. А в Израиле верят, что такого не может быть. А те, которые поверят, испугаются и отшатнутся. Все будет представлено так, чтобы люди подумали, что Вы сумасшедший. Ваши доказательства никого не убедят, люди всегда найдут им объяснение: случайность, или неправильно понято, или ещё что-то. Скажут: «Так ведь бывают врачебные ошибки», или: «Ты – сумасшедший, такого не может быть», или: «У тебя нет доказательств», или: «Тебе показалось» и прочее".

- Нехамелэ! Пока я был один, искал читателя. Теперь я не один, и больше не ищу. Ты мой читатель, единственный, а я твой читатель. Буду писать для тебя.

- Мишенька! А я – для тебя.

"Уважаемый Михаэль! Вы подняли самую важную проблему нашего еврейского существования – намеренный завоз гоим на Еврейскую Землю. Не оставляет мысль о Ваших книгах, о Вашей судьбе, о Вашем мужестве. Мне страшно за Вас. Болит душа за Ваше одиночество. Не могу ли я хоть чем-нибудь помочь Вам? Напишите, что я могу для Вас сделать".

- Нехамелэ! Спасибо Всевышнему, что ты есть.

"Уважаемый Михаэль! Книги Ваши потрясли всё моё существо. Никто не пишет о засилье гоим, и никто не пишет о том, что человека могут преследовать только за то, что он об этом пишет. Есть ли более точный приговор всей этой бандитской системе, прикрывающейся еврейской вывеской, нежели раскрытие этой страшной правды? Рабби Меир Кахане был опасен тем, что вывернул наизнанку паршивые потроха несуществующей демократии Израиля. А Вы опасны тем, что доказали нееврейский характер государства под еврейской вывеской. Обе вещи банда, держащая власть, не прощает. С ужасом думаю о Вашей судьбе. Тяжко собственное бессилие. Я бы очень хотела Вам хоть чем-нибудь помочь, но не знаю чем".

- Нехамелэ! Твоя помощь состоялась – у меня есть родной человек.

- Мишенька! У меня есть родной человек.

Щелчок.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 30

Щелчок.

- Нехамелэ! К годовщине переписки вот тебе маленький букет, нарвал из цветов первого весеннего месяца.

"2.3.2006. Уважаемая Нехама! Вот он – новый еврей – разобрано Вами. Но нет второй составляющей: вот он – нееврей. А как без этого понять, что здесь происходит и произойдёт? Михаэль Бабель"

"Уважаемый Михаэль! Спасибо за Ваш отзыв об «Опьянении насилем». Вы схватились с системой, которая так же жестока, как и советская. Всего хорошего, Нехама"

"Уважаемая Нехама! Без нееврея, специально завезённого в огромном количестве, не понять предстоящий обвал, который отразится на всех евреях, где бы они ни были. С добрыми пожеланиями творческих успехов. Михаэль"

"Уважаемый Михаэль! Человек Вы смелый и, я бы сказала, счастливый. Я сама хлебнула там того, что можно пожелать только врагу. Всего Вам самого лучшего, с уважением, Нехама"

"Уважаемая Нехама! Рад читать Вас. Мы сделали свой выбор. Михаэль"

"Уважаемый Михаэль! Читаю Ваши книги. Эти вещи намного страшнее немцев, погромщиков и всей другой сволочи. Это захлестывает всё тело таким отчаянием, от которого не оправиться уже никогда. Нехама"

"Уважаемая Нехама! Ждал Ваше письмо. Мне радостно от Вашего слова, взгляда, позиции. Михаэль"

"Уважаемый Михаэль! За исключением немногих, мои статьи встречаются в штыки. Сталкиваюсь с ужасной ненавистью. Мне страшно за евреев, за Израиль. Мне страшно за Вас в Вашем одиночестве. Нехама"

"Уважаемая Нехама! Без правды нет цельности. Главное – оставаться цельным с самим собой. Прочёл всё присланное. Очень интересно. Я люблю Ваше слово. Михаэль"

"Шалом алейхем, Михаэль! Спасибо за Ваши теплые слова. Нельзя ли по дружбе, хоть и совсем недавней, называть Вас Миша? Пусть Всевышний бережет Вас и семью, им нелегко. «Мой Израиль» – такой чистый, такой характерный для тех наивных лет. Это не только Ваш мир тогдашний, а многих, очень многих проснувшихся евреев. И человек оттуда смотрится добрый, хороший еврей. Есть и сантименты тут – я была ребенком, и у меня были родители и брат. Их давно нет, и родных нет. Те, кто в Москве – чужие, с гоями переженатые. А так требуются родные, не можете себе представить. Нехама"

"Нехама, здравствуй! Вот, получай родного. Твой родной, Миша"

"Дорогой Миша! Прошла целая вечность (2 дня) со времени Вашего письма. В следующем письме я объясню мое молчание. Что-то меня тянет перечитывать Ваши книги. Как бы я хотела родства, ну хоть на уровне кузена что ли! Нехама"

"Шалом, Миша! После долгого голодания надо есть по капле, иначе гибель. Видя, как надвигается 9-ый вал сближения с Вами, я испугалась. Не потому, что жду разочарования, а потому, что такие лекарства берут понемногу, иначе – гибель от обжорства. Тут есть главное между нами, как ни с кем – Ваши книги, Ваше сердце, наше похожее прошлое в России и, к сожалению, наши мучители в Израиле. А за «родного» не знаю, как благодарить. Сказать хочется очень много, накопилось за много лет. Опять начала читать Ваши книги. Прочла сегодня большой кусок под пение моего любимого Карлебаха, и, честно скажу, наплакалась. Разве можно не плакать над такой трагедией?! Разве можно не плакать над собственной трагедией? Да хранит Вас Б-г, аф-целойхес але сонем. Нехама"

"Нехама, дорогой человек! Твоё прошлое мне понятно, созвучно с моим. Под песни моего любимого Карлебаха созрели мои слова в слезах. Твой опыт не несчастный, а богатый. Миша"

"Дорогой Миша! Кому бы столько рассказывала о себе? Открыться – это не шутка. Вы, как видно, ничему не удивляетесь, а я до сих пор не могу поверить в то, что есть такой человек, как Вы, и что я его знаю. Письма Ваши мне очень нужны, потому что впервые за столько лет я встретила человека, способного меня понять. Изголодавшись по человеческому общению, я с трудом находила себе собеседников. Несколько раз я, к своему стыду, не выдерживала и пыталась рассказать маленькие фрагменты моей израильской жизни. Вы бы видели их лица. И вот, после стольких лет, встретился человек, который без всякого удивления воспринимает их. Нехама"

"Нехама! Дорогой мне человек, ну, как же я ничему не удивляюсь, встретив родного человека?! Всегда искал "хорошего человека". Храбрый человек, привет. Миша"

"Дорогой Миша! С этого письма иду на «ты». Страшно и тяжело писать о том, что было. Все эти воспоминания вынимают душу. Со всеми говорю, как через стеклянную стену. А с тобой – по-другому. Прямой провод. Нехама"

"Нехама! Спасибо, мой хороший человек! Спасибо, что чувствуешь мою душевную близость, а я и не скрываю. Вот берусь за любимое дело – писать вместе с тобой письма. Работа – в сторону, книга – в сторону. Миша"

"Дорогой Миша! Дай мне волю, я бы только и делала, что писала бы тебе письма – в кои года нашелся человек, который не только хочет меня слушать, но и понимает. Сочетание твоих качеств идеальное: смелость, мужество, доброта, спокойствие, ум и повышенная чувствительность с преданностью идеям и семье. Нехама"

"Нехама! Никогда не находил цельности с преданностью. Написано: приобрети себе друга. Скептически относился к этому после солидного опыта, считая, что человек всегда остаётся один. И вот нашёл тебя. Миша"

"Дорогой Миша! Признаюсь: так привыкла к твоим письмам, что мне плохо без них. Так люди после давней разлуки не могут наговориться. У нас она очень длинная была – разлука. Вся жизнь. Нехама"

"Нехамелэ! Никогда не считал себя писателем, а считал себя человеком, который делает больше, чем может. Миша"

"Дорогой Миша! Иногда думаю, что мне все это снится. Убегаю от всего того, что мучает. В данном случае, убегаю к тебе и с тобой в прошлое. Смешно, наверное, и грустно. Знай всё же, что ты счастливый человек, потому что не жалеешь о прожитой жизни и не грызешь себя подобно мне. Так уж получается, что я или пишу тебе, или думаю, что написать. Нехама"

"Дорогой Миша! Спасибо за обращение, совсем по-еврейски. Меня тянет на твой сайт – вроде как в гости к тебе пошла. На сайте твоём я – как у себя дома. Нырнула и такое чувство, что с тобой рядом. Думаю, может, ты как раз что-нибудь там пишешь. Тепло, уютно и чувство общения. Мы поменялись ролями: я молчу, а ты рассказываешь. Я ни на минуту не забываю, что есть еще глаза Большого брата (чтоб они повылезли), которые читают мои письма. Нехама"

"Нехамэлэ! Поздравляю с годовщиной нашей дружбы. Думал, прошло больше. С днём рождения, мой хороший человек. Миша"

"Дорогой Миша! Если бы ты знал, как мне приятно получить твое письмо, да еще так быстро. Пусть коротенькое. И приятно обращение. Так папа меня называл. Спасибо за то, что ты есть. Единственное сожаление – жаль, что это не произошло раньше... Тяжело ждать следующего письма. Нехама"

"Нехамэлэ! И мне. Миша"

"Дорогой Миша! Писала уже, что умирала я там без всякой медицинской помощи. Сама себе колола лекарство, когда было. Какие-то сверхъестественные силы Б-г давал: в том состоянии таскать такие тяжести и смотреть за ребенком. Бывало, везу коляску с ребенком, а на себе тащу мешки с луком, картошкой. Как я могла носить такую тяжесть на себе, не знаю. Весь мой вес укладывался тогда в сорок два килограмма. Только когда ребенок стал носить кипу и цицит, окружающие гоим поняли, кто я. Так вот, я уже умирала, и мне просто было всё равно. Только бы скорее. Болезнь страшно взяла за горло по-

сле отъезда в Европу. У меня не было денег, не было больничной кассы, и я очень мучилась. Когда пошла в поликлинику, все врачи сбежались посмотреть на умирающую женщину, живущую в большом европейском городе. Меня направили в больницу на операцию. Там я узнала, что такое настоящий антисемитизм, хотя жила в Литве и хлебнула там много. Вечером после операции вошла дежурная медсестра, которая принимала меня и велела одеть полосатую пижаму. В это время я молилась Шмонэ-эсрэ. Она подошла, увидела сидур, еврейские буквы и чуть не задохнулась от злости: «Она молится на иврите! Кто это вам здесь позволил молиться по-еврейски?!» И руки тянет к сидуру. Я только мечтала скорее закончить, прежде чем она у меня выхватит сидур. Закончила, повернулась к ней: «Ты что думаешь, что я не понимаю, зачем ты меня в полосатую одежду нарядила? Тебе, старой нацистке, хотелось еще раз в жизни увидеть еврейку в лагерной форме, порадоваться напоследок? Ты никогда больше не увидишь евреев за колючей проволокой. Ты и вся твоя арийская раса будете гореть в аду. Ты грязная австрийская свинья». Она стояла как вкопанная. Я сделала несколько шагов по направлению к ней, и она с криком побежала к дверям. Знаешь, как рав Меир говорил: «Когда оскорбляют или бьют еврея, оскорбляют Б-га. Еврейский кулак в гойскую рожу – это освящение Всевышнего». Нехама"

"Нехамэлэ! До тебя не знал такого человека. Спасибо тебе, родной человек. Кто ещё равен тебе?! Миша"

"Милый Миша! Уж не помню, который раз я перечитываю «Прощай, Израиль», книга прекрасна, если можно так сказать про невыносимую боль, которая держит тебя в тисках и не отпускает после окончания книги. Жизнь моя – врагу не пожелаешь – закинула меня сюда на новые муки. Когда-то я не понимала, почему американские евреи не помогли европейским евреям. Теперь я знаю на своей шкуре, как они спасали евреев. Так же, как спасали меня. Теперь о главном. Думала, что тебе написать. Я бы и триста страниц исписала. Наверное, потому что впервые в жизни нашелся человек, который поймет и которому интересна моя личность. А ты – равных тебе найти трудно, цельный человек с добрым преданным еврейским сердцем. Оттого оно и болит у тебя за еврейский народ. А когда ты мне сказал, что принимаешь меня в сестры, я легко поверила. Потому что так могло быть в жизни, но по какому-то случаю не произошло. Нехама"

"Нехамэлэ! Твоё противостояние подобно моему. И вот вижу: есть ещё один – не предаст. И мне так хорошо – нет слов. Миша"

"Дорогой Миша! С первых дней приезда в Америку – продолжение прежнего бедствия: вечное безденежье, страшные болезни, невозможность оплатить врачей и лекарства, квартиру, тяжелейшая работа днем и часто вечерами в микве или на уборке квартир. И полное отчаянье. И страшные мысли, что умру, и ребенок останется один, никому не нужный. Невозможно рассказать. Столько горя, что никаких писем не хватит, чтобы его описать. Всю ночь просидела над письмом. Так уж решила все выложить. Не знаю, сможешь ли ты читать всё это. Ты мне скажи, они все, кого я описала – они евреи?! Они родом из евреев? И когда я бреду, ссутулившись, и вижу презрительные взгляды богатых, здоровых, толстых и надменных людей в мою сторону, на мой

значок рава Меира или Баруха, мне хочется иметь их деньги и здоровье, но только сохранить мое сердце, которое плачет от еврейской боли. Тогда я бы использовала деньги для спасения евреев. Такой случай был в войну: хороший еврей продал свой дом, чтобы отдать деньги для спасения евреев Европы. Если смог дочитать, благодарю тебя, что хватило терпения читать эту печальную повесть. Так просила душа написать это. Спасибо за все, за то, что ты есть, и за «Нехамелэ», от этого слова тепло на сердце. Нехама"

"Нехамелэ! Умоляю! Не писать ночью. Прошу спать. Перечитываю всё по нескольку раз. Думаю и передумываю, чем заслужил твои бескорыстие и честность, которыми меня осчастливила. И льются они на меня бурным потоком, не ведомым мне ранее, когда всю жизнь собирал их по крупицам. Чем заслужил? Миша"

"Мишенька! Уж не знаю, можно ли, но ведь брата так называла, значит, и тебя можно. Такого друга у меня не было. И вообще, ощущение, как в детстве, у меня есть старший брат. Это необъяснимо хорошо. Загляну на сайт или открою твоё какое-нибудь письмо, или просто посмотрю на колонку твоих писем, выстроившихся на двух страницах в почте. И легче станет: есть Миша, мне не снится. Первое время я себя щипала – уж не свихнулась ли окончательно, уж не вижу ли сны наяву. Встреча с тобой прочно стоит в одном ряду с другими чудесами в моей жизни. Плохо лишь, что пришло так поздно. Вчера перед сном перечитала отрывок о поездке в Мацаду. Совершенно изумительно написано. А мои истории – им конца нет. Если их изложить в полной мере, то люди скажут то, что сказал доктор Моше Гольдгрехер в Иерусалиме: «Этого не может быть, потому что человек не может выдержать этого». Нехама"

"Нехамелэ! Я пришёл к тебе, чтобы ты не была одна. Миша"

"Мишенька! Я мысленно иногда с тобой разговариваю, и, знаешь, получается, хоть и далеко от тебя. Когда я прочла твои книги, мне стало ясно, кто ты. А потом, когда стали переписываться, то не могла удержаться, поняла, что я хочу и мне нужно тебе писать. Не понимаю, как это я раньше не знала о тебе. Нехама"

"Нехамелэ! А я до сих пор не понимаю, что такое бывает. Миша"

"Мишенька! Несколько лет тому назад, когда мусульмане здесь подняли голову, многие стали прятать цицит и кепки носить. Я просила сына, он ездил далеко в опасный район учиться, тоже так сделать. А он мне отрезал – ни за что. Так и сказал: «Когда времена опасные, надо показать, что евреи не боятся». Когда я его ругала, он мне сказал: «Забыла, что ты вытворяла в России? Забыла, как я был единственным ребенком в Вене, а может, и в Европе, который ходил, как еврей? Так что я в Америке еще прятаться буду?!» Нехама"

"Нехамелэ! Хорошего еврея вырастила. Я его люблю. Миша"

"Мишенька! После бессонной ночи – тысячи дел, которые не хочется делать. А хочется сесть и писать тебе глупые письма о чем угодно. Нехама"

"Нехамелэ! Рука дрожит, пишу Нехаме. Миша"

"Мишенька! Всегда с нетерпением жду письмо, хотя и знаю, когда оно придёт. И всегда волнуюсь, что ты сидишь так поздно из-за меня. Письмо опять большое вышло. Жаль твоё время. Нехама"

"Нехамелэ! Спасибо. Миша"

"Мишенька! Очень было больно, когда я пошла на демонстрацию организации «Жертвы арабского террора» в жуткий мороз, а потом зашли погреться в еврейскую пиццерию. Дело было в первый день недели, пиццерия полна людей. Все с семьями, всё хорошо. Евреи гибнут, а здесь (при Клинтоне это было в 1997 году) принимают Арафата в Белом доме. Такая меня ярость обуяла при виде этого семейного уюта, что я сказала подруге: хочется вскочить к кому-нибудь на стол, сбросить с него еду и сказать им всё. Я бы этого не сделала, но она испугалась и крепко держала меня за руку. Нехама"

"Нехамелэ! Уже давно я себя мерю по тебе. Миша"

"Мишенька! Невозможно пережить сознание того, что "еврейская" рука в Эрец Израэль может схватить тебя и твоего ребёнка за горло, так же, как это делали коммунисты и нацисты. Когда пришлось бежать от них, понимала, что этим не кончится, будут и дальше преследовать. Мешали получить местное гражданство, угрожали, запугивали, устраивали провокации. Бывало, меня поджидал типичный израильтянин, который молча, со страшной улыбкой проводил рукой по горлу. Обычно я шла дальше, но бывало, подходила и плевала ему в рожу. Он молча утирался. Уехала из Эрец живым трупом и с яростью думала: вот сесть бы и написать, что было там и здесь со мной и бросить этим гадам в лицо, показать им, что не боюсь их, и что правда всегда восторжествует. И порадовавшись этой идее, отвечала себе: если я еще хочу жить ради ребенка, тогда должна молчать. А если это выйдет на свет, они скажут: она сумасшедшая, всё это ложь – это они умеют. Нехама"

"Нехамелэ! С моей стороны – позор, а не письмо. Но сколько желания быстро ответить тебе. Миша"

"Мишенька! Нехама"

"Нехамелэ! Письма лучше, они не исчезают. Если есть, что сказать, то лучше письмом. Миша"

"Мишенька! Меня очень тронули твои слова, не могу тебе сказать, как тронули. Такие вещи не поддаются описанию: "Телефон хорош для влюблённых, а мы родные издавна и навечно, нам телефон нужен только иногда – убедиться, что это правда". И я действительно не верю, что это правда. Когда-то мечтала, что у меня будет нормальная, тихая, спокойная жизнь. Много детей, дом, сад, кот, собаки, осел... А получила... Нехама"

"Нехамелэ! А получила чудо. Две родственные души нашли друг друга – это не чудо? Надо было пройти то, что мы прошли, чтобы это чудо состоялось. Вот оно. Сейчас. В эту минуту, когда читаешь. И будет до последнего вздоха. И после – оставшемся одному. Ещё ты мечтала плюнуть в рожу своим убийцам – вот и это чудо. Наша книга – свидетель этих чудес. Миша"

"Мишенька! Пишу тебе под песни ЛЕХИ и вспоминаю, как ты мне пообещал, что мы бы там были вместе. Счастье этих людей было в том, что у них не было сомнений ни в чём: убивать англичан и арабов и расправляться с предателями. А что может быть лучше таких целей – сражаться и умереть за наш народ? Здоровья, счастья тебе и всей семье, истинного Ециат Мицраим, как и всему еврейскому народу. А тебе еще и успехов во всём, что ты делаешь. Коль тув, хаг кашер вэсамах! Нехама"

"Нехамелэ! Миша"

Щелчок.

- Мишенька, это лучший букет в моей жизни.

-Нехамелэ! Кэгэбэшни всегда порочат и по интересному месту тоже, а так как у нас два интересных места, то неисчерпаемые возможности порочить перед гомососами, населяющими кэгэбэшню. Которым плевать на то, что тот, кто слушает, тот и убивает, – а давай про интересные места! Вот великий русский писатель Александр Зиновьев: "Гомосос (гомо советикус) – существо довольно гнусное. Это я знаю по себе". Такое откровение под силу только большому писателю.

- Мишенька! Если чекисты через свои газеты, или свой суд, или ещё как-то "раскрутят" наш беспроводный "Кэгэбэшный роман" с подробностями "не известными читателю", я буду только гордиться. У кого ещё есть такой родной человек, как ты?!

- Нехамеле! Что их козни?! Если на планете Земля, в Солнечной системе, в галактике Млечный Путь, в созвездии, название которого можно придумать, если только отойти на несколько миллиардов световых лет, я нашёл родного человека...

Щелчок.

- Мишенька, была годовщина окончательного постановления суда.

- Нехамелэ, разве прошёл год? Когда это было?

- Мишенька, 13.6.2006.

- Нехамелэ, это был большой день кэгэбэ: начали с избрания вечно живого, а закончили мной.

Щелчок.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 31

После покушения, на долгое время, перестал посещать все уроки Торы.

Но когда я узнал, что один рав спросил про меня, я не замедлил придти на его ближайший урок.

Темой урока было – отношение к государству в момент его провозглашения, урок был за три дня до 59-ой годовщины государства, а я захватил эту незаконченную книгу, которая тоже об этом государстве.

Немолодых слушателей было с десятков, что неплохо для утреннего рабочего времени шестого дня недели. С большинством из них был знаком. Рав подал мне руку, я поцеловал. После урока знакомый сказал, что такого не бывало, чтобы рав кому-то давал руку. На уроке, может быть, и не бывало, но за многие годы не раз целовал его руку в благодарность за учёбу. Есть у меня такая редкая для ашкеназим слабость.

Все разместились за одним столом. Только один стоял, прислонившись к стене, хорошо обозревая всех. Этот был чекист. Сидел бы тихонько в окопе. С моим-то Б-жьим даром видеть! Но откуда ему об этом знать? Или не воздают должное противнику? И вообще, могли бы взять меня в начальники отдела кадров – навёл бы им порядок. А им потом дешевле было бы убивать меня.

Других чекистов не искал – не за этим пришёл.

Кстати, о чекистах. Этот, который живой анекдот из другого еженедельного урока, который там сидит в кресле, – прислали ему помощника. Уставился на меня этот присланный помощник наглыми глазами. А так не бывает на уроках Торы. Она смягчает любые глаза, как минимум, на время урока: делает их или добрыми у приходящего постоянно; или печальными у пришедшего поздно и растратившего своё время на суету; или растерянными у случайно пришедшего. Наглые – только у пришедшего по заданию, которому не до Торы и Торе не до него. Ответил ему своими наглыми, старался всю – не знаю уж, какие там у меня вышли, но он свои не отвёл. Значит, не получилось у меня. А если бы получилось – разве бы узнал, кто он – Михаэль Уманский.

У него ещё было и самостоятельное задание. Однажды на уроке была минута перерыва, рав хотел показать ученикам что-то на балконе, я один остался на своём месте, напротив кресло из анекдота, а этот, с наглыми глазами, тоже вышел со всеми на балкон, а потом бегом вернулся, вспрыгнул на кресло, широко развёл руки и немного склонил голову в сторону – вот так распнут меня.

Но помощь у них не получилась – живой анекдот сбежал из кресла на диван. Побег из кресла – интересное дополнение к живому анекдоту. Но теперь любитель анекдота, пришедший посмотреть живой анекдот, найдёт кресло пустым и уйдёт, решив, что это был мой розыгрыш.

Так чтобы не ушёл ни с чем любитель анекдота, мне приходится подтверждать, что розыгрышами не занимаюсь – сдам ещё и "девочек". Которых мне постоянно поставляют, чтобы в постели, в отдельности с каждой, конечно, не все вместе, ведь не сводят двух агенток в одной постели – агенты не должны знать друг друга, а потом "накрыть" после того, как расскажу тайну моего Б-жьего дара распознавать чекистов. Но что это за кретины, которые таким путём хотят узнать о моём таланте, который оказался бы вовсе не талантом, если бы я не разобрался ещё до постели в "боевых подругах" по борьбе против завоза неевреев, – Эллочка, Зилпочка, Навочка, Валерочка. Не могу оклеветать честных девочек от двадцати до тридцати пяти. Прямо заявляю: ну, что есть – то есть, но уж чего не было – того не было!

Сразу после развала борьбы против завоза неевреев, мне их подставляли, по разу: Эллочку на рынке, Валерочку в здании суда, а Зилпочка или Навочка просила по телефону какую-то мою книжку, дал, это было единственное продолжение.

А я тоже хорош! Был на кэгэбэшной первой программе на радио Реувен, дал мне сказать несколько слов о завозе неевреев, а потом позвонил и спросил, кого я ещё могу ему порекомендовать из своих дружков по этой теме. Ну я и сдал всю организацию, все явки, всех её активистов, мужчин и девочек, все их имена, все их телефоны. Сдал кэгэбэ.

Хоть я всегда об одном и том же говорю или думаю, но внимательно слушал рава. Начал рав со своих воспоминаний о том дне: все вышли на улицу, плясали, пели, читали Галель – всё еврейство радовалось. Потом рав цитировал из двух написанных им двухсот книг высказывания за и против государства известных в то время рабаним. Очень известный сказал, что не пройдёт и пяти лет... потом он же сказал, что не пройдёт и десяти лет... потом назвал ещё ка-

кую-то смешную сегодня цифру. В заключение урока рав высказался за активное участие харедим в делах государства, чтобы было еврейское влияние. Но с сожалением отметил, что "мы" молчим и учим Тору.

На этом урок кончился, слушатели расходились, рав поднялся. Я протянул раву принесённую книгу и сказал, что в ней о том, что происходит у меня. Рав не раз призывал своих слушателей к писательству, говорил, что это не сложно, надо только начать. Рав осторожно взял и сказал, что посмотрит, можно ли это читать. А у крови ближнего можно стоять? Учитель читал бы и порнуху – только бы помочь погрязшему в разврате, жизни которого угрожают.

Я хотел было уйти, но рав снова сел и начал читать с первой страницы. Я растерялся, такого никогда не видел – ну, дают книгу почитать, берут её, потом возвращают. Я присел в стороне. Мы остались одни. Рав перевернул ещё две страницы. Сказал, что тяжело читать, надо разбираться в написанном. Я удивился, разве он уже что-то прочёл. Ответил, что, конечно, прочёл, и пояснил, что не читает справа налево, а сверху вниз, и показал взмахом руки. Добавил, что это трудно читать, а он пишет просто. Спросил, для кого я пишу. Я сказал, что рав пишет для общественности, а я пишу для Нехамелэ. Спросил, есть ли у меня выразительное, яркое место. Я показал ему на рассказы Нехамелэ. Он начал их читать, но очень быстро поднял голову от книги. Я больше не переспрашивал, успел ли он прочесть. Спросил он: "За что эту Нехамелэ?"

Большой неожиданностью для меня был гомососный вопрос. Реакция моя была неожиданно быстрой. Спросил: "А если за что, то можно?!" Как и все гомососы, он не ответил. Но ведь знает, что не за что не бывает. Значит, знает, что бывает. У меня перехватило дыхание, но я настойчиво повторил ещё два раза: "А если за что, то можно?!" Он не отвечал. Я продолжил, теряя рассудительность и контроль над собой: "Эта книга о неповиновении этому государству, а не вопрос соучастия или несоучастия с этим государством. Это государство кэгэбэ!" – "Я так не думаю", – ответил он медленно, не глядя на меня.

Если так не думают, то и не спрашивают "за что?".

Он поднялся, а я взял оставленную на столе книгу, которую он не взял.

Поэтому и читал что-то, чтобы не брать.

Боялся запретного.

Он пошёл к двери и спросил: "А тебя за что?" Я повторил необычно серьёзно: "А если за что, то можно?!" Он не ответил.

Молча спустились по наружной лестнице в проходной внутренний дворик, тихий и в зелени. Стояли с намерением идти в разные стороны: он – в маленький проулочек, а я – в другую сторону – на главную улицу Йехезкель. Ни у него, ни у меня не было настроения прежних лет пойти вместе. Он избегал выйти со мной на большую улицу, а я, видя это, естественно, направлялся в противоположную сторону к главному выходу, а не в его сторону. Потому что было уже достаточно, ведь он и мою книгу-улику не взял.

Спросил он: "Кроме тебя, кто ещё подтвердит?" – "Нехамелэ", – ткнул я рукой в книгу. "А где она?" – "В Америке". Он скривил лицо: "Это не то. А есть кто-то третий?"

Если бы только это, то я дал бы во всех газетах дорогое объявление, на которое никто бы не откликнулся. На улице, с угрозой для жизни, приставал бы к

каждому встречному. Но это была его уловка в государстве страха. Если уж так ему нужен третий – неизвестно для чего, да и второй для чего? – третьим вполне мог взять самого себя, которого пригласили "побеседовать", как подозреваемого в подрыве устоев этого государства.

Поэтому я резко бросил ему в лицо: "Кто убил рава Кахане?" – "Не знаю", – быстро и чётко ответил. "Кто убил рава Биньямина-Зеева Кахане?" – "Не знаю", – так же быстро и чётко ответил. "Кто убил Ганди?" – "Не знаю", – так же ответил.

Как же это так – не знает?! Ведь известно, что убили арабы. Но если бы ответил, что арабы, – вот был бы смех: весь цвет еврейской идеи трансфера арабов убили арабы!! Такие они ловкие. И нет больше трансфера. И теперь никто другой не захочет возглавить еврейскую идею.

Во имя жизни.

Своей.

Страшно?

Вот – это кэгэбэшня.

Мы стояли вполоборота, как дуэлянты, осталось только согнуть переднюю ногу в колене, вторую отвести прямой назад, чуть присесть, спина прямая, грудь немного вперёд, развести плечи, одна рука отведена назад кистью вверх с рассыпанными веером пальцами, в другой руке, согнутой в локте, клинок острым концом вверх в традиционном приветствии противников.

Каковыми отныне мы стали, разделённые кэгэбэшней на два вида людей, на которые все делятся в кэгэбэшне: те, кто боятся её, и те, кто не боятся её. Всяческие потроха в человеке – двести книг он написал, или одну, или ни одной – не имеют никакого значения.

Гамлетовское "быть или не быть!" в кэгэбэшне переиначивается в бабелевское "бояться или не бояться!".

Самое простое доказательство кэгэбэшни: если есть один диссидент, должна быть кэгэбэшня.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

12.8.2007

Разослал по адресам кэгэбэшни.

Рассказ 32

Щелчок.

- Нехамелэ! Любимая просила не отдавать её в больницу для умирающих.

- Мишенька!..

- Нехамелэ! Учил Учитель кончать или прерываться на абзаце или предложении о хорошем. Сейчас все мы живы. За мной идут, но Всевышний бережёт. С Любимой плохо. А за тебя опасаюсь – убивали методично и изошрённо. Через несколько дней канун нового года – 12.9.2007. Вот на нём и кончить о нас словом "канун", который оставляет нам надежду. Книга не выиграет, если кто-то из нас не станет. Кому до нас дело? И до кэгэбэ кому дело? Не вчера, мы из-

давна пишем друг для друга. До нашего конца продолжим об этом кэгэбэшном заповеднике и населяющем его сброде.

- Мишенька, дадут сказать?

- Нехамелэ, конечно, нет.

- Мишенька, не дай Б-г!

- Нехамелэ, но это и есть победа. Коротким "не дадут" – мы уже сказали всё. Сегодняшней кэгэбэшне не отделаться, что это, мол, было и сегодня не так. Сегодня это чудовище более совершенно.

- Мишенька, только сказать наше своё друг другу – не хватит никаких оставшихся дней нашей жизни. Ещё по рассказу.

- Нехамелэ!

Из книги жизни Нехамелэ.

«Полученное мною неожиданное разрешение на выезд, почти не оставляло времени на сборы, тем более на размышления. Волнения, вызванные трудностями выезда и скорой, столь желанной, встречей с родной Землёй, не давали правильно оценить увиденное. Да и кто мог понять? – разве что тот, кто сам принадлежал к кэгэбэшникам.

Ещё в поезде, шедшем из Бреста в Вену, ко мне «подсадили» девушку Фаню из Фрунзе, которая не отходила от меня ни на шаг, а в вагоне "оказался" ещё и "австриец" Фред. Ни его, ни девушки Фани не было в зале ожидания перед выходом на посадку. "Австриец" Фред хорошо говорил по-русски и много знал об Израиле. Это меня очень удивило, а он стал плести, что в Польше у него есть любовница. Он нёс какую-то ерунду. Я слушала и не понимала, зачем он играет нелепый образ. В какой-то момент, когда он, задумавшись, смотрел в окно, я назвала его по имени, но он не откликнулся. Сразу Фаня, которая всегда была рядом, толкнула его в плечо: "Фред! Тебя зовут". В его глазах был вопрос, поняла ли я, что он забыл своё имя. Скорее всего, он был еврей, но выдавал себя за австрийца. В его чёрных глазах светилась жестокость убийцы.

Я решила, что он возвращается из России по какому-то заданию великого Мосада и поэтому выдает себя за гоя. Не мог ведь австриец знать Хатикву, которую пели в вагоне, и другие еврейские песни. Когда подъезжали к Вене, Фред достал шампанское и я произнесла краткую речь о свободе на немецком, русском, иврите и идиш. Хоть и глупа я была тогда невероятно, все же уловила торжество в глазах Фреда. Он увидел мой взгляд и тихо сказал: «Я радуюсь, что скоро увижу её, хотя мне тяжело с ней...» Это была явная ложь.

В замке Шенбрунн внезапно появился седой мужчина, в элегантном костюме, с выложенным на пиджак воротником рубашки. Оглядел всех, поговорил с людьми мимоходом и подошёл ко мне. Я держалась в стороне, так как чувствовала враждебность персонала замка и чуждость временных постояльцев.

Человек представился Ливни (это вроде как у тех кэгэбэшников Николай Иванович) и начал разговор. Русский язык его был безукоризненный и совсем современный, хотя он сказал, что прибыл в Страну ещё до войны. Начал с того, что приятно видеть молодёжь, едущую в Израиль. Красиво, степенно говорил. Расспрашивал о моей жизни, выказывая интерес к молодежи, а на деле выпрашивал о евреях-активистах в России и их идеологии. Я отвечала вяло – к этому времени не спала уже третьи сутки. Ливни сказал, что ему просто инте-

ресно, какая сегодня героическая молодёжь, и вообще все евреи – герои. Разговор он плавно переводил в нужное русло.

Потом заговорил о том, что в Израиле социализм с человеческим лицом, не то, что в СССР. Я сказала, что никакого не признаю: ни с человеческим лицом, ни со звериным – нет ничего еврейского и ничего человеческого в социализме. Он поправил: социалисты здесь всё построили, они воевали за эту землю, они сейчас алию принимают. Я ответила, что строили все, в том числе и несоциалисты. И все евреи воевали. А некоторые даже больше других воевали с арабами и англичанами – Эцель и ЛЕХИ. У него перекосилось лицо. Сказал, что я ещё зелёная, не понимаю, как НАДО смотреть на этих фашистов и убийц. Нам не война нужна, а мирная победа. Я сказала: миру – мир, войне – война. Поразило меня слово НАДО. Спросила: кому надо? А он: народу, обществу, евреям здесь и там. Сказала: что у евреев – только если Б-гу угодно. Он поморщился и стал расспрашивать, кто мне внушил эти нелепости. Я понимала, что сказать правду о бейтаровце Менахеме, который рассказывал мне о шайке Бен-Гуриона («Сколько у них крови на руках!»), не могу, ведь он уже жил в Израиле. И сказала: не помню.

Вскоре после приезда, после долгих проволочек, которые всегда оканчивались одним рефреном «тебе ничего не положено», я пошла в ульпан в Баит в‘Ган. Большая часть класса составляли русскоязычные, а остальные – разношёрстная публика: одна из Польши, коммунистка, защищала от меня араба; один из Венесуэлы, одна из Италии, двое из Ирана, одна из Англии, две девушки из Америки. Румынка одна, жена одного из Румынии, один араб и две арабки. Иногда кто-то вливался дополнительно.

Как-то пришел в класс молодой человек из России: высокий, черноглазый, темноволосый. И с первого дня стал подходить ко мне, пытаясь завязать беседу. Пару раз пригласил в кафе, я не пошла. Он надоедал глупыми разговорами и жалобами на жену, не захотевшую поехать в Израиль. Я старалась обходить его. Потом он стал писать мне письма. Иногда приносил с собой, иногда писал на уроке, возмущая учительницу своим бездельем. Надоел мне страшно, и я послала его подальше. Он сделал вид, что обиделся, и исчез навсегда.

Вскоре появился другой. Опять высокий, черноглазый, темноволосый. И тоже стал приставать ко мне. Подойдёт и со вздохом, молча пялится на меня своими томными глазами. Влюблённого изображает. Как-то в коридоре стал сбивчиво говорить о своём одиночестве. Я отвернулась и ушла. И этот вскоре исчез.

Через короткое время явился писанный красавец, похожий на предыдущих, но красивее их всех. И, несомненно, богаче всех. У него было много денег, машина, квартира – всё «от богатых родственников». Виктор приглашал весь класс в кафе, в рестораны, подносил учительнице цветы и расточал свое обаяние на всех женщин в классе. Однако самое большое внимание он уделял мне. Все женщины были от него в восторге. И только я, итальянская еврейка Даниэлла и американка Гитл, с которыми я дружила, относились к нему неприязненно. Он был страшно прилипчив, от него трудно было отвязаться. Когда мои подруги шли обедать, а я посидеть с ними, он нагло шел за нами, усаживался за стол,

пытаясь втянуть меня в разговор. А после спешил заплатить за всех и очень огорчился, что ему не давали.

Он ни на что не обижался. Даже тогда, когда я, выйдя из терпения, оттолкнула его, и он чуть не свалился с лестницы, продолжал улыбаться. Однажды, когда мы с Гитл и Даниэлкой сидели во дворе, Гитл, глядя на Виктора, разговаривающего с директором ульпана, вдруг сказала задумчиво, что есть какая-то странная закономерность в том, что все эти молодцы, приходившие и исчезающие за последние два месяца – все, как на подбор, были на одно лицо, и почему-то приставали ко мне. А потом, не преуспев в этом, исчезали. А у меня мелькнула мысль, что не зря эти молодцы как близнецы: мне когда-то нравились черноглазые и темноволосые. Но это было давно, а сегодня нравились голубоглазые и светловолосые. Мысль пришла и ушла – не было понимания того, что молодцы приходили и уходили не по какому-то совпадению.

Через какое-то время после того, как я ушла из ульпана, он появился в моём районе. Как-то я шла с моей собакой Чапой, и вдруг меня кто-то окликнул. Я оглянулась – Виктор бежал за мной с маленькой собачкой. Догнал меня и, как ни в чем ни бывало, начал говорить о том, что снял квартиру рядом с моим домом, потому что не может без меня жить. Чапа с самого начала выражала громкое недовольство его присутствием. У нее был отличный нюх на плохих людей. Я остановилась передохнуть и положила руку на маленький заборчик. Виктор накрыл мою руку своей. Я вырвала руку и послала его подальше, но Чапа поступила наоборот – она схватила его за штанину, вырвала клочок и прогрызла его ботинок. С большим трудом мне удалось оторвать её от Виктора, и мы пошли по направлению к дому. Виктор обиженно кричал сзади.

Какое-то время я не видела его и подумала, что он исчез. В конце декабря 1973г. во время сильного дождя я вышла на улицу с Чапой. Обычно она не хотела идти в дождь и, выйдя из дома по своему делу, тут же норовила вернуться. Но на этот раз, сделав своё дело, она вдруг рванула к соседним домам. Я едва успевала за ней и начала задыхаться. На каком-то повороте, поскользнувшись, просто плюхнулась на кучу жухлых листьев и больно ушибла колено. Кое-как отряхнувшись, я пустилась на поиски Чапы. Её нигде не было видно. Внезапно я услышала тихий вой. Чапа вышла ко мне, и, виляя хвостом, звала следовать за ней.

Она затащила меня в закуток за домами. При слабом свете уличного фонаря я увидела странную картину: возле помойки стояла пара, они слились в одно целое. Брюки мужчины были сброшены к ботинкам, а платье женщины задрано до шеи. Они раскачивались и издавали какие-то дикие, отрывистые звуки. Рядом на помойках орали и носились коты. Я повернулась, чтобы уйти. Но Чапа, забыв про дождь и ветер, внезапно со злобой бросилась к мужчине, вцепилась в его брюки, болтавшиеся по земле, и потянула их на себя. От неожиданности мужчина откинулся назад и, не выпуская из рук женщину, накренился. Я попыталась оторвать Чапу, но та вцепилась зубами, как бульдог. И мужчина упал в грязь. Женщина стояла голая и смотрела на меня, совершенно не стыдясь своей наготы.

Чапа продолжала рвать брюки этого идиота, который валялся с торчащим органом. Наверное, они были пьяные или под воздействием наркотиков. И тут я

узнала его, а он, возможно, – меня. Это был Виктор. Давясь от смеха, я сказала: «Напрасно я вас посылала подальше. Куда же ещё дальше можно провалиться!» Чапа, услышав мой смех, вырвала ещё клочок из его рубашки и послушно пошла домой. Виктор исчез бесследно, оставив о себе это воспоминание.

Гораздо интереснее были женщины, которые стремились влюбить в себя моего жениха, до моего приезда их было несколько. Вскоре после приезда он сделал несколько фотографий, чтобы послать моим родителям. В отпечатанной плёнке оказалась фотография привлекательной женщины в мини юбке. Он сказал, что она прямо-таки преследовала его.

Позже в Сохнуте ко мне подошла девушка, очень похожая на ту, с фотографии, выспрашивала обо мне, о родных. Она оказалась её сестрой. И такая же назойливая.

Прошло несколько месяцев, подхожу к дому, и вдруг Чапа рвёт поводок, как бешеная. Отпускаю её, она несётся по лестнице, и сверху раздаётся крик. Взлетаю на пятый этаж – о, ужас! – Чапа оторвала кусок платья у этой самой с фотографии. Хватаю её и спрашиваю, что она здесь, возле моей двери, делает. Она отвечает, что заблудилась. Я тогда ничего не понимала, хотя меня уже убивали в больнице прошлым летом, ума совсем не было. Думала: хочет она его вернуть и всё. Посоветовала ей убираться, а то вызову полицию.

Идем вниз, Чапа царапает мои руки от возмущения, что я не дала укусить и что эта баба идёт впереди. Выходим на улицу, а в подъезд идёт Нира, моя соседка. Слыша, как я говорю этой твари убираться, она вмешивается и спрашивает, что случилось. Я объясняю, и Нира хватается её за руку, говоря: «Это воровка, я её знаю! Шломо! – кричит она мужу, – вот она!» Шломо выскакивает из машины с пистолетом и эта женщина очень пугается. Подходят соседи, интересуются, что происходит. Вдруг подъезжает машина, в ней какие-то уголовного вида типы, мордастые, холёные. Выходят, положив руки на бедра, и словно бандиты Бени Крика: «Тут кто-то что-то сказал? Чтобы мы не слышали!» Сажают её, ожившую, в машину и укатывают.

Это было зимой, а летом встречаю опять эту с фотографии недалеко от моего дома, в пустынном месте, где я часто гуляла. Подходит ко мне в компании молодых людей неприятного вида. Счастье, что Чапа была со мной, только одному порвала брюки, и они отошли. А она спрашивает, нет ли у меня телефонных жетонов. Ну-ну... Хотелось её послать подальше, но я повернулась и ушла.

В отдел городского управления, где работал жених, поступила на работу молодая женщина, высокая, толстая, с вечно красным лицом и соломенными волосами. Она с первых дней привязалась к нему. Ходила за ним как пудель, а лучше сказать, при её габаритах, как бульдог. Заигрывала с ним, любезничала, «и на жалость его брала, и испытывала». Как-то им двоим нужно было по работе поехать в какое-то управление, и она упросила взять её с собой, машины у нее не было. В поездке, когда он притормозил, она лицом упала к нему на колени и зубами впилась в ширинку. Сделала вид, что это случайно. Он высадил ее на улице, и ей пришлось добираться на автобусе. А он удивлялся, как её держат на работе – она совершенно ничего не смыслила в технике.

Вскоре там появилась другая женщина, маленькая, очень накрашенная, юбки её едва закрывали трусы. Когда она проходила по отделу, мужчины прищёлки-

вали языками. Но, любезничая со всеми, льнула только к моему жениху. Она была замужем, и с печальным лицом сообщала ему, что муж её – скотина, она его не любит. Женщина компанейская и решительная, она всё время изобретала какие-то уловки, чтобы быть рядом с ним. Время от времени, она просила его подвезти домой под предлогом, что у неё сломалась машина или ей нехорошо. Но он ни разу этого не сделал, видел ее насквозь. Подходя к нему на работе, наклонялась, чтобы показать какой-то чертёж, задевала грудью его руки или лицо. Или наклонялась так низко, что в её декольте была видна грудь. От неё просто некуда было деться. А она продолжала играть в несчастную. Однажды, когда он готовил какой-то чертёж, она подошла очень близко и, притворно поскользнувшись, упала к нему на колени, обняв его за шею. В комнате никого не было, было поздно, люди уже разошлись. И со слезами стала говорить, что не отпустит его, что она его любит, что муж её бьёт. Он, конечно, понимал, что это всё игра. Но тут ему пришло в голову, что она не просто играет. Он рванул ворот её платья и увидел маленький записывающий приборчик. Прижал её к стенке, стал спрашивать, для чего она это делает, а она редела благим матом и продолжала объясняться в любви. Он пошел к выходу. Она – за ним с мольбой и плачем. Он вышел, но вернулся через другой вход, зашёл в соседнюю комнату и затаился. Вскоре послышался мужской голос, который строго спрашивал, почему она так ничего и не добилась. Она оправдывалась, показывая разорванное платье. Тот сказал: «Тебя устроили на работу, в которой ты ничего не смыслишь. Ты думаешь, что тебя будут тут держать задаром?!» Она слушала мат и плакала. Вскоре она ушла из городского управления.

Через какое-то время после её ухода один из сослуживцев стал ходить, широко расставляя ноги. И когда жених спросил, в чём дело, тот завёл его в уборную и показал свои распухшие половые органы. Он сказал, что заразился от этой, и боится, что заразил жену.

Жених теперь остерегался возить, кого бы то ни было, но как-то к нему обратилась уже немолодая женщина из другого отдела с просьбой подвезти её домой. Был сильный ливень, и отказать ей было неудобно. Тем более, что она сказала, что живёт в том же районе, что и он. И была очень скромной, только и говорила по дороге, как она любит своего мужа и детей. Ещё не доехали до места, и тут она попросила остановиться, сказав, что у неё схватило сердце. Как только он остановил машину, скромница моментально сбросила куртку и платье на молнии, под которым ничего не было, впиалась в его губы, схватив рукой за причинное место. Реакция его была быстрой, оторвав её от себя, он открыл дверь машины и вытолкнул её на улицу, выбросив вслед за ней её вещи.

Были ещё мужчины, которые внезапно появлялись в нашем районе и исчезали, не сумев “подружиться” со мною. Были и женщины.

Одна, по имени Гита, прямо предложила войти в нашу семью и стать второй женой, сказав, что у Авраама было две жены. А другая, по имени Лиана, с двухлетней девочкой Моникой, предложила ещё более интересный вариант. Познакомилась она со мной в магазине и вскоре начала жаловаться на мужа, а потом сказала, что её перестала интересовать половая жизнь с мужчиной. До меня сначала не дошел смысл сказанного. Она продолжала ловить меня на улице и непременно продолжала эту печальную тему о наскучившей ей половой

жизни с мужчиной. Через какое-то время она опробовала другой вариант: попросила занести ей домой какую-то книгу, сказав, что будет ждать меня. На мой стук дверь открыл мужчина в плавках. Я протянула книгу и хотела уйти, но он стал настойчиво приглашать зайти, держа руку прямо на причинном месте. Я сразу же побежала вниз по лестнице. Он понёсся за мной. Спасло меня то, что на следующем этаже были люди. И он убежал назад. На другой день, встретив Лиану, я сказала ей, что произошло. Она долго извинялась: «У мужа такая нехорошая привычка – ходить в плавках. Он не имел в виду ничего плохого. Я бы хотела познакомить наших мужчин». Все её дальнейшие попытки сблизиться со мной провалились, и вскоре они исчезли из нашего района».

- Мишенька!

Щелчок.

Твой ход, товарищ кэгэбэ.

Рассказ 33

"У тебя только одна с проблемами. Ты хочешь, чтобы их было двое?" – возразил доктор равнодушно на мой вопрос о свадьбе. Так он отвечает всем родителям, которые хотят своего счастья, но выдают это за желание осчастливить своих детей. За долгую свою практику он знает, что этот его ответ для родителей ничего не значит.

Ни один доктор ещё не остановил ни одного родителя.

А Учитель, конечно, одобрил.

Началась подготовка.

Пришлось сменить его никчёмный тфилин, добавить талит, сменить малый талит и вообще приодеть, чтобы выглядел принцем для принцессы.

А принцесса хороша в любом наряде. Ничего плохого не подумать, только хорошее.

И в армии плохо не подумали, дали профиль 97, а освободили после службы с профилем 21.

Принцессе предстояло расстаться с тёплым домом, созданным для неё по совету Учителя. А Принц кончал с неустроенностью одинокого при живых родителях.

Принцессе дала уроки одна рабанит, а принцу – один рав.

Тема уроков: как это делается?

Принц начинал спать, едва только рав открывал рот. Принцесса слушала с большим душевным подъёмом и своими вопросами вводила рабанит в краску.

19.7.2002 под хупой стояли принцесса и принц. Мама принцессы вместе со свахой – она была за маму принца, водили принцессу семь раз вокруг принца. А я стоял рядом в одиночестве. Потому что родители принца не тратят деньги и время на придуманного принца из их сына с профилем 21.

В квартире Учителя было не протолкнуться. Но всё же мужчины пошли танцующим кругом.

Со свадьбы принцессу и принца проводили в приготовленный для них замок в нашем районе. На двоих у них было только то, что положено принцессе от го-

сударственного страхования за её профиль двадцать один. Принц от положенного ему за его профиль двадцать один, оскорблённый, всегда отказывался. Причитающееся за его профиль получал его папашка, пока не удрал восвояси.

Зáмок был в подвальном этаже, разделённом на отдельные комнаты под сдачу, и построен в пятиэтажном жилом доме. Практичные владельцы зáмков умеют делать их незаметными, поэтому только краешек окна торчал из земли, что скрывало их от глаз городского управления. А жизнь принцев от посторонних глаз.

В первую брачную ночь и в другие их короткой совместной жизни принц пытался сделать э т о. Чтобы э т о получилось, нужно немного ловкости, но с профилем 21 нет ловкости. И э т о не получалось. И его семя орошало принцессу не там. Уроки рава не помогли – они были не об этом. Принцесса не знала, как помочь. Уроки рабанит не помогли – они тоже были не об этом.

Им бы ещё время, чтобы получилось.

И родился бы новый мир целый.

А с утра надо было ещё и кушать. Принц продолжил околачиваться возле кормушки, где кормятся и закрывающие глаза. Принцесса кормилась в оставшемся тёплым доме, в обратную дорогу ей давали продукты для приготовления, которые гнили в холодильнике.

На улице они держались за руки, отличаясь от жителей района, которые не выносят из дома свои взаимоотношения.

Незадолго до конца их совместной жизни, вечером, принц потащил принцессу за руки от умывальника, где она их долго мыла, к телефону – звонить в полицию, сам он не мог сказать слова на иврите. Рукам её было больно, он сжимал их, даже когда она набирала номер, а потом держала трубку. Испуганная, с болями в руках, она дрожала, не понимая, что происходит, не могла говорить. Несколько несвязных слов, среди которых были "папа" и "угрожает", которые он требовал сказать полиции, она перевела на иврит прямо ему в лицо, а в трубку спросила, что от неё хотят.

Когда пришли полицейские, мужчина и женщина, которые были моложе их, принцесса и принц, испуганные, сели на кровать и взялись за руки. Так они и сидели с вытаращенными на полицейских глазами, а те смотрели на них, изучая. Полицейские спросили, кто они друг другу. А принц бубнил принцессе в ухо, что она должна сказать. Спросили её: "О чём он говорит?" Ответила: "Он говорит, что мой папа угрожает ему". Спросили: "Чем?" Принцесса пожала плечами.

Полицейские поднялись, хохотать начали за дверью, хохот поднимался по лестнице и растворился во дворе.

В полиции осталась запись: "Вызов по причине угроз со стороны Михаэля Бабея".

Через несколько дней, утром, он опять схватил руки принцессы очень крепко, было больно, она испугалась, начала кричать. В какой-то момент он разжал руки, она побежала к двери, но он вынул ключ, она несколько раз крикнула в окно "спасите!", но он закрыл окно.

Раздался стук в дверь, он открыл. За дверью стояла хозяйка замка. Принцесса выскочила, а он закрылся на ключ.

Меня вызвали по телефону спокойным голосом, но, чувствуя неладное, я побежал к ним. Принцесса, вся трясясь и плача, стояла в одиночестве в одном из углов хозяйских хором. Показала на синяки на её белых руках и ещё горше заплакала.

Я взялся за телефон. Сразу подскочила хозяйка, недовольно сказала: "Зачем тебе полиция?" Хозяева боялись полиции. Я позвонил, что была попытка убийства. Приехали быстро. Я утешал принцессу в том же углу. Нас повели к амбулансу, возле него пришлось стоять долго.

Наверное, практичные хозяева замка уверяли полицию, что ничего не произошло.

Привели принца в наручниках и усадили в полицейскую машину. Машины тронулись вместе.

Принцессу доставили в больницу "Визит больных".

Принца – в предварительное заключение.

Принцессу обследовали, записали про синяки, про тяжёлое душевное состояние и что она остаётся девственницей. И отпустили домой.

Принца посадили в предварительное заключение на семь дней, дело о задержании 10373/02, уголовное дело 06440/02.

Принцесса вернулась в свой родной тёплый дом.

Принца пригрели: на жалобы принцессы не реагировали, её никуда не вызывали; меня, содержавшего замок, не спрашивали, на мою жалобу не реагировали.

Принца не судили.

Я видел, что Учитель понёс на себе вину за случившееся. За всех нас он нёс на себе.

Поэтому не ему, а другому раву излил душу этой историей, чтобы помог избавить принцессу от принца. Сказал он: "Ну, вот, каждый придёт, наговорит всякое – что же из этого будет?! Нет, нельзя так".

К другим рабаним уже не обращался.

Учитель, как всегда, сделал чудо: через несколько дней принёс принцессе развод. А что если он прилично заплатил принцу за развод? Но это тоже чудо – прилично заплатить для бедного Учителя.

И я плачу: не успел сказать ему, что нет вины его в этом.

Это был очередной ход кэгэбэ.

Чекисты готовили следующий ход.

Через три месяца меня вызвали в полицию. Оказалось, принц подал на меня жалобу.

В полиции уже было записано об угрозах Михаэля Бабеля.

И вот новая жалоба, уже в письменном виде, о новых угрозах.

Написанная красиво, на иврите, она лежала перед следователем, который положил локти на стол, а ладонями прикрыл жалобу от меня. Он спрашивал, зачем я напал на жалобщика. А я отвечал, что не было этого.

Чекисты узнали от меня, что сдал пистолет при входе в полицию, и украли его.

То есть реквизируют пистолет, чтобы предотвратить несчастье.

Чекисты готовили свой следующий ход.

А я – свой, готовил трилогию к печати: "Мой Израиль", "Мудаки", "Прощай, Израиль... или Последняя утопия".

И открыл суд против государства Израиль об украденном пистолете.

На 6.7.2003, за три дня до сдачи книги в печать и за десять дней до суда, чекисты поспешили назначить убийство. Чтобы не было книги, суда и их автора.

А несостоявшимся судом и состоявшимся убийством можно навесить много лапши на уши гомососов, населяющих кэгэбэшню, через теле-радио-оболваниватель.

И списали бы убийство на принца с профилем двадцать один – семейные разборки.

На многочисленные убийства в кэгэбэшне реагируют: "Это кто убийца? Араб? Русский? Какой-то ненормальный?"

Чекисты подготовили алиби, что из-за книг не убивают: 17.7.2003 напечатали "Прощай, Израиль... или Последняя утопия" в еженедельнике.

Какой-то "доброжелатель" давным-давно передал еженедельнику дискет книги.

А покушение было 6.7.2003,

Но разве такое бывает – чтобы алиби было "после"? Ведь вопрос следователя и судьи всегда: где вы были "до" и "во время"? Но не "после". И алиби готовится, чтобы ответить, где мы были "до" и "во время". Но не "после".

Чтобы покушение из-за книг стало выдумкой моего больного воображения, нужно алиби, которое печатают только перед убийством. На случай, если убийство не получилось. А если убийство получилось, перед кем нужно продемонстрировать алиби? Кто, кроме меня, знает о готовящейся к изданию книге? Никто. Кто, кроме меня, закричит, что убивают из-за книги? Никто. Ведь убит из-за угроз, которые никто не будет проверять! Будет незаметное, короткое сообщение: убит в промышленном районе. Да ещё эти русские... И сразу за этим сообщение о погоде. Убийство пройдёт незаметно, как и тысячи других убийств.

Но разве мощная индустрия убийств даёт осечку?

Но вот дала.

Но я-то знаю, что это рука Всевышнего, я её чувствовал на своих плечах.

И Учитель знал.

Что он сказал об этом – умолчу.

Никому, никогда не скажу.

Теперь, после осечки, оставалось перенести алиби на после покушения.

Еженедельник кэгэбэшный, для подобных случаев. Много дней дозванивался и не дозвонился, искал по адресу, вроде бы нашёл, но дверь закрыта, телефон и адрес были из справочника.

Очередной еженедельник выходил 10.7.2003 и был уже набран.

Конечно, проиграли со мной день, а то и больше. Кто я такой! Поэтому вставили в следующий номер, 17.7.2003.

Вот и не напечатали алиби вовремя, то есть "до".

Но кому нужно алиби "после"?

Нужно. И опять же, если убийство не получилось, и нужно только из-за неубитого, не убитого пока, потому что кричит, что убивают из-за книг.

И нужно, чтобы и другие не поверили его крику, что из-за книг убивают.

Да вот, пожалуйста, в еженедельнике его книга.

Для гомососа двух кэгэбэшен сойдёт.

Но алиби только "до"!

А "после" – грязная работа, равная не загоревшемуся Суэцкому каналу в войне Судного дня.

Но разве кэгэбэшня будет готовить алиби "до" на случай неудавшегося убийства какого-то – даже не могу найти слова, чтобы подчеркнуть своё ничтожество перед кэгэбэшней, у которой все виды мыслимого и немислимого оружия, а у меня она украла мой единственный пистолет образца лохматого года?!

Не будет готовить!

Вот рав Кахане – другое дело. Там продумали всё: убийца исчез, украдена киноплёнка, запечатлевшая убийцу, появился подставной араб, пропала смертоносная пуля, подброшена другая смятая пуля, стёрты следы пальцев на рукоятке пистолета и другие детали.

Куда мне равняться с еврейским пророком, которого заслуженно уважили больше!

Американский кэгэбэ – доморощенный, но и на его счету Мартин Лютер Кинг и кое-что ещё. Мартин мешал американским властям.

Рав Кахане, хоть и убит там же, но американским властям не мешал.

Для русского кэгэбэ рав Кахане был нужен только живым – пугалом.

Рав Кахане мешал только израильским властям, он жертва израильского кэгэбэ.

На неудавшееся алиби реагируют: "Разве не бывает совпадений?"

Да, бывает совпадение, только если о совпадении не говорит сам чекист.

Немедленно, после кэгэбэшней публикации, звонят:

- Алё, это газета?

- Это не газета, – отвечаю.

Для всех это конец разговора, но не для чекиста.

- Ну как же, тут дан телефон для откликов, – продолжает он.

- Я пишу, но к газетам не имею отношения. Всего хорошего. – Кончаю разговор.

Снова звонит. Значит, задание ещё не выполнил. Но какое задание?

- Я водитель амбуланса... – В телефоне слышен шум улицы и машин, наверное, нажимает нужную кнопку. – У меня вопрос.

- Это не ко мне.

- Тут подпись "Бабель". Это вы?

- Да. А что напечатано?

- Про неевреев.

- Странно, ничего не посылал. Всего хорошего.

Что нужно чекисту? Больше не звонит. Значит, задание выполнил – забросил слово про неевреев, и знает, что теперь я зашевелюсь. Интересно, где напечатано?

Через полчаса звоню по засвеченному номеру его телефона:

- Уважаемый! А где напечатано?

- В газете "День за днём", – отвечает.

В телефоне слышен шум улицы и машин – про кнопку не забывает.

- Не знаю такой газеты. Всего хорошего.

Ещё через час снова звоню.

- Уважаемый, а за какое число газета?

- Уважаемый, – отвечает, – мы идём спать. Газета за субботу. – И кричит: –

Всё-ё!

Задание он уже давно выполнил и кричал, чтобы у меня и мысли не было о кэгэбэ. Простой человек. Из народа. Водитель амбуланса.

Утром спешу за газетой. Их осталось много, из религиозных газет эту не читают.

А он читает? Религиозную? Которую никто не читает? Водитель амбуланса?

В субботнем приложении нашёл свой текст, но название "Прощай, Израиль... или последняя утопия" заменили на "Еврейское государство, или государство для всех его граждан?"

И для водителя амбуланса написали "Для откликов" и дали два моих телефона и почтовый адрес.

А в газете никаких других фамилий, телефонов и адресов с призывом откликнуться.

Чекисты видели, что без их помощи не узнаю о неизвестной публикации, у которой нет читателей.

И не увижу их алиби.

А они знают о не известной никому публикации?

А теперь, с помощью чекистов, знаю о случайном совпадении покушения и публикации, к которым они не имеют никакого отношения.

Знали там чекисты и здесь знают, что имеют дело с человеком сознательным.

А вразумить меня надо: за книги не убивают.

Чекист играл простого чукчу.

А чукчей был я, который не понимал, что алиби не только для того, чтобы не верили моему крику, но чтобы я сам не верил тому, о чём кричу.

Чтобы мне, чукче, было понятно, о какой моей публикации говорится, чукча-чекист употребил популярное у чукчей слово, с которым чукчи идут спать, – "диссидент".

Так я назвал себя в преамбуле к книге.

Да, так какой вопрос к газете был у водителя амбуланса? Он же звонил по поводу вопроса, а не для сообщения мне о публикации!

Так это же явная оплошность чекистов – забыть про свой вопрос к газете!

Чекисты готовили следующий ход.

И я готовил следующий ход – книгу "Покушение".

Чекисты подготовили суд по ложному обвинению.

Красиво начиналось обвинение: "Обвиняемый – тесть Дмитрия Сандлера (ниже: жалобщик). Между жалобщиком и его женой (дочь обвиняемого) существует семейная ссора".

Ха-ха-о-ой!..

Так началось судебное преследование: "Государство Израиль против Михаэля Бабеля".

А я срочно закончил "Покушение" и подготовил новый ход – книгой "Суд" срочно открыл мой суд: "Михаэль Бабель против государства Израиль". Успел выставить тридцать обвинений против государства. Но и "Суд" срочно закончил и подготовил новый ход – срочно принялся за вот эту книгу.

И дошёл до вот этого места в книге:

Была тихая суббота. После утренней трапезы домашние разошлись по своим углам. Только я чего-то ждал. В дверь постучали. Не успел открыть, а некто уже пытался проникнуть внутрь, наступая на меня, а я выпихивал грудью, ещё не зная кого. Но быстро опознал Евгения Могилевского. А он, пыхтя и задыхаясь, шептал: "Что же это ты делаешь Дмитрию Сандлеру?" Я начал побеждать, и он отпрянул к лестнице – бежать. Я топнул ногой, и он скатился вниз.

Возня у двери не прошла не замеченной домашними, но я всех успокоил, что ничего не было.

И стал ходить из угла в угол до конца субботы.

Ой, как интересно!

Чекист пришёл мазу держать за принца. Но они не были по корешам до свадьбы, лучший кореш не представлял сторону принца на свадьбе. И после свадьбы тоже не было такого кореша. Остаётся единственное место дружбе по корешам после покушения на принцессу. Но чекисты не бывают по корешам с кем-то с профилем двадцать один.

Только если по службе.

Вот чекист и ломился в квартиру "лучшего друга" чекистов мазу держать за чекиста.

В канун нового года(!), за три дня до 12.9.2007, я вышел к моим деревьям с ведром воды и кружкой.

Об этом моём режиме знают только деревья и чекисты.

Дал очередную кружку дереву, выпрямился, а тут человек идёт ко мне: не медленно, разглядывая деревья; не осматриваясь, куда попал; не высматривая меня, к которому идёт. По продуманному заданию, что ли? За семь лет жизни деревьев подходили здесь только поговорить на тему о деревьях.

Называет меня по имени, говорит, что знает меня. Ну, если знает, мне тоже кажется его лицо знакомым.

Снимает с себя рюкзачок небольшой, который всегда должен быть за спиной. Висит себе и не мешает, без нужды его не снимают, руки всегда свободны – в том-то его удобство, что за спиной, по сравнению с сумкой или портфелем. А он, наперекор всему человечеству, снимает его, да ещё и ставит не между ног перед собой, а наперекор всему человечеству – в сторонку.

И рюкзачок, опять же, наперекор всему человечеству, не падает на бок, а такой ровненький, стройненький, устойчивый необыкновенно.

Для съёмки, которая ведётся из него, это очень важно.

Очередная глупость чекистов, которые нерадиво читают классика Михаэля Бабеля про эту и ту кэгэбэшню и не выучили, что там у чекиста под мышкой была папочка на молнии, а на конце молнии – наконечник плоский с дырочкой. Обычно он свободно болтается, а тогда был приделан к папочке, а через дырочку ведётся съёмка.

Я показывал чекисту на эту дырочку, а он, увлечённый съёмкой, долгую минуту не понимал меня. А когда понял, что моя сцена была заснята у него, то громко плюнул на землю.

Товарищ Андропов, которому показали этот фильм со мной в главной роли, долгую ту минуту держался за голову, потому что я смотрел ему прямо в глаза и показывал на него пальцем.

А с рюкзачком у меня большой опыт в этой кэгэбэшне. Как-то проводил демонстрацию в приятном одиночестве напротив кнессета, навесил на решётчатый забор всяких плакатов собственного производства, и растянулся в блаженстве на травке за забором, а заодно, чтобы не видеть, как приводят завозимых гоев в святая святых этого государства.

Раз что-то оглянулся, вижу – за мной, не далеко, наперекор всему человечеству, стоит рюкзачок, и возле него человек развалился. Я со спины на живот – раз; ноги сами по себе в стороны, как при стрельбе – два, левая рука с блокнотиком согнулась в локте, как будто держит ложе винтовки – три, а правая рука с карандашом тянется записать в блокнотик, как будто готовится нажать на курок – четыре. Осталось только пятое – пли! Мигом сел развалившийся было чекист, в страхе уставился на меня, долго приходил в себя и больше не ложился. А я вернулся в исходное положение – на спину.

А этому говорю, что признаю в нём знакомого, но вот не помню и прошу мне напомнить. Он мнётся, говорит негромко, что это напомнит мне неприятное обстоятельство в моей жизни. Но чтобы уважить человека, который подошёл уважить меня даже "неприятным обстоятельством", я прошу не стесняться. Он ещё немного мнётся и напоминает про принца.

Ах, да, вспомнил, говорю. И вопросительно молчу: разве это только для меня "неприятное обстоятельство", а как это для вас?

А он для полного доверия, что здесь не специально, показывает на окна в доме, ниже моих, что здесь живёт его друг.

Значит, пять лет ходит к другу, меня он не мог не видеть. Пять лет видеть и не сказать слова? Пять лет как будто это его не касается. Так чего подходить? И почему вдруг сейчас?

А потому что я начал на компьютере писать про "неприятное обстоятельство". А оно сразу ложится у них на стол.

А дальше-то что? Встреться он на дороге – ну, пара слов, и я пошёл бы дальше. А здесь самое удобное место прихватить меня.

Вынимает сигареты, мол, покурим, посудачим.

О "неприятном обстоятельстве"?! Пять лет многократно видел меня – чего сейчас разводиться сопля? Ну, напомнил, если уж так захотелось, – и иди себе.

Сигарету я не беру. Отравленную дали писателю Войновичу в той кэгэбэшне. А здесь, наверное, заражена сифилисом или эйдем, чтобы медленно подышал. Чтобы все знали, что здесь не убивают, а грязный развратник и извращенец подхватил это от своей Нехамелэ через скайп интернета.

А он дважды спрашивает, не будет ли это мне мешать. Надо же! На открытом воздухе спрашивать?! В задымлённом государстве, где все дымят, чем только можно. Не Америка же, где запрещено курить даже на автобусной остановке.

Берёт сигарету в рот, но скоро бросает на землю, значит – не курит. Так и есть, только одна сигарета чистая – для него, остальные заразные – для меня.

Значит, пришёл только с одним делом – заразить, а рюкзачок заснимет, как я заражаюсь.

И так спешили с отравлением, что не проверили в моей папочке, что не курю последние тридцать пять лет.

А я пока коротко освещаю ему роль принца в новом "неприятном обстоятельстве" – суде, за которым чекисты следят, не отрываясь от моего компьютера.

Но он из другого отдела, и ему нельзя знать о работе не его отдела. Поэтому не знает, как реагировать. С его-то трогательной заботой о том "неприятном обстоятельстве" – и ни звука трогательного "д-а-а" или "а-а" о новом "неприятном обстоятельстве".

А меня разбирает азарт рыбака – такой клёв пошёл! – только успевай наживку менять.

Говорю, что написал книги об этом. Он и на это не знает, как реагировать.

Ах, как клюёт!

Ни слова восхищения молодым, начинающим, бесстрашным писателем.

А где искренний интерес: кто и где издал?

А где обязательный вопрос: а как бы их почитать?

И получить их задарма и показать начальству – во, какой способный!

Ему не знать, что его начальство скопило их десятки, перекрыв на кэгэбэшной почте мои рассылки книг.

Меняю наживку. Говорю, что подарю эти книги, и приглашаю подняться ко мне. И на это – ни звука человеческого.

Клюёт!

Ведь его начальство не предвидело крючка с такими наживками.

Подшли к моей двери. А он в эту же секунду вынул и приставил к уху что-то, как маленький переносной телефон, не видный за ладонью.

Докладывает? Спрашивает разрешение?

Открыл дверь. А он вышел на середину салона, голову вбок наклонил так сильно, что ладонь, державшая что-то над ухом, оказалась выше головы.

И сделал полный поворот вокруг себя, снимая круговую панораму салона.

Какой клёв на пустой крючок, без наживки!

Ни один рыбак не поверит.

Ещё наживки!

Отбираю для него книги и говорю, что дарю ему. Ну, хоть бы какое-нибудь завалющее "спасибо".

Клюёт!

Рыбак благодарен рыбке за хороший клёв.

Мелко дрожит поплавок, даже слабые круги не расходятся по воде: или мелкота тыкается в червячок с них размером, или рыбка осторожничает – неизвестно. Рыбак не подсечёт, выжидает. И вдруг – нет поплавок, канул. Подсекать поздно: если не впился крючок, выпустит рыбка наживку и уйдёт. Но вдруг натягивается леска – рыбка сама села на крючок!

Спасибо рыбке!

И пишу на подаренной книге: "С благодарностью Якову Бройде".

Это он опекал принца от прихода с ним на свадьбу и до прихода к разбору вещичек после ареста принца.

И пришёл к разбору в ту минуту, когда я открыл дверь полуподвала, в который превратился замок.

Об этой минуте моего прихода знали только я и чекисты.

А зачем пришёл?

Всё должно быть подконтрольно – даже разбор вещичек. Ну и на меня посмотреть – чем чаще, тем лучше.

...И вот она – домашняя заготовка победно завершает партию столетия.

За несколько дней перед покушением я был в отделе карт городского управления, искал нужную для работы карту. Знакомая девушка за прилавком, уже выдала мне одну за другой много карт, и я раскладывал их на прилавке и на столах в комнате, просматривал их и не находил нужной.

Вдруг вошли вместе трое: роста неприметного, толщины неприметной, лица неприметные, одежда неприметная, и даже без хвостов они походили на неприметных серых котов с помойки. Коты быстро захватили помещение. Один положил передние лапы на прилавок напротив девушки, которая сидела у компьютера, вилял бесхвостый, щерился ей, что-то мяукнул, заглядывал в компьютер убедиться, на какое имя оформляет девушка квитанцию. А мне сказал с кошачьей улыбкой:

- Бабель, она работает для вас.

Два других кота на задних лапах разглядывали мои карты, прищурив по одному глазу, мурлыкали между собой, выжидая это сообщение кота у компьютера.

За долгие годы, что я навещал это тихое заведение, никогда тут не было больше двоих. И котов тем более. А по девушке, которая уже не поднимала глаза на меня, понял, что она знает, за кем они пришли.

Кот у прилавка продолжал вилять без хвоста, а два других перешли к делу. К этому времени я нашёл нужную мне карту, и они начали собирать мои разбросанные карты, без моего участия. Собирая и складывая их на прилавок, они замурлыкали между собой о неевреях, что они тоже строят это государство. И сразу спросили:

- Что вы думаете о Йёсе и Шуле?

Я человек отзывчивый.

- Да неевреи они, – ответил, поддержав их тему.

- Разве они не евреи? – спросили.

- А потому, что действуют они против евреев, – ответил.

И добавил из моего заглавника всё, что я думаю о таких.

То было последнее знакомство с объектом перед убийством.

Государство спешило ликвидировать меня. Но нет сомнений на свой счёт – был бы в последних рядах в пантеоне многих тысяч уже уничтоженных способом израильского гулага.

Три группы убийц тащили меня на три расстрельные площадки выполнить государственное задание большой важности – а как же! – если столько убийц задействованы.

Не государственная структура не посягнёт на такие уважаемые расстрельные площадки государства.

На площадку в районе Гило в Иерусалиме, которая многократно обстреливалась из арабской деревни Бейт-Джалы, и из-за этого была под постоянным наблюдением властей, один раз вытащил меня "Морис". Он показывал мне, где будет его небольшой заводик строительных блоков. Подвёл меня на то место, оставил одного и на приличном расстоянии от меня очерчивал в воздухе руками воображаемые стены заводика.

В Бейт-Джале что-то не работало в тот день.

Но я-то знаю, Кто им помешал.

На площадку в Гар Адар под Иерусалимом звал меня настойчивый женский голос срочно сделать чертёж, неизвестно какой, неизвестно кому. Весь посёлок – сплошная площадка, там проживают многие сотрудники армии и других служб безопасности, каждое утро приезжают до шестисот рабочих-арабов. Службы убийства, под видом арабов, и арабы, наводимые на цель службами убийства, – часть израильского гулага.

3 июля 2003 года мне позвонил "Гидон". Он пригласил в свою контору в промзоне Иерусалима – Гиват-Шауле, в промышленных зданиях «Сапир», дом номер четыре.

Место знакомое по моим прежним работам.

Обычное дело – такое приглашение. Я инженер, двадцать шесть лет частник, мои данные в телефонной книге.

На мой вопрос, какой номер конторы, Гидон ответил, что находится она на среднем этаже.

В зданиях «Сапир» три и четыре этажа, зависит, с какой стороны смотреть.

- Так какой номер? – спросил его.

- Возле лестничной клетки, – ответил он.

Иногда нет номеров.

Гидон дал два телефона, по которым позвоню, когда подъеду. Выходят встретить, если трудно найти.

Приглашение на 6-е июля в 17:30 вечера.

Для Иерусалима час не поздний, но не для промзоны. В это время огромный двор между промышленными зданиями, обычно забитый машинами, пуст, все конторы закрыты, ни живой души, работают только до 16:00.

6-го июля в 17:15 я позвонил Гидону, что опоздаю на четверть часа. Обычно опозданием не довольны. Но он предложил не спешить и встретиться позже – в 18:30.

В 18:15 я въехал в огромный каменный колодец между промышленными зданиями, только несколько редких машин. Сразу за въездом свернул и встал между двумя машинами.

Вышел, закрыл машину. Тихо, как на кладбище.

Быстрым взглядом окинул знакомое мне место. Дома – стенки каменного колодца, с наружными открытыми коридорами.

На третьем этаже дома номер четыре увидел единственного человека на всю эту пустоту. Крупный человек вытянулся в мою сторону, рука чуть впереди, а в ней, похоже, телефон.

Махнул ему рукой, но он испарился в сторону лестничной клетки.

Я пошёл к этому подъезду и звонил по двум номерам телефонов: один – отключен, второй – надывается от гудения.

Высшая Сила резко развернула меня обратно, потащила к машине, открыла заднюю дверцу вместе со мной, потому что я мешкал, затолкала на заднее сиденье и закрыла за мной дверцу.

Я продолжал звонить.

Вдруг взорвался воздух от мотоцикла без глушителя. А я жал на спасательные кнопки телефона.

Стенки машины не спасали от грохота.

Хотел посмотреть в окно, но не мог шевельнуть головой. Высшая Сила вдавливала меня в сиденье, и я съезжал вниз, между сиденьями, пока голова не опустилась ниже окна.

Мотоцикл на сверхскорости резал двор из конца в конец, от дома к дому. Взрывы мотоцикла без глушителя усиливал каменный колодец.

Последний взрыв перешёл в пронзительный уносившийся свист.

Тяжелая и долгая минута улетела вместе с улетевшим мотоциклом.

Такой тишины после мотоцикла без глушителя я ещё не слышал.

Не смотрел по сторонам.

Перешёл на переднее сидение, медленно сделал реверс и выехал со двора.

Было – 18:30. Пустые шоссе опустевшей промзоны. Семафоры – только зеленые. Быстро уехал далеко.

В 18:40 зазвонил телефон.

- Михаэль, где ты? – спросил «Гидон», удивленный и испуганный.

- На Агрипас, – ответил.

Я ехал в полицию на «Русском подворье» подать жалобу о покушении.

Обычное дело – звонок после несостоявшейся встречи. И если по моей вине – ответ однозначен: а пошёл ты...

Необычное – «Гидон» молчал.

- Повезло вам, – продолжил я, споров глупость.

Обычно телефон давно отключают.

«Гидон» не отключал телефон.

- Повезло вам, повезло, – продолжал я пороть глупость.

Смешно, отметил его удачу, по сравнению с другими убийцами, вытащить меня на расстрельную площадку.

Я выключил телефон.

...Кончается лучшая партия столетия с товарищем кэкэбэ!

Для любителей статистики знаменитых партий: убийств и покушений в партии – пять: Любимая, её плод, я, Нехамелэ и её сын.

Никакой ход уже не поможет товарищу кэкэбэ – цугцванг.

А дальше – как в знаменитой партии Ботвинник-Таль, тогда сопливый щенок лишил матёрого волка короны.

Радиостанции планеты уже захлёбывались красивым словом "цугцванг".

Победитель поднялся из-за столика, спустился в зал, вышел на широкую парадную лестницу, составил туфлями скейтборд и заскользил по ступенькам вниз, распахнув руки, навстречу вспышкам аппаратов мировой прессы...

Ботинки на коже, которые сейчас не носят, у меня есть, на всякий парадный случай.

И выйду на широкую парадную лестницу и заскольжу по ступенькам вниз, распахнув руки, навстречу вспышкам аппаратов мировой прессы.

Старый аппарат с кэгэбэшного склада протрещит короткой очередью...

Щелчок.

- Нехамелэ! Чешу Любимой голову и подушечки за пальцами на ступнях. Спешу закрыть книгу.

- Нехамелэ, ещё последнее.

Из книги жизни Нехамелэ.

К "доктору" Яффе я попала за две недели до родов. Метил он точно, сделал страшно больно, и я закричала. Чем он пытался убить сына, не знаю. Потом, когда родился сын, мы увидели следы "работы" Яффе на его голове. Мне было страшно, но врач-американец сказал, что ерунда и скоро пройдет. Через какое-то время прошло. Яффе знал, куда метил, но рука соскользнула по воле Б-га.

Воды, бывает, сходят при родах. Но у меня были схватки через равные промежутки времени. И ко мне подходил какой-то врач с уколами, и я отказывалась. Он настаивал: "Ты хочешь мучиться? Зачем ты хочешь мучиться? Один укол и ничего не почувствуешь". У меня тогда чуть не вырвалось, что в "Бикур холим" тоже давали много уколов, чтобы умерла. Но я промолчала – страшно было. Он подходил с уколами несколько раз. А потом подошел проверить, как раскрывается матка. Один раз я разрешила, он только двумя пальцами пощупал и ушел. А после подошел как бы за этим, но порвал водную оболочку. И сказал после этого: "Теперь будет хорошо – схватки усилятся и роды скорее будут". Когда сходят воды, это не страшно, но нельзя долго ждать. Мы это знали. И поэтому сразу позвали акушерку, а та сказала другой, "моей", и та меня взяла.

Язык чесался сказать ей, видя, как она бережно вынула моего сына, с какой любовью смотрела на него, как делала всё для меня, – хотелось сказать то, что пришло в голову: "И обратился царь Египта к еврейским повитухам... если сын, умертвите его... Но повитухи боялись Б-га и не делали, как сказал им царь Египта, и помогали детям остаться в живых".

И хотелось сказать ей: "И за то, что страшились повитухи Б-га, создал Он им дома".

И пусть ей будет хорошо за её доброту. Но я промолчала, боялась испугать её этими цитатами из Торы.

С маленькой поправкой: тут не фараон, а Голда...

Когда родился сын, заходили несколько медсестёр и врачей посмотреть на него. Потом другие стали приходить, все с восхищением "какой сладенький!". Сын таранил голубые глаза, все смеялись, а мне было страшно. Акушерка сказала: "Смотри, как всем нравится твой ребенок!" Потом меня с сыном повезли в лифте наверх, было много людей, все делали ему комплименты, смеялись, вспоминали недавнее Энтеббе. А мне было радостно, но страшно, я не забывала, что жизнь его и моя висит на волоске.

Когда после всех мучений уезжали из Иерусалима на такси в аэропорт, сын не спал и провожал глазёнками каждое дерево, стоявшее вдоль длинной дороги. Я плакала потому, что изгоняли нас с этой Земли. Плакала, потому что видела,

как он, малютка, тянется к этой Земле, не хочет, как и я, покидать её. Это продолжалось очень долго – всю дорогу до аэропорта. Для пятимесячного ребёнка это было необычно».

- Мишенька!

Щелчок.

Все, кто убиты в той кэгэбэшне тем кэгэбэ, заслужили быть жертвами кэгэбэ.

Все, кто убиты в этой кэгэбэшне этим кэгэбэ, стали жертвами чего угодно: жертвы арабского террора, жертвы дорожных катастроф, жертвы тремпов и тремпиад, жертвы несчастных случаев, жертвы болезней, жертвы отравлений, жертвы мафии, жертвы хулиганов, жертвы самоубийств, жертвы природных катастроф, жертвы СПИДа, жертвы случайных пуль, жертвы утечки газа, жертвы птичек, загадивших дымоход, жертвы падений из самолёта, из окна, с крыши, с балкона, жертвы семейных разборок, жертвы случайных смертей...

Не счесть.

Заслужили быть жертвами кэгэбэ.

14.11.2003 в интервью газете "Последние известия", Ами Аялон, с 1996 года официально чекист номер один, а не официально даже не из высшей десятки убийц, сказал, что надо хладнокровно убивать "проблемных поселенцев", и пояснил: "Скажу это понятными словами. В жизни любого государства или народа есть более чем одна "Альталена". Политическое руководство государства Израиль уже принимало тяжёлые решения, когда было понятно, какая альтернатива, и политическое руководство в будущем должно будет принимать тяжёлые решения, когда альтернатива ясна".

Убивали "проблемных поселенцев" – Михаэля и Нехаму.

Убивали, "когда было понятно, какая альтернатива": покушение на Михаэля – альтернатива, покушение на Любимую – альтернатива, убийство нарождавшегося у неё – альтернатива, покушения на Нехаму – альтернатива, покушение на нарождавшегося у неё – альтернатива.

И ещё тысячи альтернатив.

"Политическое руководство государства Израиль" обстреляло "Альталену", потопило её и убило евреев, которые были на корабле и в воде, спасаясь вплавь.

"Альталена" не одна была, а много "альтален".

"Политическое руководство государства Израиль уже принимало тяжёлые решения" – убивать.

"Политическое руководство в будущем должно будет принимать тяжёлые решения, когда альтернатива ясна" – убивать.

А если "не будет" – станет "альтернативой". И будет убито.

Кем?

Какое "руководство" "в будущем должно будет принять тяжёлые решения" относительно "политического руководства государства Израиль", если оно "не будет"?

Или "руководство" не допустит, чтобы было такое "политическое руководство государства Израиль", которое не "будет". Не допустит с помощью убийств.

"Руководство", которое "должно будет", – это кэгэбэ государства Израиль.

Кэгэбэ – это убийства, если одним словом.

Кого только не убили и кого только ещё не убьют!
Такой строилась эта кэгэбэшняя – чтобы власть всегда была "наша".

Сколько помню, мой поезд давно ушёл. Когда за окном приближалась платформа, я спускался на нижнюю ступеньку вагона, держась за поручни, поезд притормаживал. Подо мной проплывала платформа, не терпелось соскочить. Поворачивался по ходу поезда взять старт стоя: одну ногу немного согнуть в колене и медленно ставить на платформу, в момент касания с ней оттолкнуться, а второй ногой как бы продолжать бежать. И упасть в раскрытые объятия или самому наскочить и обнять. Я всматривался в лица, искал, к кому соскочить, и не находил. Ни на одной платформе не нашёл. И мой поезд понёсся дальше, уже не притормаживая. Я перестал высматривать встречные платформы, узнавал о них по короткому посвисту, с которым они проносились за окном. Только раз, соскочил, раскинул руки, чтобы не упасть, и упал в объятия Любимой. Объяснял ей на бегу, как вскочить в поезд, который уже набирал скорость: убыстрить бег и сравняться со ступеньками вагона, бежать рядом с ними лицом к вагону, схватить передний поручень, одной ногой оттолкнуться от платформы, а второй ногой вспрыгнуть на нижнюю ступеньку вагона, схватить второй поручень, повиснуть на вытянутых руках, медленно выпрямляться. И, прижавшись к передней поручне, освободил Любимой место на ступеньке рядом со мной, и протянул руку, чтобы уцепилась и вскочила. Но она протянула руку ко мне вопрошающей ладонью вверх. А поезд нёсся дальше. Сейчас мой поезд несётся к далёкой платформе, на которой Нехамелэ. Со мной или без меня он прибудет. Откроется дверь и закроется. И с ней или без неё отойдёт от последней платформы наш поезд...

12.9.2007 – канун еврейского нового года.